

**Библиотека истории русской
философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»**

Бюллетень
Выпуск 15

Департамент культуры города Москвы
Управление культуры ЦАО города Москвы
Библиотека истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Loseва»
Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы»

Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Loseва»

Выпуск 15

Гранд-Фаир
Москва
2012

ББК 74.58

Б 23

**Бюллетень Библиотеки
истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»**

Вып. 15

Издается с марта 2005 г.

Председатель редколлегии: *В.В. Ильина*

Главный редактор: *Е.А. Тахо-Годи*

Редколлегия: сотрудники сектора изучения наследия А.Ф. Лосева
Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Фотохроника: *Е.Б. Виноградова*

*Полное или частичное воспроизведение материалов допускается
только с разрешения Библиотеки истории русской философии и
культуры «Дом А.Ф. Лосева».*

Ссылка на Бюллетень обязательна.

Адрес редакции:

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33,

Библиотека истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».

Тел/факс: (8-499) 252-82-72

На 4 стр. обложки: Мемориальная доска А.Ф. Лосеву в здании средней
общеобразовательной школы № 3 им. М.И. Платова г. Новочеркаска
(скульптор — В.М. Клыков)

© Библиотека истории русской философии
и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 2012

© Издательская группа «ГРАНД-ФАИР», 2012

© Межрегиональный библиотечный
коллектор, 2012

В.В. Ильина

Модель трансформации библиотеки в эпоху новых информационных технологий

Сегодня как никогда остро перед учреждениями культуры стоит задача быть вписанными в городскую среду, стать частью комфортного и востребованного горожанами общественного и культурного пространства.

Государственные программы города Москвы «Культура Москвы 2012–2016 гг.», «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012–2016 годы», «Информационный город» на 2012–2016, «Развитие образования города Москвы на 2012–2016 гг. “Столичное образование”», «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2016 годы» направлены на осуществление этой задачи.

Для преобразования универсальных публичных библиотек предлагаются две модели: «Библиотека — культурный центр» и «Библиотека — МедиаЦентр».

Мы хотели бы предложить третью — «Многофункциональное учреждение культуры» как модель трансформации публичной специализированной библиотеки в эпоху новых информационных технологий.

По программе развития Интеллект-центров на базе публичных библиотек (2004–2006 гг.) предусматривалось преобразование ряда библиотек из универсальных в специализированные. Одним из таких Интеллект-центров стала вновь созданная Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Необычность ее создания в том, что она появилась в ответ на общественную инициативу научного сообщества, которое стремилось сохранить имя Лосева и вернуть русскую философию в гуманитарную культуру России. Сегодня эта библиотека

объединяет философское научное сообщество, является публичным центром воспитания философской культуры москвичей, единственной в стране публичной специализированной философской библиотекой.

Исходя из специализации библиотеки, ярко выраженной мемориальной составляющей, местонахождения, *деятельность библиотеки* осуществляется как *деятельность многофункционального учреждения культуры*, которое является и библиотекой, и мемориальным музеем, и культурным центром, и медиа-центром, и публичным центром воспитания философской культуры, и центром образования и самообразования москвичей.

Расположенная в центре Москвы, на Арбате, вблизи метро, библиотека обслуживает читателей из всех округов и районов Москвы. Естественно, местоположение библиотеки оказывает существенное влияние на деятельность, контингент читателей, востребованность ресурсов, услуг и сервисов, предлагаемых библиотекой.

Кратко рассмотрим *Арбат как общественное и культурное пространство*, проведем краткий социокультурный анализ этого района Москвы.

Сегодняшняя жизнь Арбата

Арбат — это:

- ✓ пешеходная туристическая улица, здесь постоянно много людей;
- ✓ то место, где бывает молодежь, встречается и проводит свободное время, «тусуется», улица развлечений и досуга;
- ✓ туристическая зона, место, где много приезжих, в т.ч. иностранных туристов, улица «обязательного посещения»;
- ✓ место, где находятся посольства, представительства иностранных государств, Министерство иностранных дел;
- ✓ здесь много ресторанов, кафе, сувенирных лавок, банков, офисов и т.п.;
- ✓ самый маленький по числу жителей район Москвы, около 20 тысяч человек, это район дневного пребывания дело-

вых людей и туристов и ночного — любителей развлечений.

Культурная среда Арбата

- ✓ Арбат — это то место, где сосредоточено много памятных мест, музеев, театров, библиотек, бакунистов, т.е. есть культурная среда. Поблизости находятся Кремль, ИФ РАН, издательства «толстых» литературных и художественных журналов, храмы.
- ✓ Арбат — это место со своей уличной культурой, часто низкопробной, уличных музыкантов и художников.
- ✓ Арбат — это «золотая миля», где селятся самые богатые, многие из них культурные и деловые люди, недавно приехавшие в Москву, значительная часть которых хотела бы приобщиться к культуре Арбата, жить в культурном и безопасном районе. Однако здесь осталось мало «старых арбатцев», которые могли бы помочь им ассимилироваться в арбатской среде. Участие в этом процессе учреждений культуры, расположенных в районе Арбата, могло бы восполнить этот «культурный дефицит».
- ✓ Арбат — это место, где мало детей, но есть престижные языковые школы, Гнесинка, куда днем приезжают дети и их родители из разных районов Москвы, Щукинское театральное училище.

Славное культурное прошлое

- ✓ Арбат является во многом «культурным донором» столицы.
- ✓ Арбат — это то место, которое мифологизировано в сознании москвичей, здесь сосредоточена история и культура Москвы, здесь селилась культурная и научная элита конца XIX — начала XX вв., этот район воспел Окуджава.
- ✓ Арбат — это то место, которое любили и которым гордились москвичи, здесь жили, назначали свидания, гуляли с детьми, и которое они потеряли.

Изнанка Арбата

- ✓ Арбат — это место, где много бомжей, людей с девиантным поведением, «стена Цоя», наркоманы, сложный криминальный район, много празднующихся людей.
- ✓ Арбат — это место проведения шествий, ночных и праздничных уличных гуляний, здесь некомфортно местным жителям.

Таким образом, на Арбате работают, учатся, путешествуют, отдыхают, развлекаются и немногие — живут.

Главная задача сегодня: способствовать большей востребованности библиотеки как многофункционального учреждения культуры населением округа и города в целом.

Основная цель: содействовать решению задачи создания для горожан комфортной среды для интеллектуальной и творческой работы, учебы, проведения культурного и интеллектуального досуга, получения информационных услуг, приобщение к вечным культурным ценностям.

Приоритетные задачи библиотеки сегодня:

- 1) Провести ребрендинг библиотеки;
- 2) Привлечь в библиотеку новые группы пользователей — молодых творческих профессионалов;
- 3) «Открыть» библиотеку москвичам как современный культурный институт, предоставляющий горожанину комфортные условия для интеллектуальной и творческой работы, саморазвития, интеллектуального общения, доступ к правовой и социально-значимой информации, электронный доступ к госуслугам, важный элемент городской среды;
- 4) Способствовать туристической привлекательности Арбата как исторического и культурного центра Москвы, гармонизации городской среды в районе Арбата, содействовать развитию района Арбат как «культурного донора» столицы, предлагая услуги культурного и экскурсионного характера;

- 5) Популяризировать русскую философию и культуру, жизнь и творчество А.Ф. Лосева как значимую часть культурного наследия России;
- 6) Объединить имеющиеся в библиотеке ресурсы, предоставляемые услуги и сервисы в единую систему, работающую на конечного пользователя;
- 7) Решить задачу организации библиотечного обслуживания электронными и сетевыми ресурсами на современном уровне, предоставления соответствующих сервисов в библиотеке, развитие удаленных видов услуг (виртуальная справка, электронная доставка документов, новостных каналов на сайте библиотеки и др.), с учетом галопирующего развития мобильной связи;
- 8) Провести изменения в структуре и штатном расписании библиотеки;
- 9) Способствовать повышению заработной платы сотрудников, улучшению условий труда, повышения привлекательности места работы для молодых сотрудников.

Библиотека, открытая в 2004 году как Интеллект-центр, имеет сегодня широкую известность, ею пользуются жители самых разных районов Москвы. Более 2/3 постоянных пользователей — жители не ЦАО, а других московских округов; 1/5 часть пользователей — жители из 50 российских регионов и 20 зарубежных стран. Она объединяет научную и творческую интеллигенцию, известна своими культурными и научными программами.

Основными потребителями услуг, предлагаемых библиотекой, являются взрослые люди: среди читателей библиотеки, около 47% — молодежь до 30 лет; около 18% — люди от 30 до 45 лет; около 16% — 45–60 лет; остальные, около 20% — старше 60 лет. Пользователями библиотеки являются студенты старших курсов, аспиранты, преподаватели гуманитарных вузов, ученые, любители философии, поклонники творчества А.Ф. Лосева, жители и гости Арбата, туристы, пожилые москвичи, большая часть которых имеет высшее образование.

Библиотека, расположенная в здании, являющемся памятником истории и культуры Москвы, обладает уникальными ресурсами.

Особое место занимают бумажные фонды, включающие книжные памятники-коллекции, шесть из которых входят в «Свод книжных памятников Российской Федерации», а также фонд лучшей современной гуманитарной научной литературы. По договору с А.А. Тахо-Годи, ученицей и наследницей А.Ф. Loseva, переданные в дар библиотеке книги не подлежат перемещению в другие места, составляют обособленную коллекцию, являются неотъемлемой частью особо ценного имущества библиотеки. За годы работы библиотека создала ценный специализированный книжный фонд, который сегодня составляет 40 тысяч единиц хранения, планомерно пополняется, востребован.

С первых дней своего создания, библиотека предлагает своим пользователям информацию на бумажных и электронных носителях, сетевые технологии, имеет электронный каталог на весь свой фонд, запись в библиотеку и заказ изданий возможны на сайте библиотеки, через Интернет.

Библиотека создает также *собственный* уникальный цифровой контент, электронную библиотеку «Русская философия от А до Я», электронный архив фото-аудио и видеозаписей мероприятий библиотеки, оригинальные мультимедийные продукты и др.

Однако, несмотря на успехи и востребованность библиотеки, мы стали ощущать необходимость перемен. Сегодня можно говорить о необходимости качественных изменений в предоставлении пользователю ресурсов, услуг и сервисов, основанных на другой идеологии, идеологии равенства библиотекаря и читателя, идеологии учета обратной связи, ориентации на реальные потребности пользователя, идеологии Библиотеки 2.0. Фонд библиотеки должен быть максимально открыт для читателя, и технологии RFID-кодирования позволяют максимально упростить процесс поиска документа пользователем и надежно защитить его от хищения.

Сегодня назрела необходимость модернизации программно-технологического комплекса библиотеки, ее сайта, через

который оказывается основная часть услуг удаленным пользователям, оснащение библиотеки системой интернет-вещания мероприятий в режиме реального времени, выделенной линией Wi-Fi, подпиской на электронные базы данных, на которые сегодня нет финансовых средств.

Одним из важнейших приоритетов развития библиотеки как социального института нужно признать создание МедиаЦентра (далее — МЦ) в структуре библиотеки как точки роста и развития специализированной библиотеки — многофункционального учреждения культуры.

Создание МЦ на базе Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» позволит объединить в единый комплекс следующие наработки библиотеки в области информационных технологий:

- 1) Уже более 6 лет в библиотеке работает виртуальный читальный зал Российской государственной библиотеки, здесь предоставляется доступ к базе данных диссертаций, а также другим базам данных. Эта услуга очень востребована читателями, ежегодно к базам данных обращается не менее 1000 пользователей библиотеки, в 2011 году было выдано свыше 30 000 документов.*
- 2) Со дня открытия, в 2004 году, библиотека была ориентирована на оказание как очных, так и удаленных услуг через свой сайт, предоставление удаленному пользователю доступа к электронному каталогу, запись читателей, выполнение виртуальной справки, доступ к специализированным ресурсам, доставку документов и прочие сервисы. Уже сегодня сайт библиотеки содержит более 6000 оригинальных страниц, а количество посещений сайта почти в 10 раз превышает реальное посещение библиотеки.*
- 3) В библиотеке проводятся экскурсии, как по мемориальной экспозиции, так и памятным местам Арбата. Сегодня библиотека участвует в международном пилотном проекте по созданию цифровых аудиоэкскурсий, доступных с мобильного телефона любому туристу, проходящему по Арбату.*

- 4) С первого дня в библиотеке создается цифровой архив аудио-и видеозаписей лекций выдающихся ученых, выступлений на научных конференциях, семинарах, творческих встречах, презентациях книг, мультимедийных выставок-лекций, представляющих большой интерес как для москвичей, проживающих в удаленных районах Москвы, так и жителей других регионов России и зарубежных стран. У библиотеки имеется положительный опыт проведения Интернет-трансляций мероприятий в режиме on-line. В год в библиотеке проходят более 100 значимых культурных и научных мероприятий.
- 5) Уже третий год в библиотеке создаются 2 электронные библиотеки «Русская философия от А до Я» и «Арбат», в 2012 году Библиотека получила приглашение принять участие в международном проекте по созданию европейской цифровой библиотеки «Европеана».

Для создания МЦ на базе библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» существуют реальные предпосылки. Ниже приводится вариант проекта по созданию Медиацентра, разработанный сотрудниками библиотеки.

1. Цель функционирования МЦ.

МЦ предназначен для предоставления населению информационных услуг на основе использования новейших информационно-телекоммуникационных и мультимедийных технологий с учетом специализации Центра в области русской философии и культуры.

2. Задачи функционирования МЦ.

МЦ предназначен для решения следующих задач:

- Повышение статусной роли библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» для пользовательской аудитории;
- Организация новых видов сервисов и услуг, построенных на широком внедрении ИТ (Информационных Технологий) в библиотечную практику;

- Повышение качественных показателей данных услуг и предоставление широкого доступа к уникальному контенту, имеющему конкретную специализацию и специфику.

3. Функции МЦ в части решения поставленных задач.

Аккумуляция ресурсной базы МЦ путем создания внутренних информационных продуктов, имеющих уникальную специализацию и внешних ресурсов, удовлетворяющих соответствующие потребительские запросы.

4. Программно-технологическая основа функционирования МЦ.

Основной платформой для автоматизации является БИС «ИР-БИС 64», для создания электронной библиотеки ИС «Т-Libra».

Локальная вычислительная сеть (ЛВС) Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» объединяет 41 компьютеров, 6 серверов и бронирует порт сети передачи данных для доступа в сеть Интернет с пропускной способностью оптико-волоконного канала 10 Мбит/с с безлимитным трафиком.

Конфигурация ЛВС библиотеки предусматривает организацию по типу «звезда» и работает под управлением Windows 2000/XP/NT. Она включает в себя также телефонную сеть общего пользования и систему видеонаблюдения и контроля для всех библиотечных помещений.

5. Услуги МЦ в рамках реализации принципа «доступность — качество — эффективность».

- Услуги обеспечения доступа к мультимедийным ресурсам: доступ к собственному аудио и видео архиву, созданному в МЦ Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» и имеющему специализированную направленность, доступ к специализированному контенту сайта, электронной библиотеке и предметно-ориентированным библиографическим и полнотекстовым базам.
- Услуги обеспечения доступности современных мультимедийных технологий: проведение тренингов и специализированных мастер-классов (создание медиаресурсов).

КУЛЬТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ «ДОМА А.Ф. ЛОСЕВА»

А.В. Шашиурин

Хроника культурной и научной жизни «Дома А.Ф. Лосева»: октябрь 2011 г. — июнь 2012 г.

4 сентября Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» выступила участником Фестиваля чтения «Читающий Арбат». В этот день традиционно заполненная людьми пешеходная улица Арбат стала свидетелем нескольких интерактивных образовательных программ Библиотеки; презентации печатных изданий и нового проекта библиотеки «Центр инновационных технологий по сохранению цифрового культурного наследия (создание, сохранение и использование цифровых архивов в библиотеке)». В павильоне Библиотеки все желающие смогли повстречаться с деятелями отечественной культуры: с редакционной коллегией журнала «Сократ» во главе с зам.декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А. Козыревым; с главным редактором журнала «Студенческий меридиан» Ю.А. Ростовцевым; с потомками семьи купцов Абрикосовых. В стенах «Дома А.Ф. Лосева» непрерывно проходили тематические экскурсии: «Я сослан в XX век...»; «Знакомство с Домом А.Ф.Лосева»; виртуальная экскурсия по карте «Философский Арбат» (маршруты по памятным местам жизни и творчества русских философов). В фойе Библиотеки на большом экране будущих читателей знакомили с ресурсами Общего и Научного (Лосевского) зала и информационно-мультимедийными ресурсами библиотеки, а также демонстрировались фильмы по арбатской тематике и мультимедийные выставки. Гости «Читающего Арбата» узнали о новом векторе деятельности «Дома А.Ф. Лосева» — «Буккроссинг» («безопасная книжная полка» в библиотеке, на которой посетители оставляют

свои книги, чтобы любой желающий мог их прочитать) и приняли участие в нескольких философских викторинах. Кроме того, в «Доме А.Ф. Лосева» постоянно действовало несколько выставок, в частности: «Святая, Златоглавая...» (выставка Православной литературы о Москве) и «Приглашаем на экскурсию...» (аудио-путеводители по Москве).

23 сентября, в день рождения А.Ф. Лосева, состоялось торжественное возложение цветов к памятнику А.Ф. Лосеву. У памятника слова памяти произнесли: зам.директора «Дома А.Ф. Лосева» *Т.В. Мошковская*, заведующая Отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы *Е.А. Тахо-Годи*, старший научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева» *В.П. Троицкий*, профессор университета Саппоро (Япония) *В.Н. Жданов*.

7–9 октября Библиотека приняла участие в ежегодном «Фестивале науки», проходившем в «Экспоцентре» на Красной Пресне. Гости и участники фестиваля имели возможность познакомиться с интерактивными научными, образовательными и игровыми программами «Дома А.Ф. Лосева». В течение всех трех дней «Фестиваля науки» многочисленным посетителям мероприятия были предложены: мультимедийная выставка-лекция «М.В. Ломоносов и становление отечественной науки»; медиа-экскурсия по книжно-иллюстративной выставке «Я знак бессмертия себе воздвигнул...»; три открытых урока на темы: «Стремление к достижению абсолюта или тайный смысл игры в шар Николая Кузанского», «Гимназические учебники из книжной коллекции А.Ф. Лосева», «Олимпийские игры в изданиях античных авторов». Кроме того, были проведены две большие презентации: 1) проекта «Центр инновационных технологий по сохранению цифрового культурного наследия (создание, сохранение и использование цифровых архивов в библиотеке)» и 2) печатных изданий Библиотеки за период 2004–2011 гг. Многие из тех, кто побывал на «Фестивале науки» в «Экспоцентре», были приглашены сотрудниками Библиотеки в «Кабинет исследователя». Им были представлены информационные ресурсы, сайт Библиотеки и тематические экскурсии по мемориальной экспозиции «Дома А.Ф. Лосева»: «Я сослан в XX век», «Эллада Алексея Лосева»,

«Последний философ серебряного века», «Философ имени, числа и мифа», «Спасенная библиотека», а также авторская пешеходная экскурсия по карте «Философский Арбат». Ежедневно на стенде «Дома А.Ф. Лосева» сотрудники Библиотеки проводили тематические викторины и интерактивные игры: «Собери мозаику», «Игра в шар Николая Кузанского»; приглашали гостей фестиваля решать философские кроссворды или создать свою эксклюзивную экскурсию по уникальным путеводителям конца XIX — начала XX века. Кроме того, постоянно велась запись новых читателей, проходили вручения читательских билетов и призов.

13 октября в Библиотеке Истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялось вечернее заседание *Международной конференции «Книгоиздательство “Путь” и русская философия Серебряного века: поиски, открытия, уроки»*. Организаторами конференции выступили: кафедра истории отечественной философии философского факультета РГГУ, Международное общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского при РГГУ, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Музей-квартира священника П.А. Флоренского в Москве, Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина в Болшеве, Семинар «Русская философия». Кроме того, в организации конференции приняли участие: Государственный музей А.С. Пушкина, Музей-квартира Андрея Белого, Российская государственная библиотека. Конференция проходила с 13–15 октября (о программе конференции в целом см. в настоящем номере «Бюллетеня», в хронике семинара «Русская философия»). Председателем вечернего заседания в «Доме А.Ф. Лосева» была доцент философского факультета РГГУ и замдиректора Музея Сергея Дурылина в Болшево Анна Игоревна Резниченко. *Модест Алексеевич Колеров* (ИА «Regnum», Москва) в докладе «Книгоиздательство “Путь” и журнал “Логос”». К вопросу об институциональной конкуренции в русской мысли 1910-х гг.» указал на то, что некоторые исследователи истории русской мысли видят главный узел идейно-философской дискуссии в русской философии первой половины 10-х годов XX столе-

тия в противостоянии неославянофильства неозападничеству, которое нагляднее всего выступает в полемически противопоставленных друг другу издательских проектах — книгоиздательстве «Путь» и журнале «Логос». Однако нет никаких оснований сводить коалиционный характер всех без исключения главных идейных проектов русской мысли рубежа веков к бинарным схемам. Корректнее говорить о том, что имея равные универсалистские и общеевропейские претензии и «путейцев» и «логосцев», последние ориентировались на разные универсалии — актуальные и консервативные. Главной темой доклада протоиерея *Александра Союзова* (РГГУ, Москва) — «Русский интуитивизм: восточно-христианский подход к решению вопроса о границах познания. Сравнительный анализ гносеологических построений протоиерея Ф. Голубинского и Н.О. Лосского» — стало исследование гносеологических систем, сформулированных двумя отечественными мыслителями, жившими в разные исторические периоды. Докладчик отдельно остановился на определении методов и целей познания в христианском вероучении, а также наглядно продемонстрировал то, что выбор гносеологических систем протоиерея Ф. Голубинского и Н.О. Лосского в качестве объекта изучения и сравнительного анализа был отнюдь не случаен, поскольку многие исследователи (например, С.А. Левицкий последователь русского интуитивизма и во многом ученик Н.О. Лосского), отмечают глубокую родственную близость их теорий познания. Кроме того, по мнению А. Союзова, обоих ученых можно считать философами, унаследовавшим идеи русской Святоотеческой традиции. Главной темой доклада «Неопубликованная статья о Религиозно-философских собраниях: К истории мировоззренческой позиции Э.К. Метнера 1900-х гг.» *Георгия Владимировича Нефедьева* (Дом С.Н. Дурдылина, Болшево) стал анализ эволюции философско-эстетических взглядов Эмилия Карловича, проявившейся, в частности, в его обзоре третьего номера журнала «Новый Путь» за 1903 год, где поднимался вопрос о религиозной совести, а именно: требует ли понятие господствующего вероисповедания запрещения перехода из него в другое; насколько необходимо государственное содействие ско-

рейшему распространению господствующего вероисповедания путем признания за ним большей правоспособности, нежели за прочими; насколько обоснованно смешение понятий «русский» и «православный»? Докладчик подчеркнул, что анализ текста Метнера помогает реконструкции того историко-философского контекста, в котором осуществлялась деятельность издательств «Путь» и «Мусaget». *Нина Анатольевна Дмитриева* (МПГУ, Москва) в докладе «На перепутье традиций: неокантианская антроподияца Якова Гордина», изложив факты биографии, необходимые для понимания личности мыслителя, остановилась на неокантианском периоде его творчества. Сопоставляя философские взгляды Я.И. Гордина с воззрениями Вл. Соловьева и Г. Когена, она акцентировала внимание на том, что андрогинность, то есть, по Гордину, «гармоничное соединении Софии и Христа», — это необходимая конечная точка эволюции русской культуры. Доклад «П.А. Флоренский и К.Г. Юнг о роли и утрате символов в истории европейской религиозной культуры» *Оксаны Михайловны Седых* (МГУ, Москва) в некоторой степени продолжил компаративную линию, намеченную рядом предыдущих докладов. Он был посвящен сопоставлению идей о. Павла Флоренского с западной мыслью его времени. Докладчик указала на то, что русские мыслители Серебряного века, в первую очередь те, кто был связан с деятельностью издательства «Путь», сумели зафиксировать парадигмальные изменения, происходившие в истории европейской культуры более рельефно, чем западные мыслители того же периода. В частности, учение о. П. Флоренского наполнено идеями о новом типе культурного сознания и пониманием того, что современная ему культура есть крушение культуры эпохи Возрождения и порог нового Средневековья. Кроме того, автор доклада указала на сходство оценок К.Г. Юнгом и П.А. Флоренским протестантизма как историко-культурного явления, разломившего европейскую культуру, причем оба мыслителя причину этого разлома видели в отказе от культовой символики. Также автор доклада провела сопоставление идей психоанализа с воззрениями П.А. Флоренского (в частности, имелась в виду теория сновидений). «Особый путь “Пути” (об-

разно-художественные средства и эстетика изданий)» — доклад *Елены Романовой* (Институт искусствознания РАН), закрывавший вечернее заседание конференции, был посвящен техническим характеристикам (качество бумаги, шрифты, etc.) и стилистическим особенностям всей печатной продукции издательства «Путь». В частности, автор доклада указала на то, что продукция издательства может рассматриваться в качестве образчика стилистического совершенства языка того времени.

14 октября в «Доме А.Ф. Лосева» продолжилась Международная конференция «Книгоиздательство “Путь” и русская философия Серебряного века: поиски, открытия, уроки». Ведущим утреннего заседания конференции выступил старший научный сотрудник Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» *Виктор Петрович Троицкий*. Открывал заседание доклад *Алексея Павловича Козырева* (МГУ, Москва) «“Солнечная мистика” кн. Евгения Трубецкого и “пигмеи” с Зубовского бульвара». Докладчик рассмотрел два типа мировоззрения, своеобразный идейный антагонизм, одним полюсом которого явились философские взгляды Е.Н Трубецкого, а другим — идеи, сформулированные В.Ф. Эрном и С.Н. Булгаковым. А.П. Козырев подробно остановился на мистерию света Е.Н Трубецкого; на представлении о том, что «все в мире Божественно», которое было близко С.Н. Булгакову; на «солнечном восхищении» В.Ф. Эрна. *Клаудиа Вольдт* (Дрезден, Германия) в докладе «Нормативность в лингвистике — дискуссия о нормах и нормативные требования авторов издательства “Путь”» представила результаты исследования, находящегося на стыке нескольких дисциплин: лингвистики, исторической науки, культурологии, теологии, литературоведения и философии, в рамках которого автор доклада поставила ряд вопросов: есть ли культура справедливости; различаются ли западная Европа и Россия в своих представлениях о справедливости; правомерно ли в таком контексте говорить о взаимном влиянии двух цивилизаций и как измерить степень этого влияния? В качестве одного из ключей для ответа на поставленные вопросы докладчик порекомендовала использовать предложенное лингвистами, воспринятое и переработанное фи-

лософами понятие «нормативности текста». Доклад «Выражения должного у Л.Н. Толстого и Н.Ф. Федорова» *Хольгера Куссе* (Дрезден, Германия) явился своеобразным продолжением и дополнением не только предыдущего выступления, но и заявленного выше междисциплинарного исследования, поскольку автор доклада в качестве главной проблемы выделил необходимость определения связи между «бытием» и «должным» в конкретных языковых структурах с помощью понятия «нормативности» на примере текстов Л.Н. Толстого и Н.Ф. Федорова; продемонстрировал их сходства и различия. Заключительный доклад утренней части заседания Международной конференции, посвященной издательству «Путь», был прочитан *Анастасией Георгиевной Гачевой* (ИМЛИ, Москва) на тему «Проблема апокатастасиса в русской религиозно-философской мысли конца XIX — первой трети XX вв.». Здесь автор поставила ряд вопросов, входящих в исследовательское поле, определенное Н.Ф. Федоровым, как «эстетическое Богословие». Также в докладе были затронуты проблемы зла, гордости, метанойи, искупления, прощения и спасения в творчестве Ф.М. Достоевского в частности, и в русской философии начала XX столетия в целом.

20 октября в «Доме А.Ф. Лосева» состоялась презентация журнала «Тамыр» и двух книг поэта Магжана Жумабаева в переводе на русский язык *Ауэзхана Кодара* — философа, писателя, поэта, переводчика казахской поэтической классики (от XV до XXI века включительно). Вечер открывало выступление доктора культурологии, ведущего научного сотрудника Института социологии РАН *Алексея Платоновича Давыдова*. Докладчик подробно остановился на исторической миссии, выполняемой журналом «Тамыр» в современном мире. По мнению А. Давыдова, журнал «Тамыр» — это не только культурологическое, литературно-художественное и искусствоведческое издание, представившее на своих страницах современный культурный процесс в Казахстане, но и площадка, на которой формируется язык диалога евразийских культур. Журнал издается на двух языках — казахском и русском и состоит из нескольких крупных блоков — политологического, исторического и философ-

ского. Выступление доктора филологических наук, профессора Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой *Георгия Теймуразовича Хухуни* было посвящено личности и работе главного редактора журнала «Тамыр» — Ауэзхану Кодару. *Алексей Алексеевич Грякалов*, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии Российского государственного педагогического университета им. Герцена (СПб.) остановился на необычайно значимом опыте для всего евразийского пространства, явленном в особенном взгляде на культуру и, в частности, на русскую культуру, который представлен на страницах журнала «Тамыр». Доктор филологических наук, профессор, заместитель директора ИИЯ РУДН по инновационной международной деятельности *Улданай Максutowна Бахтикирева* указала на несомненные заслуги Ауэзхана Кодара в области поэтико-переводческой деятельности. По мнению докладчика, в переводах казахских классиков А. Кодар чрезвычайно точно отразил внутреннюю детерминанту казахской языковой системы. Шеф-редактор журнала «Тамыр» Замза Кодар, доктор философских наук, рассказала о внутренней жизни и стратегии развития издания. *Альфия Исламовна Смирнова*, один из авторов журнала «Тамыр», высказала мысль, что существование такого издания — это состоявшийся факт сохранения творчества и свободы. В завершение вечера *Ауэзхана Кодар* выразил глубокую благодарность сотрудникам «Дома А.Ф. Лосева» за организацию презентации, сказал несколько слов об истории создания журнала «Тамыр» и представил две книги поэта Магжана Жумабаева. Первая — «Магжан Жумабаев. Исповедь», — двуязычное издание с казахским оригиналом и русским переводом, снабженная предисловием культуролога Алексея Давыдова и вступлением Ауэзхана Кодара, издана в Петропавловске. В сборник вошли стихотворения и поэмы Магжана, а также рассказ «Прегрешение Шолпан». Другая презентуемая книга: «Встреча в поднебесье», куда вошли выборки из поэзии Махамбета, Магжана Жумабаева и Ауэзхана Кодара.

22 ноября в Библиотеке прошел вечер, посвященный памяти одного из создателей и ведущего представителя Московской ма-

тематической школы, Дмитрия Федоровича Егорова. Два события послужили поводом организовать эту встречу: 80 лет со дня кончины Дмитрия Федоровича и 100 лет со дня появления в научном поле знаменитой «теоремы Егорова», составившей славу отечественной математической науки. Ведущий вечера, старший научный сотрудник Библиотеки *Виктор Петрович Троицкий*, напомнил о дружбе и глубоком родстве по духу Д.Ф. Егорова с А.Ф. Лосевым в связи с разрабатываемой двумя учеными имяславской проблематикой, и роковом, сфабрикованном усилиями сотрудников ОГПУ, деле о Всесоюзном центре контрреволюционной монархической организации «Истинно Православная церковь». Он также представил книгу Юрия Михайловича Колягина и Ольги Алексеевны Саввиной: «Дмитрий Федорович Егоров. Путь ученого и христианина». Доктор физико-математических наук *Сергей Сергеевич Демидов* (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе привел ряд интересных фактов из истории отечественной математики конца XIX — начала XX столетия, происходивших на фоне своеобразного антагонизма математических обществ двух российских столиц; отразил специфику проблем, ставших объектом изучения именно московских ученых; подробно описал историю возникновения теоремы Д.Ф. Егорова и разъяснил ее значение и смысл. Докладчик особенно отметил, что Московская математическая школа, где важнейшую роль играли Д.Ф. Егоров и Н.Н. Лузин, воспитала ведущих отечественных математиков XX столетия: достаточно вспомнить имена А.Н. Колмогорова, А.О. Гельфонда, Л.Г. Шнирельмана и многих других. Доктор педагогических наук *Ольга Алексеевна Саввина* (ЕГУ) в рамках небольшой презентации книги: «Дмитрий Федорович Егоров. Путь ученого и христианина» привела ряд интересных фактов биографии отца Д.Ф. Егорова, Федора Ивановича, широко известного в педагогической среде своего времени исследователя и преподавателя; рассказала о гимназических годах Д.Ф. Егорова и привела характеристику педагогической деятельности Дмитрия Федоровича, составленную его современниками. Отец *Александр Щелкачев* (ПСТГУ), сын Владимира Николаевича Щелкачева, посвятил свое выступление разъяснению проблемных вопросов,

связанных с тем, что привлекало Д.Ф. Егорова в имяславии, и привел несколько интересных фактов в связи с историей этого движения; он также прояснил подробности связей, объединявших отца Владимира Воробьева, В.Н. Щелкачева и Д.Ф. Егорова, в частности вопросы, касающиеся «Имяславского кружка» и «Имяславского дела».

29 ноября в стенах Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» состоялось празднование 70-летнего юбилея физика, философа, богослова и переводчика *Сергея Сергеевича Хоружего*. Заместитель директора Библиотеки, *Лариса Викторовна Цуева*, и *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* (МГУ им. М.В. Ломоносова) преподнесли виновнику торжества цветы и памятные подарки, в частности: Бюллетень «Дома А.Ф. Лосева» №14. Ведущий встречи, *Виктор Петрович Троицкий* (Библиотека «Дом А.Ф. Лосева»), пояснил, что латинское изречение «*varia historia*», которое, как правило, переводят как «пестрая история», выбранное в качестве эпиграфа к данному вечеру, имеет самое непосредственное отношение к творческой биографии С.С. Хоружего, которая представляет собой «разнообразную», но, одновременно, и «единую» историю. Кроме того, ведущий отметил, что в своей научной деятельности, какой бы сферы она не касалась: будь то теоретическая физика, история русской философии, анализ произведений Д. Джойса или философская антропология, С.С. Хоружий занят поиском или построением языка, адекватного описываемой реальности. Также В.П. Троицкий рассказал некоторые подробности биографии юбиляра, связанные с его родителями и Великой Отечественной войной. *Сергей Михайлович Половинкин* (РГГУ) рассказал о вкладе С.С. Хоружего в изучение истории путей русской философии. *Анатолий Валерианович Ахутин* (РГГУ) представил на суд аудитории свое понимание такого феномена, как С.С. Хоружий: в научной деятельности — это «служение в миру, как подвижническое труженичество», а в концептуальном плане — «соединение универсализма и конкретности». *Виктор Павлович Визгин* (ИФ РАН) сообщил аудитории ряд ярких биографических картин из жизни юбиляра, пережитых в совместном личном опыте. *О.И. Генисаретский* (ИФ РАН, ИСА) развил тему

синергийной антропологии в деятельности С.С. Хоружего. *Евгений Семенович Полищук* (МГУ им.М.В. Ломоносова) обратился к теме встречи философии с Православием в жизни и творчестве С.С. Хоружего. *Борис Георгиевич Режабек* особенно выделил физическое направление в сфере научных интересов юбиляра. В заключение вечера *Сергей Сергеевич Хоружий* поблагодарил сотрудников «Дома А.Ф. Лосева» и всех выступивших на вечере друзей и коллег за теплые слова в свой адрес и прояснил, что является главной движущей силой его научной деятельности.

13 декабря в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» состоялась презентация книги доктора филологических наук *Людмилы Ивановны Сараскиной* «Ф.М. Достоевский», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Ведущая вечера *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* отметила, что декабря 2011 г. стал значимой датой для «Дома А.Ф. Лосева», поскольку именно 14 декабря в Новочеркасске открывается мемориальная доска, посвященная А.Ф. Лосеву. О Новочеркасске уместно вспомнить и потому, что именно там А.Ф. Лосев открыл для себя романы Ф.М. Достоевского, которые, по собственному признанию философа, стали одним из важнейших факторов, сформировавших его философское мировоззрение. *Андрей Витальевич Петров* (издательство «Молодая гвардия») в своем выступлении обратился к специфике работы над серией «Жизнь замечательных людей», к деталям своего знакомства с Л.И. Сараскиной и к самой книге «Ф.М. Достоевский». *Людмила Ивановна Сараскина* ярко и вдохновенно рассказывала о том, как шла работа над книгой «Ф.М. Достоевский». Этот объемистый том — плод долгих и плодотворных исследований. Путь к Достоевскому был начат еще в студенческие годы. Людмила Ивановна показала важные отличия новой книги от предыдущих работ, в частности, Ю.И. Селезнева и Л.П. Гроссмана. В выступлении Л.И. Сараскиной речь шла и об отношении к Ф.М. Достоевскому А.И. Солженицына, создание биография которого также одна из важных вех в творчестве Л.И. Сараскиной. Людмила Ивановна ответила на многочисленные вопросы слушателей, в том числе находившихся в разных точках мира — шла прямая интернет-трансляция вечера.

24 января в Библиотеке в рамках XX Международных Рождественских образовательных чтений состоялась конференция «О чудесах истинных и ложных». Сопредседателями конференции выступили — профессор Павел Васильевич Флоренский (РГУ нефти и газа им. И.В. Губкина) и Александр Викторович Московский; куратором — Сергей Анатольевич Сошинский (Православный центр «Живоносный источник»). Открывая заседание, П.В. Флоренский очертил границы исследовательского поля конференции. Продолжая эту линию, А.В. Московский рассказал о причинах и истории возникновения комиссии по чудесам, об отдельных направлениях и конкретных результатах деятельности комиссии за последние двадцать лет. Доклад иеромонаха Макария Маркиша (Иваново-Вознесенская Духовная семинария) «Чудо и личность» был посвящен чуду как феномену, существующему в неразрывной связи с воспринимающим субъектом. Докладчик провел четкую границу между позитивным знанием и знанием-переживанием чуда, высказав тезис, что материальная, объективная среда сама по себе нравственно инвариантна, в то время как чудо неотделимо от личностного бытия. Содержание доклада офицера запаса Андрея Николаевича Митрофанова (директора Академии безопасности человека) в полной мере отразила четко сформулированная тема выступления: «Чудесные события, связанные с терактом на Дубровке». В частности, автор доклада остановился на феномене истечения жидкости, похожей на миро, из фотографий подполковника Константина Ивановича Васильева, погибшего во время захвата террористами Театрального центра на Дубровке в Москве в 2002 г. В рамках доклада А.Н. Митрофанов представил несколько фрагментов готовящегося к выпуску документального фильма об этих событиях, явившегося пронзительной иллюстрацией к заявленной теме. Татьяна Алексеевна Шутова (член Союза писателей РФ) в докладе «Чудо в Южной Осетии, 2010 год» сделала краткий экскурс в историю, религию и современность осетин (аланов, осов, ясов). Елена Анатольевна Абрамович (генеральный продюсер Телекомпании «Леон-ТВ») в рамках темы «Мироточение в московских храмах» провела демонстрацию видеоматериалов,

иллюстрирующих результаты сравнения спектроскопического анализа вещества, собранного с иконы «Умягчения злых сердец», хранящейся у Маргариты Викторовны Муравьевой, с аналогичными результатами анализа масел растительного и химического происхождения. *Дмитрий Юрьевич Марченко* (кафедра промышленной экологии РГУ нефти и газа им. И.В. Губкина) продемонстрировал результаты исследования мироточащей иконы. *Сергей Геннадиевич Миров* (режиссер, продюсер, директор агентства «М-Продакшн») выступил с докладом «Метеорологические измерения на горе Фавор в августе 2010 года», где подробно рассказал о результатах этих измерений. В заключение конференции *Павел Васильевич Флоренский* привел любопытные факты, связанные с анализом современной иконы, созданной иконописной мастерской «София».

31 января в «Доме А.Ф. Лосева» было представлено новое издание книги П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины». Ведущий вечера *Виктор Петрович Троицкий* обратил внимание аудитории на то, что эта презентация связана и еще с одной памятной датой — столетием первого выхода в свет книги «Столп и утверждение Истины». Игумен *Андроник (Трубацев)*, редактор издания, отметил, что данная работа отца Павла Флоренского имела четыре редакции. Он выделил ряд факторов, в частности, биографических, послуживших поводом для этого. Докладчик отдельно остановился на тех событиях, которые сопровождали работу П.А. Флоренского над кандидатским сочинением «О религиозной Истине», ставшим ядром его магистерской диссертации и книги «Столп и утверждение Истины». Игумен Андроник обозначил причины, духовные и биографические, побудившие отца Павла написать эту работу. Были приведены многочисленные документальные свидетельства реакции современников на магистерскую диссертацию отца Павла и на книгу «Столп и утверждение истины». Редактор нового издания «Столпа и утверждения Истины» пояснил необходимость так называемых «лирических отступлений», сделанных П.А. Флоренским в книге, некоторые из которых были посвящены его близкому другу Сергею Семеновичу Троицкому, другие — духовнику П.А. Фло-

ренского, иеромонаху Гефсиманского скита Исидору. Докладчик сделал акцент на том, что, поскольку «Столп и утверждение Истины» посвящен путям вхождения в Православную Церковь, то упомянутые «лирические отступления» о. Павла в тексте призваны проиллюстрировать, что для этого жизненно необходимы друг и духовник. Доклад игумена Андроника — внука П.А. Флоренского — сопровождался показом слайдов, зафиксировавших географию мест, связанных с работой о. Павла над книгой. Также игумен *Андроник* обратил внимание аудитории на главные отличия этого издания от предшествовавших. Выступление *Алексея Павловича Козырева* (МГУ им. М.В. Ломоносова) явилось своеобразным возражением Н.А. Бердяеву в связи со статьей последнего о П.А. Флоренском «Стилизованное Православие». Докладчик особенно отметил работу не только редактора, игумена Андроника, над настоящим томом, но и группы сотрудников философского факультета МГУ, а именно Д.В. Бугая и А.Н. Бугай. Кроме того, А.П. Козырев указал на равновеликое значение книги о. Павла для русской философии, сопоставимое с «Критикой чистого разума» И. Канта или «Феноменологией духа» Г. Гегеля для мировой философии. Присутствовавший на вечере *Юрий Трофимович Лисица* (ПСТГУ) поделился личными воспоминаниями о своем пути к книге «Столп и утверждение Истины». Другой книгой, презентованной на этом вечере, стал том: «Священник Павел Флоренский в воспоминаниях своих детей Кирилла и Ольги», о котором коротко рассказала один из составителей, *Мария Сергеевна Трубачева*, уделив особенное внимание биографии детей о. Павла Флоренского. Доклад сопровождала презентация фотографий из семейного архива Флоренских; за которой последовал небольшой видеофильм, запечатлевший, в частности, Ольгу Павловну и отца Андроника. Кадры документальной хроники комментировала *Кира Кирилловна Флоренская*. Дочь Кирилла Павловича привела ряд значимых подробностей биографии своего отца и показала видеозапись выступления Кирилла Павловича на 100-летию со дня рождения о. Павла Флоренского. В заключение вечера *Антонина Александровна Анишуква* (издательство: Академический Проект, Гаудеамус) сказала

несколько слов о проекте издания работ П.А. Флоренского в рамках серии «Философские технологии».

25 февраля в Библиотеке состоялась презентация сборника стихов «Неподвижное солнце» Е.А. Тахо-Годи. Открывая вечер, Елена Аркадьевна Тахо-Годи представила аудитории небольшое слайд-шоу, содержащее фотоснимки из семейного архива и посвященное истории своего рода и семьи, где в калейдоскопе мест, лиц и судеб промелькнули, в частности: Леонид Петрович Семенов, Сергей Петрович Семенов, Алексей Федорович Лосев. Автор снабдила презентацию развернутыми устными комментариями. Кроме того, Елена Аркадьевна рассказала о том, как появился сборник «Неподвижное солнце». Евгений Анатольевич Кольчужкин (издательство «Водолей»), поздравляя виновницу события, отметил, что есть сборники стихов, чья публикация предreshена заранее, и «Неподвижное солнце» из их числа. Валентин Арсентьевич Никитин (радиостанция «Логос») рассказал о своем впечатлении от вышедшего сборника, высказав предположение, что вся поэзия Е.А. Тахо-Годи — это внутренний разговор с собственной душой. В заключение вечера автор прочла несколько своих стихотворений.

13 марта профессор Владимир Карлович Кантор (НИУ ВШЭ) в стенах «Дома А.Ф. Лосева» представил новую книгу: «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России)». В начале встречи докладчик рассказал о судьбах публикации своих научных трудов в издательстве «РОСПЭН». Далее В.К. Кантор перешел к рассуждению о презентуемой книге и указал, что на её страницах он осуществляет попытку проследить процесс становления и развития философского пространства в России как акта преодоления магического, «кумирного» сознания. По мнению докладчика, отказ от понимания, отказ от разума — это одна из определяющих линий российской жизни в XX столетии, которую приходилось преодолевать отечественным мыслителям начала прошлого века. Выступившая далее доктор философских наук Ольга Анатольевна Жукова высказала мысль о том, что научная и религиозная идентичность автора «Крушения кумиров», или Одоления соблаз-

нов» ясно проступает на страницах книги — это христианский универсализм. По ее мнению, вся книга написана в защиту трех важнейших категорий русской и европейской культуры — личность, универсализм и свобода.

19 марта в Библиотеке в рамках совместного заседания научно-исследовательского семинара по истории математики и механики МГУ и семинара «Доклассическая наука» Юрий Львович Менцин (МГУ им. М.В. Ломоносова) прочитал доклад на тему: «Костер и кафедра: у истоков конфликта ученых и Римской католической церкви». Предваряя доклад Ю.Л. Менцина, ведущий вечера Дмитрий Александрович Баяк (ИИЕТ РАН) с прискорбием сообщил о том, что скончался член бюро семинара «Доклассическая наука», историк науки, член-корреспондент Международной академии истории науки, специалист по древнеиндийской математике А.И. Володарский. В своем докладе Ю.Л. Менцин прежде всего указал на три основные вехи конфликта: 17 февраля 1600 г. (казнь Джордано Бруно в Риме); 23/24 февраля 1616 г. (запрещение учения Коперника в Риме); 21 июня 1633 г. (осуждение Галилея в Риме). В качестве двух эпиграфов к заявленной теме докладчик предложил строки из книги М.Я. Выгодского «Галилей и инквизиция»: «Задача исследователя состоит в том, чтобы понять, почему в эпоху Галилея церковь не пошла на компромисс с наукой»; и строки из книги А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения»: «Историк должен ясно ответить на вопрос: за что же, в конце концов, сожгли Джордано Бруно?». А.Ф. Лосев и М.Я. Выгодский в своих трудах предлагают различные объяснения этого конфликта: либо — полная утрата христианской совести со стороны науки (по А.Ф. Лосеву), либо — политические конфликты (по М.Я. Выготскому). Юрий Львович, подробно рассмотрев вопрос о том, что представляла собой западная наука данного исторического периода, предложил ещё одно объяснение указанного конфликта: его можно считать борьбой двух форм богословия — традиционного и «естественно-научного, экспериментального».

22 марта в «Доме А.Ф. Лосева» состоялся юбилейный вечер, посвященный 80-летию писателя и публициста Юрия Николае-

вича Безелянского, озаглавленный: «О времени, о книгах, о себе». Юбиляр поблагодарил сотрудников Библиотеки, организовавших эту встречу; рассказал об особенностях своей творческой работы; о своих книгах, биографии и дружбе с одноклассником Андреем Арсеньевичем Тарковским.

18 апреля в Международный день памятников и исторических мест «Дом А.Ф. Лосева» предложил своим читателям на выбор несколько экскурсий — «Я сослан в XX век...» (в стенах Библиотеки по постоянно действующей мемориальной экспозиции, посвященной жизни и творчеству А.Ф. Лосева) и «Философский Арбат» (по улице Арбат и Приарбатью). На первом этаже, в медиатеке и в холле третьего этажа перед посетителями развернулось несколько выставок: «Думы о России» (1150 лет Российской государственности в трудах русских мыслителей); «“Железный век” русской мысли» (памяти репрессированных философов); «Под сенью истории»; «Путешествие по музеям» и «Цифровые копии редких книг». Желающим предлагалось прослушать научный обзор каждой из выставок. В этот день в течение часа гости «Дома А.Ф. Лосева» могли принять участие в интерактивной реконструкции средневековой философской игры Николая Кузанского — «Игра Кузанского в шар». Состоялась премьера мультимедийной выставки-лекции из серии «Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся русских ученых», где была представлена книжная коллекция Г.И. Соколова. Кроме того, стартовал новый проект Библиотеки — «Буктрейлер». Также все желающие были приглашены на видео-лекторий на тему «Знаменитые московские особняки».

20 апреля, в рамках ежегодной всероссийской акции «Библи-ночь», «Дом А.Ф. Лосева» предложил посетителям обширную культурную программу. В этот вечер можно было совершить виртуальное путешествие по библиотекам Москвы и зарубежных стран, не выходя из «Дома А.Ф. Лосева»; пройти мастер-класс быстрого поиска в Интернете; встретиться с писателем и публицистом Д.В. Драгунским; провести вечер с поэтическим объединением «Добровольное Общество Охраны Стрелков»; стать участником интерактивной интеллектуальной игры «Рас-

крывая книжные сокровища “Дома А.Ф. Лосева”: Тайное и неизвестное...». Постоянно действовала мемориальная экспозиция Библиотеки, посвященная жизни и творчеству А.Ф. Лосева. Читатели могли насладиться общением с любимыми книгами в ночном читальном зале «Дома А.Ф. Лосева» в рамках проекта «“Третье место” — общественное пространство для творческих профессионалов». Состоялась презентация новых выпусков «Журнала Поэтов»: «Перельмания» и «Я-зычники языка», участниками которой стали поэт, доктор философских наук, литературный критик К.А. Кедров, Е. Кацюба, О. Адрова, К. Ковальджи, Г. Виноградов, В. Мельников и другие. Даже так называемая «философская лестница» библиотеки не пустовала: здесь прошла мультимедийная экскурсия, посвященная биографии о. П.А. Флоренского. Продолжили свою работу новые проекты библиотеки: «Буктрейлер» и «Букроссинг».

26 апреля в «Доме А.Ф. Лосева» был представлен второй том грандиозного четырехтомного издания архивных документов эпохи, связанных с именем отца Павла Флоренского, — книга «...Пребывает вечно: письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения». Павел Васильевич Флоренский (РГУ нефти и газа им. И.В. Губкина) указал на то, что эта книга является не только живым свидетельством способности русского народа, в лице лучших его представителей, противостоять разрушающему воздействию послереволюционной идеологии, но и образчиком глубокой личной трагедии и скорби людей, находившихся в «сатанинском, безбожном раю» — Соловецком лагере особого назначения. Докладчик рассказал о том, как работал П.А. Флоренский; о том, что его труд — и научный и жизненный — был «борьбой за Церковь»; о том, как постепенно восстанавливалось его наследие во второй половине XX века. Василий Васильевич Потапов открыл некоторые подробности биографии Алексея Феодосиевича Вангенгейма, рассказал о своем знакомстве и общении на протяжении 12 лет с Элеонорой Алексеевной, дочерью Алексея Феодосиевича. Далее Анатолий Георгиевич Назаров, директор экологического центра ИИЕТ РАН, напомнив аудито-

рии о трагической дате в истории нашего отечества — аварии на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 г., остановился на роли о. Павла Флоренского и Н.Я. Брянцева в изучении свойств бурых водорослей и йода, которые могут способствовать преодолению последствий радиоактивного облучения. *Александр Иванович Олексенко* (НИИ инновационных стратегий общего образования), участник издания, отметил, что в 2012 г. мы отмечаем и пятнадцатилетнюю годовщину первого издания лагерной переписки П.А. Флоренского.

14 мая в стенах Библиотеки состоялась презентация книги *Анатолия Викторовича Гутерца* (члена Союза журналистов Москвы, экономиста) «Николай Верещагин. На благо Отечества». Открывая вечер, заместитель директора Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *Лариса Викторовна Цуева* особенно отметила, что презентуемая автором книга — плод кропотливого девятилетнего труда, и перечислила другие работы А.В. Гутерца, относящиеся к данной теме, а также те, что находятся в фонде «Дома А.Ф. Лосева». Анатолий Викторович остановился на некоторых подробностях биографии Н.В. Верещагина; сопоставил его судьбу с графом А.А. Бобринским; указал, что Николая Васильевича можно смело назвать создателем новой отрасли «сельской промышленности»; сформулировал вклад Н.В. Верещагина в развитие отечественной молочной промышленности; отдельно остановился на своих впечатлениях от продолжительного общения с внучкой Н.В. Верещагина — Марией Кузьминичной.

18–20 мая «Дом А.Ф. Лосева» принял участие в XII Московской международной ярмарке путешествий «Отдых из первых рук» — MITE-2012. Программа работы стенда Библиотеки состояла из презентаций экскурсионных программ по мемориальной экспозиции, посвященной А.Ф. Лосеву, и пешеходной экскурсии по Арбату «Философский Арбат»; представления и демонстрации информационных и мультимедийных ресурсов; виртуального путешествия по миру с путеводителями XIX — начала XX вв. из фондов Библиотеки; воссоздания интерактивной образовательной «Игры в шар» Николая Кузанского; знакомства с гимназическими учебниками из книжной коллекции А.Ф. Лосева.

19 мая в рамках всероссийской акции «Ночь в музее» в «Доме А.Ф. Лосева» постоянно проходили экскурсии по мемориальной экспозиции, носящей эпитафию «Я сослан в XX век...», посвященной жизни и творчеству А.Ф. Лосева; экскурсии по зданию Библиотеки и к памятнику А.Ф. Лосеву. Посещение научного читального зала сопровождалось демонстрацией гимназических учебников из книжной коллекции Библиотеки. В холле третьего этажа развернулась реконструкция средневековой философской игры в шар Николая Кузанского. В конференц-зале Библиотеки сменяли друг друга мультимедийные выставки-лекции: «Эллада Алексея Лосева» (выставка-лекция, основанная на видеозаписи интервью А.А. Тахо-Годи и посвященная творчеству ученого и философа А.Ф. Лосева) и «Открылась бездна, звезд полна...» (мультимедийная выставка-лекция о Космосе в трудах античных философов, русских космистов и А.Ф. Лосева). В холле «Дома А.Ф. Лосева» читатели знакомились с книжно-иллюстративными выставками: «“Думы о России”. 1150 лет русской государственности» и «Отечественная война 1812 года».

24 мая, в годовщину смерти А.Ф. Лосева, философа поминали не только на его могиле на Ваганьковском кладбище, где о. Алексием Бабуриным и о. Александром Виноградовым была отслужена панихида. Состоялось открытие выставки фотографий А.Ф. Лосева работы П.П. Кривцова (см. об этом в разделе «Лосевские дни» в текущем номере «Бюллетеня»), а также совместное заседание Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» и Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы». На заседании выступили Председатель КПО «Лосевские беседы» профессор А.А. Тахо-Годи, директор «Дома А.Ф. Лосева» В.В. Ильина, заведующая Отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы Е.А. Тахо-Годи, старший научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева» В.П. Троицкий, члены КПО «Лосевские беседы» Г.П. Калужный и Ю.А. Ростовцев.

29 мая в Библиотеке прошла встреча с доктором философских наук Михаилом Семеновичем Уваровым (СПб ГУ), а также презентация выходящего под его редакцией философско-культурологического альманаха «Парадигма». Ведущий вечера Вик-

тор Петрович Троицкий отметил редкую интеллектуальную и духовную близость исследований М.С. Уварова кругу тем, рассмотренных не только в работах А.Ф. Лосева, но и во многих трудах, написанных в эпоху религиозно-философского ренессанса русской культуры начала XX столетия. *Михаил Семенович Уваров* рассказал о своих книгах — как опубликованных («Поэтика Петербурга. Очерки по философии культуры» и «Архитектоника исповедального слова»), так и готовящихся к печати («Третья природа»); об истории создания и формате журнала «Парадигма»; о неперiodическом философско-культурологическом издании «Фигуры Танатоса» (сборник, посвященный интерпретациям темы смерти в различных жанрах философского и художественного творчества), редактором которого ему довелось быть, выходившем в Санкт-Петербурге с 1991 года; об участии в коллективной монографии «Постклассические гендерные исследования». Докладчик отдельно остановился на проблеме изучения истории русской философии в современной отечественной философской науке и сравнил последние исследования в этой области с лучшими образчиками начала прошлого столетия, в частности, с историей русской философии Н.О. Лосского.

31 мая в «Доме А.Ф. Лосева» профессор *Иван Андреевич Есаулов* (Российский православный университет) представил свою книгу «Русская классика: новое понимание». Ведущая вечера *Елена Аркадьевна Тахо-Годи* обратила внимание аудитории на то, что название презентуемого тома носит, в хорошем смысле, провокационный характер. Возможно ли новый взгляд, когда речь идет о русской классике? Однако автор работы открывает новые грани, казалось бы, уже досконально изученного феномена. *И.А. Есаулов* рассказал о том, как возникла идея данной книги и о том, что этот труд содержит ряд тем, близких по духу «Дому А.Ф. Лосева». Проректор Литературного института им. А.М. Горького, профессор *Александр Николаевич Ужанков* обратил внимание публики на то, что *И.А. Есаулов* является одновременно и теоретиком и историком литературы; указал на важность рассмотрения древнерусской словесности в контексте Православной культуры, что является одной из главных составляющих работ *Ивана*

Андреевича. А.Н. Ужанков особенно отметил, что автор работы «Русская классика: новое понимание» настаивает на необходимости формирования новой концепции русской словесности в духовном ее смысле и осуществляет попытку выведения основного вектора в творчестве того или иного писателя. *Владимир Николаевич Захаров* (РГНФ), один из рецензентов презентуемой книги, в своем выступлении обратился к тому оригинальному, уникальному, «новому пониманию» общеизвестных произведений русской классики, которое является отличительной чертой исследований И.А. Есаулова. Другой рецензент книги «Русская классика: новое понимание» ректор Литературного института им. А.М. Горького, профессор *Борис Николаевич Тарасов* сделал акцент на том, что И.А. Есаулов был одним из первых исследователей в филологической науке, кто предложил искать новые подходы к русской классической литературе.

7 июня в Библиотеке прошел семинар «Доклассическая наука», на котором обсуждался доклад известного египтолога, доктора искусствоведения *Наталии Алексеевны Померанцевой* (МГАХИ им. В.И. Сурикова) «Пропорции в храмах Древнего Египта (Новое царство)». Этот доклад представляет фрагмент из готовящейся к печати новой книги Наталии Алексеевны. Выступление Н.А. Померанцевой вызвало интерес слушателей и подробную дискуссию.

В Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» продолжились, ставшие уже традиционными, Московские философские библиотечные вечера. В рамках этого мероприятия прозвучал ряд докладов: 28 февраля — «Информационная антропология — человек и социум в электронную эпоху» доктора философских наук К.К. Колина; 11 апреля — доклад генерального директора ГПНТБ, д.т.н. *Я.Л. Шрайберга* «Информационные ресурсы и современные библиотеки: модели интеграции».

В рамках культурно-просветительской программы Библиотеки продолжился цикл лекций по богословию *Артемия Сафьяна* — ведущего факультатива по философии Московской Духовной Академии и Семинарии, на темы: «Что такое богословие?»; «Откуда мы знаем о Христе?»; «Основные положения право-

славного учения о Боге»; «Основные положения православного вероучения о Боге» (часть 2-я); «Православная антропология»; «Учение о Христе».

Продолжалась работа лектория «История мировой культуры», организованного Библиотекой совместно с Греческим культурным центром. Осенью 2011 г. прозвучали лекции кандидата исторических наук *В.П. Былковой* (МГУ им М.В. Ломоносова): «Предэллинизм»; «Греки в период эллинизма»; «Эллинистический период в истории Греции. Часть 2. Поздний эллинизм»; «Эллинистический период в истории Греции. Римское завоевание». В 2012 г. профессором *В.И. Кузицыным* (МГУ им М.В. Ломоносова) были прочитаны лекции: «Как пленная Греция покорила Рим»; «Как пленная Греция покорила Рим (часть 2)»; «Учение о правильных и неправильных формах в государственном устройстве у Аристотеля и его значение»; «Учение о правильных и неправильных формах в государственном устройстве у Аристотеля и его значение» (часть 2).

Семинар «Русская философия».
Хроника: октябрь 2011 — апрель 2012 г.

Отчет о прошедших ранее заседаниях Семинара (первое из них состоялось 7 октября 2004 г., семьдесят седьмое — 27 апреля 2011 г.) представлен в предыдущих выпусках нашего Бюллетеня. Заседания №№ 78, 79, 80, 82, 83, 85, 87, 89 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания №№ 81, 84, 86, 88, 90 — в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына.

Аудиозаписи большинства выступлений на Семинаре доступны для прослушивания в зале медиатеки «Дома А.Ф. Лосева» и на сайте losev-library.ru.

Тезисы докладов даются, если это специально не оговаривается, в авторской редакции. Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией организаторов Семинара.

Заседание № 78 (13–15 октября 2011 г.)

Тема: Международная научная конференция «Книгоиздательство “Путь” и русская философия Серебряного века: поиски, открытия, уроки (к 100-летию деятельности)».

Организаторы: кафедра Истории отечественной философии Философского факультета РГГУ, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Музей-квартира священника Павла Флоренского, Мемориальный дом-музей С.Н. Дурылина в Болшеве, Международное общество историков русской философии им. В.В. Зеньковского, Семинар «Русская философия».

Председательствующие: 13 октября — Х. Куссе, В.В. Сербиненко, А.И. Резниченко, 14 октября — игумен Андроник (Трубачев), В.П. Троицкий, 15 октября — С.М. Половинкин.

Участвовали: Атякшев М.В., Белоусов М.А., Василец И.И., Венгеров А.И., Виноградова Е.Б., Вольдт К., Галимов Р.Р., Гачева А.Г., Гиндин, Головкиц М.Л., Дмитриева Н.А., Добрый В.В.,

Доля В.Е., Егоров В.Е., Едошина И.А., Елисеева А.И., Жебутинская Л.Г., Зайцев О.Ю., Зайцева И.Д., Заславская Е.Е., Иванова Т.И., Козлова О.И., Козырев А.П., Колеров М.А., Комаров И.И., Константинова Е.Ю., Куссе Х., Макухин П.Г., Момджан Э.Л., Набокина М.Е., Нефедьев Г.В., Одинцов А.Б., Орлов О.А., Перова А.О., Плотников Н.С., Половинкин С.М., Пуминова Н.В., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Рожнов В.С., Романова Е.В., Седых О.М., Семенкин Н.С., Скурлатов В.И., Союзов А.Е., Союзова Н.А., Степанова Е.С., Торопова В.Н., Троицкий В.П., Шамшуринов А.В., Шелякин О.В., Эдельштейн М.Ю., Янцен В.В. (список участников, включая докладчиков, приводится для двух заседаний в «Доме А.Ф. Лосева»). Всего: 53 человека.

Выступили с докладами: 13 октября 2011 г., РГГУ (ул. Никольская) — *Б.В. Межуев* (МГУ). «Проблема зла у В.С. Соловьева в интерпретации А.С. Глинки»; *Вл. Янцен* (Галле, Германия). «Г.С. Сковорода у В.Ф. Эрн и Д.И. Чижевского: сравнительный анализ»; *О.В. Марченко* (РГГУ). «В.Ф. Эрн в “путейском” проекте “Русские мыслители”»; *А.И. Венгеров* (РГГУ). «Богоискательство в пространстве русской культуры Серебряного века»; *Н.В. Поселягин* (МГУ). «“Путь” и “сменовеховство”».

13 октября 2011 г., Библиотека «Дом А.Ф. Лосева». Выступили с докладами: *М.А. Колеров* (ИА «Regnum»). «Книгоиздательство “Путь” и “Логос”: институциональная конкуренция в русской мысли 1910-х годов»; *прот. А. Союзов* (РГГУ). «Русский интуитивизм: восточно-христианский подход к решению вопроса о границах познания. Сравнительный анализ гносеологических построений прот. Ф. Голубинского и Н.О. Лосского»; *Г.В. Нефедьев* (Дом-музей С.Н. Дурьлина). «Неопубликованная статья о Религиозно-философских собраниях: к истории мировоззренческой позиции Э.К. Метнера 1900-х годов»; *О.М. Седых* (МГУ). «П.А. Флоренский и К.Г. Юнг о роли и утрате символов в истории европейской религиозной культуры»; *Н.А. Дмитриева* (МППУ). «На перепутье традиций: неокантианская традиция Якова Гордина»; *Е.В. Романова* (Институт искусствознания РАН). «Особый путь “Пути” (образно-художественные средства и эстетика изданий)».

14 октября 2011 г., Библиотека «Дом А.Ф. Лосева». Выступили с докладами: *К. Вольдт* (Дрезден, Германия). «Нормативность в лингвистике — дискуссия о нормах и нормативные требования авторов издательства “Путь”»; *Х. Куссе* (Дрезден, Германия). «Выражения должного у Л.Н. Толстого и Н.Ф. Федорова»; *А.П. Козырев* (МГУ). «“Солнечная мистика” кн. Евгения Трубецкого и “пигмеи” с Зубовского бульвара»; *А.И. Резниченко* (РГГУ, Дом-музей С.Н. Дурылина). «Город-“*Urbis*” и город-“*Civitas*”: два града в путевых интерпретациях (С.Н. Булгаков, Волжский, С.Н. Дурылин)»; *А.Г. Гачева* (ИМЛИ). «Проблема апокатастасиса в русской религиозно-философской мысли конца XIX — первой трети XX в.».

14 октября 2011 г., Музей-квартира священника П.А. Флоренского. Выступили с докладами: *И.А. Едошина* (КГУ им. Н.А. Некрасова). «Смыслы и функции заголовочных текстов в “Столпе и утверждении истины” свещ. П.А. Флоренского (М.: Путь, 1914)»; *В.П. Троицкий* (Дом А.Ф. Лосева). «Символика и эмблематика “Столпа...” священника П.А. Флоренского»; *Т.Н. Резвых* (ПСТГУ, Дом-музей С.Н. Дурылина). «Проблема времени (Флоренский, Эрн, Аскольдов) в контексте полемики с “новым религиозным сознанием”»; *В.Н. Торопова* (Москва). «С.Н. Дурылин и Оптиная пустынь»; *С.М. Половинкин* (РГГУ, Музей свещ. П.А. Флоренского). «К небесному граду или к земному устроению (о книге Евгения Голлербаха “К незримому граду...”»); *игумен Андроник (Трубачев)*. «Работы свещ. П.А. Флоренского о жизни и творчестве о. Серапиона Машкина».

15 октября 2011 г., Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина в Болшеве. Выступили с докладами: *М.Ю. Гоголин* (Москва). «Эрих Голлербах. Письма к Бердяеву и о Бердяеве: неизвестные материалы»; *О.А. Орлов* (Институт искусствознания РАН). «Феноменология религиозного сознания в русской философии начала XX века: подходы и противоречия»; *М.Ю. Эдельштейн* (МГУ). «Был ли Перцов “соловьевцем”?»

Организаторами Семинара были подготовлены и проведены пять экскурсий для участников конференции: «Философская Москва» (12 октября, А.Г. Гачева, В.П. Троицкий), по мемори-

альной экспозиции Музея-квартиры Андрея Белого (12 октября, М.Л. Спивак), по мемориальной экспозиции «Я сослан в XX век...» в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» (13 октября, А.В. Шамшурин, В.П. Троицкий), по экспозиции Музея-квартиры свящ. П.А. Флоренского (14 октября, С.М. Половинкин) и экспозиции Мемориального Дома-музея С.Н. Дурылина (А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых).

Заседание № 79 (10 ноября 2011 г.)

Докладчик: Сергей Хамзеевич Ляпин (Архангельский областной краеведческий музей, ООО «Константа», г. Архангельск).

Тема: Тексты, контексты, концепты. Использование современных систем полнотекстового поиска для исследования произведений русских философов.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Визгин В.П., Виноградова Е.Б., Демидов С.С., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Иванова Е.В., Ильина В.В., Колеров М.А., Мошковская Т.В., Нагибина Е., Перт О.Ю., Петрикова Н.Б., Петрова Т.К., Поляков М.Н., Резниченко А.И., Рожнов В.С., Соловьева Т.И., Фони Д., Фролкина Н.А., Хаевская Т.С., Цуева Л.В., Чепуренко Т.В., Шелякин О.В., Щербаков Ю.А., Всего: 24 человека.

Перед началом семинарского заседания известный историк и издатель, главный редактор информационного агентства «REGNUM» *Модест Алексеевич Колеров* передал в дар Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» приобретенную им рукопись неизвестной работы Д.А. Чижевского — машинопись (с авторской правкой) книги о творчестве Гоголя. Работа была недавно обнаружена *В. Янценом* (Германия). Собравшимся было представлено также новое издание из серии «Исследования по истории русской мысли», выходящей под редакцией М.А. Колерова — монография *Е.А. Прибытковой* «Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева» (М.: 2011).

Тезисы доклада: Исключительное значение оригинального текста для философского исследования любого типа, вида и

уровня — достаточно очевидная вещь. К традиционным техникам и методикам, основанным на «ручном» исследовании текстов, сегодня добавляются возможности компьютерного поиска по полнотекстовым ресурсам с различными формами презентации получаемых результатов. Сами эти исходные ресурсы могут существовать тоже в различных формах и форматах, и могут предполагать различные способы их обработки: от обычных файлов (создаваемых в каком-либо текстовом редакторе, с дальнейшим использованием поисковых средств этого редактора, как правило, достаточно примитивных) до специализированных полнотекстовых баз данных и соответствующих мощных программных инструментов их обработки. Нам кажется целесообразным и перспективным использование для целей автоматизированного исследования текстов еще и такого универсального инструмента, как многофункциональная электронная полнотекстовая библиотека. Она может использоваться как для решения задач информационной поддержки научно-образовательной и культурно-просветительской деятельности (как и всякая библиотека), так и иметь в своем арсенале функциональные модули и опции, позволяющие использовать ее для продвинутой компьютерной обработки текстов.

Работы в этом направлении были начаты нами в середине 1990-х годов в рамках деятельности научно-информационного и инжинирингового центра «Центроконцепт» Поморского государственного университета (Архангельск), а затем продолжены в рамках различных проектов и деятельности различных организаций. В докладе демонстрируются возможности такого подхода на примере информационной системы T-Libra (разработка ООО «Константа», Архангельск), установленной в нескольких организациях России и Украины, в том числе в Библиотеке «Дом А.Ф.Лосева».

1. Полнотекстовый поиск в многофункциональной электронной библиотеке (на базе ИС T-Libra 6.x). В существующей сегодня версии электронной библиотеки (на базе T-Libra 6.6.x) имеются следующие возможности полнотекстового поиска:

а) абзацно-ориентированный: поиск по выбранной совокупности ресурсов с учетом словоизменительной парадигматики

поисковых терминов и представление его результатов в виде списка абзацев полнотекстовых документов, удовлетворяющих условиям запроса;

б) частотно-ориентированный: поиск по выбранной совокупности ресурсов и представление результата в виде частотно-ранжированного списка существительных («терминограмм») с учетом их словоизменительной парадигматики.

1.1. Абзацно-ориентированный поиск предназначен для поиска и презентации фрагментов текста с точностью до отдельных авторских абзацев, содержащих заданную пользователем терминологическую структуру (тем самым эксплицируется «горизонтальный» микроконтекст, в котором в составе абзаца находятся искомые термины). Обеспечивается поддержка нескольких видов и различных форм презентации результатов этого поиска. Отметим некоторые из них.

Простой («однослойный») тематический поиск, с одним комплексным полем для ввода терминов и использованием для этих терминов операторов логического объединения, обязательного исключения термина (знак «минус» перед термином) или обязательного включения термина (знак «плюс» перед термином) в запросе. Это поле функционирует аналогично стандартному поисковому полю в глобальных поисковых системах (Яндекс, Google и т.п.). Результатом поиска является список абзацев, удовлетворяющих заданным условиям. Например, при запросе *+ломоносов +университет наука* будут найдены все абзацы, где обязательно есть термины «ломоносов» и «университет», но может быть (а может и не быть) термин «наука».

Многослойный тематический поиск, с несколькими полями («слоями») и дополнительными изменяемыми параметрами тематической фокусировки запроса. Поле «слой» представляет собой технический инструмент для выделения того или иного содержательного аспекта интересующей пользователя темы; всего может быть сформировано от 2 до 8 слоев. Между слоями действует операция логического пересечения; внутри слоя — операция логического объединения заданных терминов. Имеет возможность комбинировать актуально используемые слои,

например, из трех слоев сделать один обязательным («кликнув» мышкой и поставив в соответствующем поле формы запроса «галочку»), а два других — произвольно выбираемыми при осуществлении запроса.

Тематическая фокусировка запроса достигается за счет выполнения дополнительных условий при его формировании: а) указания минимально необходимого количества слоев (от 2 до 8); б) указания максимального расстояния между терминами, принадлежащими разным слоям: от 0, когда слова из двух разных слоев запроса в составе абзаца примыкают друг к другу, до произвольной величины. Практически не имеет смысла задавать число больше 100. Этот вид запроса может быть рассмотрен также как поиск с использованием квази-тезауруса, создаваемого пользователем *ad hoc* («специально для данного случая») с помощью настроек параметров запроса.

1.2. Частотно-ориентированный поиск предназначен для экспликации различных «вертикальных» контекстов (макроконтекстов), неявно присутствующих в отдельном документе, выбранном подмножестве документов или полнотекстовой базе данных в целом, и построения соответствующих частотно-ранжированных списков терминов (существительных), которые мы называем «терминограммами». Обеспечивается поддержка четырех видов этого поиска и различных форм презентации его результатов:

- абсолютный частотный, результатом которого является частотно-ранжированный список существительных, приведенных к нормальной форме и входящих в ресурсы области поиска;
- относительный частотный, результатом которого является частотно-ранжированный список существительных, входящих только в те абзацы ресурсов области поиска, которые содержат заданный пользователем термин (тем самым список строится «относительно» этого термина);
- абсолютный сравнительный частотный, результатом которого являются отображаемые в одном окне два (или три) частотно-ранжированных списка существительных, входящих

соответственно в две (или три) выбранные пользователем области поиска;

- относительный сравнительный частотный, результатом которого являются отображаемые в одном окне два (или три) частотно-ранжированных списка существительных «относительно» выбранного опорного термина и входящих соответственно в две (или три) выбранные пользователем области поиска.

Все термины, входящие в итоговую терминограмму, являются активными; «кликнув» по любому из них, можно сразу выйти на сформированный абзацно-ориентированный запрос по данному термину.

Эти виды частотного поиска могут использоваться для текстологического анализа (например, сравнения терминограмм двух или большего числа документов и т.п.), для предварительной экспликации предметной области, определения ключевых слов, отбора терминов для тезаурусов, проверки на плагиат и т.п.

1.3. Дополнительные возможности поиска и презентации его результатов:

- осуществляемая пользователем оценка релевантности результатов абзацно-ориентированного запроса;
- автоматическая сборка релевантных результатов запроса (т.е. тематической подборки абзацев) в один файл, с последующим его сохранением на компьютере пользователя или на переносимом хранилище данных (диске, флэшке);
- репрезентация депозитарных (файловых) представлений документа, содержащего найденный абзац текста (при наличии у пользователя соответствующих прав на доступ);
- отображение графического оригинала («имиджа») страницы текстового ресурса, содержащей найденный абзац текста (при условии предварительного постраничного импорта графического представления ресурса);
- формирование «личного хранилища» ресурсов пользователя, отображенных пользователем с помощью инструментов T-Libra для дальнейшей более удобной и эффективной работы (в том числе для включения целиком хранилищ в полнотекстовый поиск).

2. Вышеназванные возможности поиска демонстрируются в докладе на примере подготовки информационных ресурсов на тему «Проблема факта в русской философии (Н.А. Бердяев)». Эти тематические «полуфабрикаты» можно в дальнейшем использовать для подготовки статей, лекций, диссертаций, научных монографий.

Исследование ведется на авторской базе данных, включающих около 1500 полнотекстовых ресурсов (книг, отдельных статей и сборников статей, энциклопедических статей гуманитарной направленности), в том числе около 500 ресурсов по философии (на русском и немецком языках); в их числе около 120 произведений представителей русской философии, в том числе 30 произведений Н.А. Бердяева (книги, сборники статей, отдельные статьи), взятых из открытых ресурсов Интернет или оцифрованных нами в рамках различных проектов.

Предварительный абзацно-ориентированный поиск по термину «факт» дал такие результаты: по всей базе данных этот термин используется в 686 документах, в 8069 абзацах; по произведениям Н.А. Бердяева — в 24 документах, в 214 абзацах.

Предварительный частотно-ориентированный поиск относительно термина «факт» дал такие результаты: в 24 произведениях Н.А. Бердяева термин, с учетом словоизменительной парадигматики, встретился 366 раз (частота в промилле 3,024). Для сравнения: в 6 произведениях А.Ф. Лосева 369 раз (частота в промилле 6,792); в 5 произведениях И. Канта, включая все три «Критики», 48 раз (частота в промилле 5,456).

Для этих же авторов и произведений наиболее частотными существительными являются (результаты абсолютного частотного поиска): у Н.А. Бердяева — «человек» 11287 раз (частота в промилле 7,131); у А.Ф. Лосева — «слово» 964 раза (частота в промилле 2,260); у И. Канта — «понятие» 3282 раза (частота в промилле 7,225).

Далее в докладе показано, как можно эксплицировать терминологические поля в составе авторских абзацев в различных произведениях Н.А. Бердяева и проводить более детальный анализ этих линейных микроконтекстов, включающих в себя тер-

мин «факт» и его лингвистические производные («фактически», «фактический», «фактуальный» и т.д.) и концептуальные синонимы («эмпирический», «опытный», «наглядный» и т.д.). Этот анализ, основанный на абзацно-ориентированных запросах, дополняется поиском по другим терминам, выявляющим разные аспекты темы исследования («опыт», «предметность», «закон», «теория», «принцип», «сознание», «познание», «свобода», «творчество», «история»).

Другие аспекты проблематики выявляются с помощью частотно-ориентированных запросов. Например, можно выявить смысловую окрестность, в которой употребляется термин «факт» и как в целом по корпусу работ Н.А. Бердяева, так и в конкретных его произведениях. В частности, для всего корпуса исследуемых работ в ближайшую окрестность «факта» (определяемую по частотности и в том подмножестве абзацев, где обязательно встречается термин «факт») попадают: «сознание», «свобода», «философия», «история».

Для сравнения: у А.Ф. Лосева это будет «сущность», «слово», «смысл», «эйдос»; у И. Канта: «разум», «понятие», «закон», «предмет». Даже этот простой сравнительный текстологический — а для нас и в целом предварительный — анализ показывает специфику проблемно-тематических пространств, в которых категория «факт» понимается и используется разными философами. Это многое говорит не только об указанных философах, но и о проблеме факта как универсальной категории и общекультурном концепте.

3. О концептологических моделях культурных формообразований для создания концепт-ориентированных поисковых систем (на примере общекультурного феномена «факт»). В заключение кратко рассматривается один из возможных подходов, развивающих тему экспликации смысловых контекстов различных философских и общекультурных феноменов. Это делается на примере общекультурного феномена «факт» и в рамках развиваемой нами с конца 1980-х годов общей теории концептов («концептологии»). На языке концептов формулируется обобщенная модель (концептологическая формула) факта, обсуж-

даются возможности редукции ее к различным терминологическим кластерам для разработки соответствующих поисковых тезаурусов с целью включения последних в концепт-ориентированные полнотекстовые запросы.

В этом направлении сегодня ведутся разработки соответствующих функциональных модулей информационной системы T-Libra для создания многофункциональных электронных полнотекстовых библиотек.

Из вопросов и обсуждений: 1. Докладчик ответил на многочисленные вопросы слушателей о непосредственном применении системы T-Libra (работа с разными цифровыми форматами текстов, учет особенностей сложных шрифтов, применение терминограмм для составления предметных указателей и библиографических описаний). 2. Как положительный пример, С.Х. Ляпин назвал использование своей поисковой системы в творческом взаимодействии с С.С. Неретиной (ИФ РАН) для анализа «смысловых окрестностей» понятия «концепт» в работах Фомы Аквинского и других философов его времени. 3. Были показаны также возможности аппарата терминограмм в задачах по выявлению той или иной преемственности в философских учениях (алгоритмы обработки T-Libra позволяют рассматривать одни тексты как бы «сквозь» другие), а также для установления или подтверждения фактов плагиата.

Заседание № 80 (17 ноября 2011 г.)

Выступающие: Ирина Валентиновна Борисова (ИФ РАН), Алексей Павлович Козырев (МГУ), Константин Юрьевич Бурмистров (ИФ РАН), Михаил Викторович Максимов (Ивановский ГУ).

Тема: Творческое наследие Вл. Соловьева в наши дни. К выходу в свет 4-го тома собрания сочинений философа.

Председательствующий: А.П. Козырев.

Участвовали: Антонова, Блауберг И.И., Бурмистров К.Ю., Ванчугов В.В., Васильева А.М., Взорова Е.А., Визгин В.П.,

Гревцова Е.С., Григорьев А., Громов М.Н., Чуприна, Денисова В.С., Доля В.Е., Енушич С., Ермакова И.В., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Закуренько А.Ю., Заславская Е.Е., Зимин М.Н., Иванова Е.В., Ильина В.В., Кирсанов А.В., Китаева Е.Л., Кичатова С.С., Кузмина, Кучеренко П.С., Маневич Л.И., Мелих Ш., Мелих Ю.Б., Меньшикова Н.А., Нижегородцев А.С., Огаров Н.Г., Петрова Т.К., Половинкин С.М., Режабек Б.Г., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Седых О.М., Селичкина Е.И., Семенкин Н.С., Сербиненко В.В., Сербиненко В.К., Сердюкова Е.В., Сидорова А., Скороходова С.И., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Троицкий В.П., Цуева Л.В., Черняев, Шелякин О.В., Яковлев С.В. Всего: 54 человека.

Из выступлений: 1. Открывая вечер, А.П. Козырев назвал имена исследователей, участвовавших в подготовке данного тома собрания сочинений Вл. Соловьева, и отметил особую роль И.В. Борисовой в его составлении, текстологической работе и подготовке комментариев. 2. Характеризуя особенности научного аппарата 4-го тома, И.В. Борисова пояснила, что они во многом задавались собственно лекционным типом работ, составивших ядро книги («Чтения о Богочеловечестве» и лекции, читанные на Высших женских курсах), потому в обширных примечаниях и комментариях ставилась задача подробно отобразить общественно-исторические и идейные контексты, современные философу. При этом было важно воспроизвести, по возможности полно, многочисленные оценки и отклики современников на эти лекции. В итоге удалось достаточно широко показать педагогическую деятельность Соловьева и дать значительные материалы к пониманию феномена его необычайной популярности среди молодежи. В том включены также рукописные отрывки и заготовки к лекциям, хорошо показывающие творческую лабораторию философа. Впервые опубликована небольшая заметка Вл. Соловьева, получившая условное название «О связи души и тела» (около 1880 г.), которая своеобразно ознаменовала конец спиритуалистического этапа соло-

вьевской философии. 3. Как подчеркнул *А.П. Козырев*, материалы данного тома весьма убедительно свидетельствуют: философская мысль Соловьева изначально носила общественный характер, органично соединялась с идейными веяниями «века сего» и во многом вырастала из его публичных выступлений. Было рассказано также о планах работы над другими томами собрания сочинений Соловьева — в настоящее время развернута одновременная подготовка еще четырех. 4. *К.Ю. Бурмистров* поделился некоторыми наблюдениями, полученными им при составлении комментариев к лекциям о еврейском мистицизме (Каббале), прочитанным философом на Высших женских курсах. Он, в частности, подметил любопытную деталь исторического контекста: если о более поздних выступлениях Вл. Соловьева по «еврейскому вопросу» мы можем найти значительное количество откликов и рецензий в еврейской печати, то о данной лекции по Каббале пресса сохранила полное молчание: соловьевский интерес к еврейской мистике противоречил общему настроению, главенствовавшему в то время и иудаизме. 5. *М.В. Максимов* отметил, что выход в свет 4-го тома сочинений Соловьева, как, впрочем, и предыдущих трех томов — одно из наиболее значимых событий за последние десятилетия в области «соловьёвovedения». Он рассказал также о некоторых проектах, которые удалось реализовать в рамках деятельности Соловьёвского семинара, который существует в г. Иваново с 1999 года: запись CD-диска с одиннадцатью романсами на стихи Вл. Соловьева и регулярное издание сборника «Соловьёвские исследования», на страницах которого представлены работы не только отечественных, но и зарубежных ученых. 6. Как отметила *Е.В. Иванова*, очень правильно, что в данном издании трудов Соловьева нашлось место для материалов, которые в свое время готовил А. Носов, — это достойная дань светлой памяти замечательного исследователя. В качестве одной из главных заслуг презентованного издания она назвала похвальное стремление и умение составителей показать, как жили идеи Владимира Соловьева в умах его современников.

Заседание № 81 (24 ноября 2011 г.)

Докладчики: Наталья Анатольевна Ваганова (ПСТГУ), Сергей Романович Федякин (Литературный институт).

Тема: О мировоззрении М.П. Мусоргского.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участствовали: Ваганова Д.Н., Взорова Е.А., Визгин В.П., Вите М.Л., Галицкая Г.В., Гладкий Т.В., Голикова Г.А., Данчук М.В., Егерева М.М., Загорянская Т.М., Зайцев О.В., Иванова Е.В., Илясова В.Н., Койдан Г.С., Китаева Е.Л., Комаров С.Н., Овчаренко А.В., Половинкин С.М., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Саинов П.М., Спиридонова Г.П., Всего: 22 человека.

Тезисы доклада С.Р. Федякина «Некоторые черты мировоззрения Мусоргского». — Обычно считают мировоззрение М.П. Мусоргского «народническим», вполне «позитивистским», материалистическим, смешивая с тем, что он говорил «согласуясь» с В.В. Стасовым и что говорил самостоятельно. Тем более, что черты «народолюбия» — характерное веяние времени, Н.Н. Страхов не одобрял его у столь разных мыслителей, как Достоевский, Некрасов, Мусоргский.

1. Надпись на партитуре «Бориса Годунова»: «Я разумею народ, как великую личность, одушевленную единою идеею». Народ — единая личность. Здесь проявился органический взгляд на историю у славянофилов, почвенников, а позже — евразийцев; это — попытка определить суть народа или «конгломерата народов» (суперэтноса) и увидеть в этом организм, а не механизм, не только внешнюю «совокупность» людей.

2. «Национальный вопрос». В сущности, для Мусоргского это вопрос быть или не быть самим собой. Его друг — Виктор Гартман, русский архитектор, идеолог «русского стиля» (в коем, согласно косвенному свидетельству В. Стасова, была и «жидовская кровь»). Сестры Пургольд — из русских немцев, но они же — «русские музыкантши». Поэтому Александре Пургольд композитор пишет письма, где не принимает «немецтины» в музыке. А известное якобы «античешское» письмо Балакиреву говорит лишь о том, что чехи не хотят быть чехами, хотят быть «такими

как все». (Интуитивно он совпадает здесь с К.Н. Леонтьевым.) И русские должны быть русскими, т.е. — самими собой, считал Мусоргский.

3. О знакомстве Мусоргского с мировой культурой и мировой философией имеются довольно скудные сведения. Но, по свидетельству современников, Мусоргский — один из образованнейших людей своего времени. В «могучей кучке» он самый начитанный, и не только в области художественной литературы. В юные годы читал немецких мыслителей (знал немецкую классическую философию), хотел переводить Лафатера. Потом был уверен, что немцев «опровергли». Интересовался материалистами (в молодые еще годы читал Гольбаха).

На самом деле очень важно понимать: мышление Мусоргского — очень своеобразное мышление: везде он вычитывал своё. Так, отзыв о Дарвине у него восторженный. Но он вычитал у Дарвина не то, что вычитывали многие, а то, что важнейшая задача для художника — познать человека. (Как ранее, еще совсем молодым, о том же писал Достоевский.)

4. Война с «немецким мышлением» — это война за русское мышление. Ведь каждый народ думает по-своему, подчеркивал композитор. В немецкой философии и немецкой музыке Мусоргский видел родственные черты: немец любит «разжевывать» (письмо Корсакову), русский же может быть более непосредственным. Важно не мысль «правильно построить» (немецкий стиль мышления), но докопаться до сути. Важно не музыку правильно выстроить (законы голосоведения, знание музыкальных форм, как это «бывает»), но главное — правда, а средства могут быть самые разные — какие для этого понадобятся. (Комментарий к своеобразности музыкальных форм композитора: «Рассвет на Москве-реке», «Блоха». Вариации настолько уходят от изначальной темы, что это — уже почти другие темы, но что-то внутренне родственное заставляет услышать продолжение произведения, как ту же самую музыку.)

5. Метод работы: он намеренно сторонился теории, как чего-то «навязанного» сочинению, интуитивно стремился постигать суть, вынашивал и рождал произведение. По складу — инту-

итивист. Вжиться — потом изобразить. Вживался в русскую историю («Борис Годунов», «Хованщина»), в образы других народов — близких («Сорочинская ярмарка») и далеких («еврейская» тема, «Тюльрийский сад», в «Хованщине» играл «немецкие» эпизоды), вживался в старину — «Старый замок», «Римские катакомбы» (и его оперы), в образы детей («Детская»), даже в предмет-образ («Гном», «Баба-Яга», или ранее — «Швея», «Шалунья»).

Этому не противоречит тяга к наблюдательству. «Народов разных наблюдал... да и тисну». Мусоргский всматривается, а не «глазеет». Схватывает суть. Салтыков-Щедрин насмешничал: мол, готов изобразить «извозчика, который потерял кнут». Но Мусоргский — по характеру дарования — мог изобразить всё, что было ему интересно. (Сравним и заметим, что потом Скрябин будет особо стремиться изображать отвлеченные идеи.) Нередки зрительные впечатления от его музыки, вплоть до иллюзий. Пример — «Балет невылупившихся птенцов», в музыке явно сквозит что-то «цыплячье».

В сущности, каждое произведение он создавал заново, как нечто уникальное. Возможно, поэтому мог писать одновременно две оперы, столь противоположные: «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка». Каждая опера — уникальна (= единая «личность»), одна не похожа на другую, поэтому и «общается» одновременно с двумя разными замыслами. Вообще, был способен сочинять много произведений одновременно. Например, год 1874-й. После постановки «Бориса Годунова» примерно таков «срез» его замыслов и воплощений замыслов с мая по начало сентября: работает над несколькими сочинениями — «Хованщина», «Без солнца», «Забытый», «Картинки с выставки», думает о музыкальной сатире «Рак», замысливает «Сорочинскую ярмарку».

6. Везде у Мусоргского — личностный подход. Гордился, когда удавалось воссоздать характер другого народа, когда, например, музыку «Иисуса Навина» евреи приняли за свою. И боялся, что в «Сорочинской» не сможет передать особенности «украинского» начала. Та же направленность проявилась и в создании характеров. «Два еврея, богатый и бедный» из «Картинок». «Детская» —

«С няней». «Женитьба» — суть каждого персонажа (прозу положил на музыку, характер важнее привычных подходов, что сочиняются только на стихи). Причем черты эти важны и в общем, и в групповом, и в индивидуальном. Личности — Борис Годунов, Шуйский. Социальные фигуры — юродивый, отчасти Пимен, в хорах, в «Хованщине» — дети, женщины, мужчины, «пришлые люди» и т.д. (Римский-Корсаков в своей редакции будет соединять: для сцены ему это покажется «пестрым». У Мусоргского же — подчеркивается важность «социальной группы», окрашено еще и историзмом. Не могут «разные слои общества» петь «одинаково».).

7. История — «ночная подруга» Мусоргского, любимое чтение. Отсюда происходит столкновение различных волей в его музыкальной драматургии. В «Борисе Годунове» запечатлена беда русской истории. Встреча в «Хованщине»: мир природы («Рассвет») и мир людей (движение к смерти), запечатлена трагедия человечества, человеческой истории. Но и «соборное начало» в этой трагедии. Все — действующие лица одной трагедии. (Соборное начало обнаруживается и в «Богатырских воротах»: песнопение, колокола). Вместе с тем, каждая эпоха — тоже личность, конец одной — начало другой (в «Хованщине»; в «Борисе Годунове»: конец перед неведомым будущим).

8. Итог. У Мусоргского — чуткость к неповторимому, личностному началу во всём: в природе, в человеке, в животном, в исторических типажах (еще особый пример — подьячий в «Хованщине»), в социальных группах, в народах. И — в музыкантах. В «Автобиографии» заметил: великие композиторы — достигают, другие же только разрабатывают. Нельзя останавливаться, надо идти дальше, открывать новое («к новым берегам»). Каждый крупный композитор — это особое музыкальное мышление. Недаром у него самого было постоянное стремление: каждое произведение — писать по-новому.

Тезисы доклада Н.А. Вагановой «“Народ хочется сделать”: позитивистская эстетика и философия языка М.П. Мусоргского». — В русской музыке XIX века эстетика позитивизма нашла

отражение в знаменитом программном тезисе Даргомыжского: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово, хочу правды». Она в этом качестве наиболее ярко воплотилась в творчестве Мусоргского, — с одной стороны, несомненного позитивиста, исповадовавшего особую философию музыкального языка, и, парадоксально, с другой, — одного из самых апокалиптических художников в русской культуре вообще.

Следуя велениям времени, Мусоргский с увлечением читал «Систему природы» Гольбаха и восхищался Дарвином. Отрекаясь от оперных традиций, практически отказавшись (в «Борисе Годунове») от европейских музыкальных форм и клеймя «симфонических попов», Мусоргский всей своей творческой волей устремился к правде жизни, понимая ее, прежде всего, как достоверное воспроизведение в музыке живой стихии народной речи.

В письмах 1860–70-х гг. Мусоргский фиксирует свою всецелую увлеченность опытами создания нового музыкального языка. Он стремится к художественному воспроизведению человеческой речи во всех тончайших изгибах: «... звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны без утрировки и насилования сделаться музыкой: правдивой, точной» (письмо к Л.И. Шестаковой от 20 июля 1868 г.).

В итоге Мусоргскому удалось невозможное: мелос и гармонию он пересадил на формы языковой речи — и в итоге пересоздал музыкальную форму как речь.

Однако идейный этаж, метафизику, никак не удавалось изъять из художественного языка. Русский живописец искренне пытался быть импрессионистом, а приходил, в итоге, либо к критическому реализму, либо к символизму — у него не получалось оставаться на эмпирическом факте (*impression*), как это прекрасно удавалось французским художникам. Отсюда пресловутая «литературность» русской живописи... По тем же причинам в русской литературе не прижился натурализм типа Золя. Зато в общественных умонастроениях весьма долго оставались влиятельными принципы «натуральной школы» Белинского,

позже обогащенные и переросшие в иное качество в направлении критического реализма, — и в творчестве Достоевского, в том числе.

Мусоргский, неизменно определявший человека как «общественное животное», призывавший художника «ковырять чернотом», в итоге «наложил на себя крест» и пошел «к светлой, сильной, праведной цели, к настоящему искусству, любящему человека, живущему его отрадой, его горем и страдой». Он в своей творческой эволюции показал, пожалуй, самый впечатляющий и мощный пример идейно-стилистической метаморфозы подобного типа.

Из выступлений и обсуждений: 1. Выступивший первым С.Р. Федякин, автор недавно вышедшей биографии М.П. Мусоргского в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 2009), в основном сосредоточился на фактических подробностях жизни и творчества композитора, из которых вполне извлекались некоторые важные характеристики его мировоззрения и особенностей художественного метода. 2. Выступление Н.А. Вагановой, сопровождавшееся музыкальными отрывками из оперы «Борис Годунов», было посвящено философии языка М.П. Мусоргского, причем в сопоставлении с музыкальным языком С.С. Прокофьева и языком романов Ф.М. Достоевского. Попытка подобного междисциплинарного подхода вызвала после доклада оживленную дискуссию. Конечно, чрезвычайно интересно выявлять и понимать, как работает творческое сознание в одной исторической эпохе, но в разных сферах приложения, — в философии, литературе, искусстве, согласились участники семинара. Однако увидеть единства и параллелизмы затруднительно именно в силу невозможности полного или хотя бы адекватного перевода языка одной сферы культуры (например, музыки) на язык сферы другой (например, философии). По этой причине уже сама трактовка или спецификация эстетики Мусоргского как «позитивистской» вызвала несогласие некоторых участников обсуждения.

Заседание № 82 (8 декабря 2011 г.)

Докладчик: Артем Павлович Соловьев (Башкирская академия государственной службы и управления при президенте Республики Башкортостан, г. Уфа).

Тема: «Согласить философию с православной религией»: учение архиепископа Никанора (Бровковича) в контексте русской мысли.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Барабанов В.Л., Василевская Е.М., Васильев Д.Ю., Взорова Е.А., Зайцева И.Д., Иванова Е.В., Илясова В.А., Китаева Е.Л., Козлова О.И., Козырев А.П., Лазько Н.В., Ларичев В.П., Морчадова Н.В., Половинкин С.М., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Скурлатов В.И., Спиридонова Г.П., Чепуренко Т.В., Шамшуринов А.В., Шелякин О.В., Яковлева В.П. Всего: 24 человека.

Тезисы доклада: Третий раздел «Истории русской философии» прот. Василий Зеньковский озаглавил «Период систем». Третья по счету философская система, которую рассматривает о. Василий, — это система архиеп. Никанора (Бровковича). Прежде философии владыки Никанора в «Истории русской философии» рассматриваются системы Вл. Соловьева и В.Д. Кудрявцева-Платонова. Однозначно можно утверждать то, что по своему влиянию на развитие русской философии архиеп. Никанор значительно уступает и Вл. Соловьеву, и В.Д. Кудрявцеву-Платонову. Но это не означает, что он уступает им как по своим философским дарованиям, так и по идейным плодам.

При этом чисто хронологически достаточно сложно говорить о том, чья система была первой. В 1875 году вышел первый том трехтомного философского труда архиеп. Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (2-й том — в 1876 г., 3-й — в 1888 г.). За год до этого, в 1874 г. Вл.С. Соловьев защитил свою «шумную» магистерскую диссертацию против позитивистов. В 1873 году В.Д. Кудрявцев-Платонов защищает докторскую на тему «Религия, её сущность и происхождение». Однако, основные идеи «Позитивной философии...» владыка Никанор

наметил еще в 1868–1871 гг. в курсе лекций по «Основному богословию» и в статье «Можно ли позитивным философским методом доказывать бытие чего-либо сверхчувственного — Бога, духовной бессмертной души и т.п.».

Общими моментами и для архиеп. Никанора, и для его ровесника В.Д. Кудрявцева-Платонова, и более молодого Вл. Соловьева является критика отвлеченных принципов и систем, построенных на отвлеченных началах. Для Вл. Соловьева и для владыки Никанора, в первую очередь, это критика позитивизма и рационализма. Но для архиеп. Никанора конечная цель — «согласить философию с православной религией», для Вл. Соловьева же — «ввести вечное содержание христианства в новую, разумную форму». Таким образом, при формальной общности приоритеты их явно различаются.

С точки зрения архиеп. Никанора, подлинная реальность есть бытие идеальное, «эйдос». «Эйдос» — это объективная форма ограниченного бытия и сознания. «Эйдос» архиеп. Никанора близок и платоновской «идее», и «монаде» Лейбница. «Эйдос» — это и сущность, и духовный атом, способный соединяться с другими эйдосами. «Эйдос» способен воздействовать на внешние и на внутренние чувства, и при этом он суть ограниченная форма объективной реальности в отличие от абсолютного бытия (которое архиеп. Никанор не отождествляет с Богом, скорее это творческая сила Божия). «Эйдос» же оказывается результатом творческого самоограничения абсолютного бытия небытием, ничто. «Эйдос» как конкретное ограниченное бытие есть произведение абсолютного бесконечного и абсолютного ничто.

Это, конечно, уже не пантеистический платонизм, но платонизм христианский, предполагающий творческое, энергичное сопребывание Творца с тварью. Идеино архиеп. Никанор, конечно же, связан с платонизмом и русским духовно-академическим теизмом, который прививался ему еще в Петербургской семинарии и академии. Его преподавателями были А.М. Мишин, А.А. Фишер, В.Н. Карпов. Отношение архиеп. Никанора к переводчику диалогов Платона В.Н. Карпову было неоднозначно, но платоническая линия в воззрениях владыки Никанора про-

слеживается достаточно четко. Здесь он оказывается близок к Вл. Соловьеву и В.Д. Кудрявцеву-Платонову. Но платонизм архиеп. Никанора — христианский платонизм, предполагающий различие тварного и Нетварного, платонизм, связанный и с лейбницианством, но также и с учениями св. Афанасия Александрийского и св. Максима Исповедника.

Что же касается критического контекста, то перечень отечественных мыслителей, которых опровергает, обличает или критикует владыка Никанор, достаточно велик: здесь Н.Г. Чернышевский, Вл. Соловьев, Л.Н. Толстой и многие другие. Так, нельзя обойти вниманием тот факт, что архиеп. Никанор был первым иерархом, выступившим с обличением папистских увлечений Вл. Соловьева. Причем нельзя и забыть, что тот же Вл. Соловьев одним из первых отозвался положительной рецензией на первые два тома «Позитивной философии и сверхчувственного бытия» архиеп. Никанора. Но, кроме того, архиеп. Никанор был первым (опять же, из архиереев), кто выступил с критикой толстовских идей. Шесть «бесед» архиеп. Никанора против Л.Н. Толстого занимают более 250 страниц текста.

Стоит упомянуть о том, что архиеп. Никанор был знаком и состоял в переписке с Н.Я. Гротом. Есть его статья о развитии философских идей Грота, на которую последний дал свой ответ. Под влиянием работ Грота и вопроса о свободе воли, поднятого в Московском Психологическом Обществе, архиеп. Никанор начинает и не заканчивает по болезни большую статью «О свободе воли с христианской точки зрения» (1890 г., опубл. в 1909 г.).

Отметим немногочисленность исследований и рецензий, посвященных философии архиеп. Никанора. Можно назвать три прижизненных отзыва на его труды и шесть посмертных исследований. Вл. Соловьев и П.А. Милославский (доцент, затем профессор философии Казанской Духовной академии, ученик архиеп. Никанора) написали отзывы на первые два тома «Позитивной философии и сверхчувственного бытия», А.Ф. Гусев (профессор Казанской Духовной академии) опубликовал отзыв на третий том. После кончины архиеп. Никанора выходят исследования А.Л. Крылова (ученик архиеп. Никанора, автор работы о

архиеп. Никаноре как педагоге, где рассматриваются и философские его идеи), Н.Ф. Красносельцева (ученик архиеп. Никанора, известный церковный историк), П.В. Знаменского (профессор Казанской Духовной академии, церковный историк, посвятил раздел архиеп. Никанору в «Истории Казанской Духовной академии 1842–1871 гг.»), Я.Н. Колубовского (составитель библиографических материалов для исследования философии архиеп. Никанора), И.А. Невзорова (выпускник Казанской Духовной академии, автор большой статьи «Вера и неверие в отношении к просвещению и жизни (по церковно-учительным произведениям Высокоархиеп. Никанора, архиеп. Херсонского и Одесского)»), А.А. Никольского, прот. А.А. Воронцова (выпускник Казанской Духовной академии, посвятил реконструкции системы архиеп. Никанора большое исследование), прот. В.В. Зеньковского (раздел в «Истории русской философии»).

Среди 11 авторов, упомянутых выше, семеро имеют непосредственное отношение к Казанской Духовной Академии. Это не случайно. Можно с определенной уверенностью сказать, что та особенность казанской духовно-академической философии, которая выделяла ее на фоне московской, петербургской и киевской школ, была оформлена и закреплена при ректорстве архиеп. Никанора. Он упорядочил преподавание предметов в Казанской Духовной академии и привлек преподавателей близкого идейного круга, часто и своих учеников, в трудах которых достаточно сильно сказалось идейное наследие самого архиеп. Никанора. Это можно утверждать однозначно относительно философии П.А. Милославского, в некоторой степени и относительно В.А. Снегирева, и очень опосредованно, но вполне конкретно относительно прот. А.А. Воронцова, И.А. Невзорова и В.И. Несмелова. Следует при этом отметить, что именно у В.И. Несмелова присутствуют конструктивные ссылки на труды архиеп. Никанора в работе «Вера и знание с точки зрения гносеологии» (1913). Это позволяет с некоторой осторожностью, но, тем не менее, вполне серьезно говорить о философской школе архиеп. Никанора, сформировавшейся в Казанской Духовной академии.

Еще одним аспектом рассмотрения философии архиеп. Никанора в контексте русской мысли являются параллели, которые можно провести между его философскими идеями и идеями русских философов Серебряного века. Так, прот. В.В. Зеньковский отмечает, что «эйдосы» архиеп. Никанора близки «эйдосам» у А.Ф. Лосева, что разработкой понятия «космического разума» архиеп. Никанор приближается к софиологической проблематике. Кажется возможным провести также некие параллели между гносеологией архиеп. Никанора и интуитивизмом Н.О. Лосского.

Важным, с нашей точки зрения, является то, что философская система архиеп. Никанора опирается как на традицию православного теистического платонизма, так и на традицию персоналистическую, имеющую своими корнями и христианский персонализм, и монадологию Лейбница. И если, по преимуществу, исследования, посвященные русской религиозной философии, до сих пор противопоставляют платонизм и персонализм, то и философия «высшего синтеза» А.Ф. Лосева, и более ранняя «позитивно-сверхчувственная» философия архиеп. Никанора дают примеры православного теистического синтеза платонизма и персонализма.

Из вопросов и обсуждений: 1. Ряд вопросов, на которые ответил докладчик, затронул соотношение идей владыки Никанора и его предшественников и современников: речь шла о совпадениях с некоторыми положениями К.Н. Леонтьева (критика идеи прогресса, славянский вопрос, тема «блудного сына» в оценке Достоевского и славянофилов); комментировалось богословское прочтение о. Никанором известного арифметического тождества $1 = \infty \cdot 0$ (символически, «творение конечного бесконечным из нуля») и сравнивалось с соответствующими суждениями св. Игнатия Брянчанинова (в «Слове о смерти») и «учением о всемире» А.В. Сухово-Кобылина; рассматривалось расширительное понимание метода позитивизма у владыки Никанора и «бухаревский» контекст; обсуждалось появление идеи «всеединства» у владыки Никанора еще до знакомства с работами Вл. Соловьева; делалась попытка выяснить (после вопроса В.П. Троицкого), в каком смысле владыка Никанор мог опираться на учение

св. Григория Паламы об энергиях и почему «эйдология» владыки Никанора не получила развития в «ангелологию». 2. Реплика С.М. Половинкина: поскольку «эйдосы» у владыки Никанора тварны, то его учение рискует подпасть под критику, которая в свое время была адресована платонизму (к примеру, в анафемах на Иоанна Итала), не так ли? Да, владыка Никанор вполне понимал такую опасность, ответил докладчик. Он в своих исследованиях тщательно оговаривал момент, который можно назвать энергийным, — момент присутствия «ничто» в сотворенном мире как волевой (творческий) акт самоограничения Творца, а под «абсолютным бытием» он понимал прежде всего Божественную энергию. 3. Докладчик, дополняя свое выступление, также довольно подробно характеризовал замечательную педагогическую деятельность архиеп. Никанора.

Заседание № 83 (12 декабря 2011 г.)

Выступающие: Лорен Грэхэм (Массачусетский институт технологии, Гарвардский университет, США), Жан-Мишель Кантор (Институт математики Жюсье, Университет Париж-VII, Франция), Сергей Сергеевич Демидов (ИИЕТ РАН, МГУ), о. Александр Щелкачев (ПСТГУ), Алексей Николаевич Паршин (МИ РАН), Виктор Петрович Троицкий («Дом А.Ф. Лосева»), Дмитрий Александрович Баюк (ИИЕТ РАН).

Тема: Совместное заседание семинара «Русская философия», семинара по истории математики и механики МГУ и редакции журнала «Вопросы истории естествознания и техники», посвященное выходу в свет книги Л. Грэхэма и Ж.-М. Кантора «Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве» (СПб., 2011).

Председательствующий: С.С. Демидов.

Участовали: Абрамов А.М., Алексеенко Е.В., Аль-Даббах Д.Д., Аль-Хамза М., Балазард М., Барабанов В.Л., Будинас Б.Л., Взорова Е.А., Водолагина Ю.Я., Гоготишвили Л.А., Грибов Л.К., Добрый В.В., Доля В.Е., Дроздова Д.Н., Дубовицкая М.А., Едошина И.А., Жаданова В.В., Зубко Г.В., Иванова Е.В., Иванова Еле-

на В., Ильина В.В., Илясова В.А., Исаак И.В., Исаев М.К., Кальтенбах Э., Китаева Е.Л., Климачева В.А., Кожевников А.В., Корецкий И.В., Лобанов В.И., Ляпунова, Мезенков, Николаева З.Н., Новиков Ю.Н., Петрова С.С., Половинкин С.М., Попов Ю.Н., Режабек Б.Г., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Сафронов А.Н., Севастьянова, Семейко А.А., Семенкин Н.С., Сироткина И.Е., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Соловьева, Спиридонова Г.П., Тельпуховская Е.А., Титов А.В., Тихомиров В.М., Устинов В.И., Ушаков В.В., Хованский А.Г., Чиненова В.Н., Швецова М.А., Щербаков Ю.Н., Экстрем П. Всего: 60 человек.

Из выступлений: 1. Открывший заседание С.С. Демидов напомнил, что наше обсуждение проходит в знаменательное время, когда исполнилось 100 лет возникновения Московской математической школы теории функций (если вести отсчет от публикации знаменитой теоремы Егорова; этому событию недавно в «Доме А.Ф.Лосева» был посвящен специальный вечер), и проходит в знаменательном месте — именно на Арбате, где во многом все и начиналось. 2. Профессор Л. Грэхэм кратко рассказал об истории работы над книгой «Имена бесконечности» и основных выводах предпринятого авторами исследования. В центре рассмотренной ими истории идей — «встреча в начале XX века русских математиков, занимающихся теорией множеств, с религиозной практикой имяславия. Теорию множеств, которую блистательно разрабатывали во Франции, постиг сильнейший кризис, после чего на сцену с новой энергией вышли русские. <...> Главная идея книги заключается в том, что религиозная ересь оказалась своеобразными акушерскими щипцами, вызволившими на свет новую область современной математики» («Имена бесконечности», с. 9–10). Далее Л. Грэхэм говорил о фигуре Н.Н. Лузина, одном из создателей названной школы, выдающемся математике XX век, и его духовных связях с приверженцами «мистики имяславия» Д.Ф. Егоровым и П.А. Флоренским. Это трудно доказать, но можно предположить и привлечь косвенные свидетельства, подчеркнул он, что имяславские идеи оказали существенное влияние на расцвет Московской математической шко-

лы. 3. На некоторых общих вопросах связи математики, философии и религии остановился далее Ж.-М. Кантор, обратившийся к известным примерам антиномий, обнаруживаемых при попытке описывать «множество всех множеств», и к парадоксу Ришара, возникающему при некоторых способах именования множеств: и в том и в другом случае обнажается существенная связь трудностей математики и нерешенных проблем языка (именования). Это заставляет задаваться вопросом, все ли позволительно, в частности, в математических определениях. Чрезвычайно интересна для нашей темы, указал Ж.-М. Кантор, давняя дискуссия французских математиков, которая развернулась в 1905 году («пять писем» Бореля, Бэра, Лебега и Адамара, в которых детально рассматривались различия между «определением объекта» и «существованием объекта» в связи с трактовкой смысла теоретико-множественной «аксиомы выбора»). В итоге все они отступили перед трудностями: Борель ушел в прикладную математику, Лебег вернулся в классическую геометрию, Бэр же, сделавший решающий шаг в создании дескриптивной теории множеств, вообще, как известно, покончил с собой. Ж.-М. Кантор подчеркнул, что их с Грэхэмом исследование носит все-таки предварительный характер, и многие вопросы требуют своего разрешения: к примеру, «франко-русскую» часть данной истории еще предстоит связать с историей математики в Германии (здесь особенно показательна эволюция Ф. Хаусдорфа, вдохновлявшегося идеями Ницше, и от идей хаоса пришедшего к топологии) и в Польше (интересны результаты В. Серпиньского, тесно общавшегося с русскими математиками). И еще нужны, конечно, дальнейшие исследования личных архивов Лузина, ключевой фигуры в избранной теме. 3. Далее последовали ответы авторов книги на вопросы участников заседания. В частности, речь зашла об идейных связях учителя и ученика, Н. Бугаева и Д. Егорова — имелось в виду оформление аритмологии и осознание проблемы «разрывности». Л. Грэхэмом упоминалась и специально цитировалась работа А. Белого о «магии слов» в связи с вопросом о возможных связях русского символизма и имяславия. В аудитории была явно негативно воспринята номинация

имяславия как «ереси» (что оформилось в вопрос *С.М. Половинкина*), на что Л. Грэхэм ответил, что он не берется давать собственную оценку и опирается, скорее, на известные решения Священного Синода 1913 г. Для понимания сущности имяславия и толкования ключевого тезиса «существует то, что названо» важно принципиальное различие: «утверждаю существование» — совсем не то же самое, что «создаю реальность» (замечание *Л.А. Гоготиивили*), с чем Ж.-М. Кантор согласился, признав в своем подходе «определенные упрощения», — действительно, в математике кроме акта называния используется еще та или иная аксиоматика, определяющая свойства математического предмета (особенно это ясно после работ Д. Гильберта). *Н.С. Семенкин* напомнил о неблагоприятной роли Э. Кольмана в «закрепощении» математики в СССР, вообще, и в «деле Лузина», в частности, и попросил рассказать о личных встречах Грэхэма с Кольманом; да, отметил Л. Грэхэм, это «очень интересный» и «вместе с тем вредный» персонаж, но он же, между прочим, был защитником кибернетики в СССР, и это в то время, когда официальная идеология преследовала эту «служанку империализма», и недаром в своей итоговой книге «Мы не должны были так жить» он признал, что был часто неправ и перед многими виноват (впрочем, Кольман покаялся, но так и не назвал конкретных имен). Имея в виду вопрос связанности религии и математики, *Б.Г. Режабек* попросил авторов книги прокомментировать, почему вслед за глубокой религиозностью учителей (Лузин, Егоров) последовал принципиальный атеизм их учеников (Колмогоров, Александров и др.). Отвечая в общем смысле — «такие новые времена настали», Л. Грэхэм привел несколько примеров о храбром поведении Егорова, Лузина и Флоренского в 1920-е годы. На вопрос *Е.В. Ивановой*, есть ли связи между идеями французских математиков и французским символизмом, Ж.-М. Кантор ответил, что как «влияние культурных тенденций» на французскую математику в их книге отмечались картезианство и позитивизм. 4. Выступивший далее, в порядке развернутого обсуждения книги, *о. Александр Щелкачев* отметил, что многие священники, как и он, получившие базовое образование в области точ-

ных наук (математика, физика), с большим вниманием и интересом отнеслись к вышедшей работе Грэхэма и Кантора. Указывая направления возможной критики, он далее подчеркнул, что все-таки имеет принципиальное значение (в книге никак не учитываемого) различия особого Имени Божия и всех прочих имен. Он указал также на фактическую ошибку, закравшуюся в книгу («Имена бесконечности», с. 18): Священный Собор 1918 года не был, конечно, посвящен имяславию или «Афонскому спору», — эти темы были предметом одной только комиссии Собора, так фактически и не начавшей работу. 5. А.Н. Паришин поздравил авторов с выходом книги и ее, воистину, триумфальным шествием по миру — после английского и французского изданий появились уже испанский и итальянский переводы и вот теперь русский вариант. Можно только поставить в упрек отечественным историкам науки, что они не сделали подобного исследования раньше Грэхэма и Кантора. Если говорить об истории идей, то проблему именования в математике и вопрос об Имени Божием, поднятый в имяславии, следует понимать, действительно, далеко или даже экстремально далеко разведенными. Но можно пытаться отыскать и некое общее поле, и в математике оно занято привычным применением переменных: «пусть x — скорость чего-то», «примем x за такую-то величину», — эта чудесность именования практически позволяет иметь дело с «ничто», которое «может быть всем». Имеется возможность быть всем, чем угодно. В естественном языке подобными универсальными именами являются местоимения (на эту их роль обратил внимание С.Н. Булгаков в своей «Философии имени»), и, таким образом, имеется важнейшая параллель между местоимениями языка и переменными в математике. Здесь естественным образом фигурирует и бесконечность: в указательных местоимениях неизбежно возникает проблема самореференции, которая (снова параллель) воспроизводится в парадоксах теории множеств. В целом, можно сказать, любое употребление имени предполагает латентную, скрытую бесконечность. 6. Выступивший затем В.П. Троицкий прочел рецензию М. Денн (Университет Мишеля Монтеня, Бордо-3) на французский текст книги «Имена беско-

нечности». Присоединившись как к положительным, так и критическим оценкам, высказанным в данной рецензии, он далее отметил: конечно, нам лестно, когда русскую математику считают живой и прогрессивной и связывают эти приобретения с мистицизмом ее творцов, а математику французскую — абстрактной и неуверенно-скептической в силу как раз разрыва с религиозностью. Но книгой Грэхэма и Кантора это не доказано, а лишь только сформулировано в качестве гипотезы, вероятно, весьма плодотворной. В реальности все много сложнее и запутанней. Скажем, операция «взятия решета», положенная в основу дескрипции множеств по Лузину, не содержит ничего специфически «именующего», и это совсем не странно для Лузина, который стремился к конструктивизму в работе с математическими объектами и строил (неудавшиеся, отметим) планы изгнать представления об актуальной бесконечности из математики. С другой стороны, онтологическая мощь акта именования лежит где-то в самых основаниях мысли, и новые и новые поколения исследователей вполне обречены самостоятельно обнаруживать эту мощь и подтверждать ее наличие. Для примера (возможно, юмористического) можно сослаться на нашу давнюю работу «Семиотическое существование» (1978), в которой центральная идея — всякий получившее название предмет мысли уже в определенном смысле наделяется некоторой реальностью, — оформилась в то время, когда автор работы еще никакого понятия не имел об имяславцах и их идеях. Теперь о влиянии «мистики имяславия» на математику. Для случая Лузина оно как раз не очевидно, а тот же Егоров, кстати сказать, всегда сознательно разводил «чистую математику» от любой идеологии. А вот в работах А.Ф. Лосева динамика как раз обратна — он строит путь от уже наличной математики (теоретико-множественных представлений) к «религиозной мистике»: можем отослать заинтересованных читателей к ныне опубликованному циклу его построений о «теории множеств на службе имяславия». Совершенно верно, — согласился Л. Грэхэм, вступая в дискуссию, — потому в нашей книге идеям А.Ф. Лосева уделено относительно мало места, нас больше интересовал, действительно, конкретный эпи-

зод — творческая эволюция Лузина в период примерно 1905–1912 гг., когда он двигался по следам французских математиков. Вообще самая важная мысль Лузина (Грэхэм привел обширную цитату) состояла в том, что только аналитической мощи недостаточно для познания, еще нужна интуиция (но заметим, что интуиция — это не обязательно мистика или религиозное чувство — В.Т.). 7. Многочисленные аспекты проблемы именования, затронутые в книге, отметил далее Д.А. Баюк, имеют разные результаты и выходы, в том числе и публичный и чисто журналистский. Он напомнил о публикациях в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (№ 3, 2006), где критически обсуждалась работа Грэхэма и Кантора «Два подхода к оценке математики как феномена культуры: Франция и Россия, 1890–1930 гг.», что в конечном счете способствовало существенному улучшению будущей книги (да, да — подтвердил Л. Грэхэм). Ценность книги «Имена бесконечности» заключается уже в том, что она должна привлечь и с новой силой уже привлекла внимание зарубежных исследователей к русской мысли. И еще надо обязательно упомянуть имя Ч. Форда (США), пионерские исследования которого получили своеобразное завершение в данной книге. 8. В развернутой реплике Л.А. Гоготилишвили предлагалось в определенном смысле объединить и примирить позицию авторов книги и точку зрения, намеченную В.П. Троицким (конечно, оформленную скорее в «игровом обострении»): и во Франции и в России был и развивался общий кризис языка, была схожая общекультурная ситуация, и книга Грэхэма и Кантора существенно способствует привлечению широкого интереса к проблеме именования и для случая культуры начала XX века, и в современных условиях. 9. Подводя итоги, С.С. Демидов еще раз констатировал важность уже самого выхода в свет книги Грэхэма и Кантора, ее высокую ценность и для зарубежной и для отечественной научной общественности. Немного жаль только, что литературные задачи подчас довели в ней над научными. Это касается, в частности, узловой конструкции книги — сопоставления двух «троиц» мыслителей. Если для Франции ключевая в рассмотрении «троица» (Лебег, Бэр, Борель) действительно име-

ла цельный характер, все названные лица объединялись и профессионально и в идейном плане, то выделение «параллельной» им «троицы» в России, использованное в книге (Егоров, Лузин, Флоренский) выглядит проблематично: как раз ключевая фигура Лузина из нее выпадает. Не только не обнаруживается следов его отношения к «имяславию», еще и в математике он — «эффективист», «конструктивист», стоящий на позициях, максимально далеких от платонического идеализма Лосева и Флоренского. Интересно указать еще один момент: плодотворным представляется вопрос о генезисе определения «именуемый объект» (*objet nommable*), которое Анри Лебег ввел для некоторых задач теории множеств еще в 1904 году. Наверное, здесь в основании лежит отнюдь не картезианство, а возможная длительная традиция восходит еще к Средним векам. И этот вопрос (имплицитно) заложен в книге наших авторов.

Заседание № 84 (22 декабря 2011 г.)

Докладчик: Дарья Андреевна Лунгина (МГУ).

Тема: Восприятие Кьеркегора в России.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Барабанов В.Л., Блауберг И.И., Взорова Е.А., Визгин В.П., Ермаков В.А., Иванова Евг. В., Иванова Е.В., Ксенофонтов Л.Н., Липатов Г.В., Ломая Л.А., Моргачева Н.В., Русова Е.Н., Седых О.М., Серова Н.Б., Скурлатов В.И., Смирнов А.В., Соколов Б.Г. Всего: 17 человек.

Тезисы доклада: 1. Что значит быть читателем Кьеркегора и кто «Тот Единственный», к которому он обращался в своих книгах? «Комплекс проблем под названием “Кьеркегор”» (Н. Тульstrup). Проблема пишущего.

2. Пути первого узнавания. «Старый знакомый». Писатель и публика. Русские рецепции 1880-х гг. Петр Готфридович Ганзен (1846–1930) — первый переводчик Кьеркегора в России. Публикации «Северного вестника». Направленность народнической критики. Отзывы на книгу «Наслаждение и долг» (1894). Отзывы Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхова, К.П. Победоносцева.

3. «Я не могу понять Авраама». Можно ли следовать за Кьеркегором? Читательский отклик на «невозможное предложение». Работа П.П. Гайдено «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Серена Кьеркегора» (1970).

Из вопросов и обсуждений: 1. Большинство вопросов и ответов касались некоторых биографических деталей и подробностей, в том числе проблемы правильной передачи фамилии мыслителя (значимая вставка «ја» — «Къе(я)ркегор», введенная для того, чтобы по-датски не получалось неблагозвучное «кладбище»). 2. Было уделено время обсуждению вопроса об отношении к творчеству Кьеркегора в рамках философии поступка, — сначала у Бахтина (который вообще считал, что первым в России «открыл» Кьеркегора), потом у Т. Адорно: затрагивалась тема письма и писательской деятельности, составляющей форму поступка. 3. Опыт трагического восприятия бытия у Кьеркегора сопоставлялся (В.И. Скурлатов) с культурной программой российских «обериутов». 4. В ряде реплик присутствующих (В.П. Визгин и др.) намечалась тема, практически не затронутая в докладе, — о театре и театральности философии: если в книгах Кьеркегора «ускользает авторство» и они таковы, что изначально «могут дописываться читателем» (известное определение Брандеса), то вполне правомерен вопрос или даже констатация о сознательных масках, примеряемых Кьеркегором.

Заседание № 85 (9 февраля 2012 г.)

Выступающие: Анастасия Георгиевна Гачева (ИМЛИ РАН), Геннадий Петрович Аксенов (ИИЕТ РАН), Виктор Петрович Троицкий («Дом А.Ф. Лосева»).

Тема: «Вечность неотделима от творчества и воскресения». К выходу в свет сочинений В.Н. Муравьева в 2-х томах (Составитель — А. Г. Гачева; М.: ИМЛИ РАН, 2011)».

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Барабанов В.Л., Белякин В.И., Васильев Д.Ю., Васильева М.А., Взорова Е.А., Визгин В.П., Водолагина Ю.Я., Гитауллин Б.К., Грибов Л.К., Дмитриева Т.П., Добрый В.В., Духва-

лова М.П., Егоров В.Е., Ермаков В.А., Зайцев О.Ю., Иванова Е.В., Ивановская И.Н., Илясова В.А., Кириллюк И.Л., Китаева Е.Л., Климачева В.А., Козлова О.И., Козырев А.П., Корчало А.М., Кравченко С.Ф., Новиков Ю.Н., Мардов А.С., Марченко Т.Д., Меньшикова Н.А., Миргородский В.Н., Папиова Е.А., Печникова И.В., Половинкин С.М., Радовский А.Н., Режабек Б.Г., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Русова Е.Н., Садикова О.Г., Сиднева А.Н., Соболев А.В., Соснова М.А., Фокин П.Е., Хилтунен В.П., Чепуренко Т.В., Шатунова Н.А., Шершакова А.Н., Шибалова М.М., Шишкин И.М., Шулятиков В.И., Щербаков Ю.Н. Всего: 51 человек.

Резюме вечера, текст А.Г. Гачевой: Философ, публицист, общественный деятель Валериан Николаевич Муравьев (1885–1930) принадлежит к тем представителям русской мысли XX века, творчество которых только начинает осваиваться историками философии. И дело не в масштабе его как мыслителя — масштаб Муравьева сопоставим с масштабом ведущих фигур религиозно-философского подъема 1900–1910-х гг., — дело в том, что период философской зрелости автора «Овладения временем» (единственная книга, по которой его знают) пришелся на 1920-е гг., и протекал он не в эмиграции, а в Советской России, где возможность печатного обнародования религиозно-философских сочинений (а именно таковые создавал Муравьев) после знаменитой высылки философов 1922 года была почти равна нулю. Если в предреволюционное десятилетие статьи молодого Муравьева время от времени появлялись на страницах журналов «Московский Еженедельник», «Русская мысль», «Русская свобода», а в 1918 г. он был ведущим автором газеты «Заря России» и написал статью «Рев племени» для сборника «Из глубины», то в 1920-е годы он в основном пишет «в стол», в печать же проходит немного, а если проходит, уже несет на себе следы жесткой самоцензуры.

Архив мыслителя сильно пострадал в результате ареста в 1929 г.: согласно протоколу обыска было изъято более 2000 листов рукописей — беловые тексты основных сочинений, а также обширная переписка. И тем не менее, хотя и с большими лакунами, многое из написанного им сохранилось — во вторых и тре-

тых экземплярах машинописей, в черновых рукописях, ныне находящихся в составе личного фонда В.Н. Муравьева в НИОР РГБ. Это философская мистерия «София и Китоврас», работа «Культура будущего», главы и фрагменты работ «Оправдание истории», «Философия действия» и др. По черновым наброскам, отдельным фрагментам и планам можно судить об утраченных или незавершенных рукописях, в частности, о большом сочинении «Введение в философскую теорию множественности», о замысле книги по философии имени, философско-публицистическом цикле «Письма о социализме». В разрозненном состоянии находится философский дневник В.Н. Муравьева 1920–1922 гг., уникальный документ эпохи. Сохранились в архиве и художественные сочинения: пьеса «Советник смерти», социально-утопический роман «Остров Буян», прозаический цикл «Неприятные рассказы», литературные наброски. Интересны письма Л.Д. Троцкому, в которых развернута резкая критика марксистской идеологии и вместе с тем сделана попытка понять причины ее торжества на русской почве, исторические корни идеи социализма.

Тексты философских и художественных вещей, материалы работы над ними, планы и наброски не только раскрывают Муравьева как оригинального мыслителя, но и дают представление о круге его творческого общения. А в этом кругу были Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, оказавшие на Муравьева, по собственному его признанию, «большое влияние», о. Павел Флоренский, А.Ф. Лосев, члены имяславческого кружка Г.А. Рачинский, Д.Ф. Егоров, П.С. Попов, вместе с которыми он подписал имяславческое исповедание веры, философы «федоровской» ориентации А.К. Горский и Н.А. Сетницкий, связанные с Муравьевым проективным характером мышления, общностью историософских тем и сюжетов, историк С.А. Котляревский и биолог Н.К. Кольцов и др. Некоторые из указанных фигур явились прототипами персонажей повести (а потом пьесы) «Советник смерти».

Начавшаяся в 1990-е гг. в России публикация наследия Муравьева постепенно возвращает его имя читателю (что касается Европы, то еще в 1983 г. немецкий историк философии М. Хагемайстер выпустил репринт «Овладения временем»). Г.П. Аксе-

новым были сделаны публикации в журналах «Вопросы философии» (1992. № 1) и «Библиография» (1993. № 1), изданы «Избранные сочинения» мыслителя (М.: РОССПЭН, 1998). В.Г. Макаров напечатал материалы следственных дел В.Н. Муравьева 1920 и 1929 гг. В 2011 г. в ИМЛИ РАН вышло двухтомное издание «Сочинений» мыслителя, подготовленное по материалам его личного архива (*Муравьев В.Н. Сочинения: В 2 книгах.* — М.: 2011. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках после цитаты. Римская цифра указывает том, арабская — страницу).

Один из афоризмов В.Н. Муравьева (афористический жанр привлекал его синтетичностью выражения мысли, способностью вместить в малом словесном пространстве большие смысловые пласты, умением через часть видеть целое) начинается словами: «Вечность неотделима от творчества и воскресения». Это динамическое толкование вечности в высшей степени характерно для Муравьева-мыслителя, опиравшегося на активно-христианскую концепцию Н.Ф. Федорова, с трудами которого он познакомился в 1920–1921 гг. В статье «Рев племени» (1918) в связи с событиями русской революции Муравьев ставил вопрос о религиозно-нравственных основаниях социального действия. В 1920-е гг., опираясь на Федорова, он говорит об онтологическом его фундаменте, о невозможности строить совершенное общество в несовершенном, страдальческом бытии, вверженном во власть «смерти и временности» (выражение Н.А. Бердяева). Углубляет он на основе активно-христианской концепции Федорова и свои теократические воззрения. Еще в статьях 1910-х гг., критикуя узкий духовный горизонт партийных лидеров, Муравьев подчеркивал: подлинное государственное строительство призвано быть «правовым», «культурным» и «религиозным», причем религиозное начало должно быть всепроникающим, одушевляющим все сферы жизни. Подобно Достоевскому утверждал, что вершина развития общественности, «последний идеал Государства» — не секулярные, половинчатые союзы, а Церковь. Теперь, опираясь на Н.Ф. Федорова, он выдвигает конечной задачей Церкви преодоление смерти, творческую регуляцию материи, воскрешение умерших и духо-телесное преображение живущих.

Развитие науки в истории шло по линии обособления от Церкви, в результате чего «Церковь осталась без орудия действия, но наука, ставшая обособленным, самодовлеющим действием, стала действием слепым и случайным». Современная наука, подчеркивает Муравьев, «не имеет общей цели и служит частным целям, ничем не связанным и часто друг другу противоречащим», отсутствие в науке нравственных ориентиров, неимение высшей цели приводит к тому, что наука начинает одновременно работать и на созидание, и на разрушение. Соответственно, задача Церкви именно в том, чтобы дать ей эту цель. «Научное действие должно стать церковным делом преобразования мира» (I, 453, 454).

Образ такой «единой и соборной науки», воскресительной и житнетворческой, не раз встает на страницах писаний В.Н. Муравьева. Как и образ новой культуры, политики, экономики, педагогики. Мыслитель намечает пути преобразования межчеловеческих отношений, на которых преодолеваются извечные антиномии между «я» и «не-я», между частным и общим, индивидом и обществом. Принцип соборности дает основание братски-любовному, целостному союзу уникальных, неповторимых личностей, их творческому взаимодействию. Этот принцип универсален, он есть энтелехия не только людского общежития, но бытия, многоликого универсума, являющего собой распавшееся всеединство, к восстановлению которого призван человеческий род.

Творческое действие человеческого соборного целого у Муравьева распахивается за пределы земли, получает универсальное, космическое измерение. Новозаветное откровение о Иерусалиме Небесном прочитывается им как откровение о преображенной Вселенной. Но если в традиционном истолковании пророчества Иоанна рождению «нового неба и новой земли» предшествовала катастрофа: история, превратившаяся в арену апокалипсической битвы добра и зла, трагически обрывалась, то Муравьев, опираясь на идеи Федорова, вместе с А.К. Горским и Н.А. Сетницким защищает идею «активной апокалиптики», согласно которой история, коль скоро станет она соборным, богочеловеческим делом, ведет к Новому Иерусалиму, но ведет не через катастрофу, а через преобразование мира, через обоживающую регуляцию.

В 1921–1925 гг. Муравьев работает над текстом религиозно-философской мистерии «София и Китоврас», стремясь представить в ней те искания идеального строя жизни, которые, по его мысли, составляют сокровенную суть истории, отечественной и всемирной. В наследие от культуры Серебряного века он берет и форму, и проблематику своего сочинения, соединяет две линии разработки софийной темы, богословскую (шедшую от философских сочинений В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому и С.Н. Булгакову и выводившую к новой постановке вопросов христианской космологии и антропологии) и художественную, представленную в эстетике и художественной практике русского символизма (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, полифонически развивавшие мотивы соловьевской поэмы «Три свидания»).

Сознание глубинной общности духовных исканий рода людского позволяет Муравьеву выражать одну и ту же идею как бы на двух языках — религиозно-философском, рожденном в лоне верующего, целокупного разума, и обмирщенном, детище секулярного мышления и культуры. Второй язык он активно будет использовать в статьях, предназначенных к напечатанию в советской прессе, в книге «Овладение временем как основная задача научной организации труда» (1924).

Уже в мистерии «София и Китоврас» одной из главных тем была тема времени. «Время — что это такое?» — спрашивает Китовраса София. И тот разворачивает перед ней целостную концепцию, основанную на диалектике понятий «времени», «вечности», «жизни».

Что касается «Овладения временем» (первое, «неподцензурное» заглавие — «Преодоление времени»), то книга вырастает из его занятий диалектикой единства и множественности, интерес к которой стимулируется общением с философами А.Ф. Лосевым и П.А. Флоренским, математиками Д.Ф. Егоровым, Н.Н. Лузиным, В.В. Степановым. В архиве Муравьева сохранились многочисленные планы и наброски, связанные с трактовкой «парадоксов единства и множественности», с замыслом большой работы «Введение в философскую теорию множественности» — от пифагорейцев, элеатов, Платона, Аристотеля до Лейбница и Георга

Кантора. Он анализирует понятие трансфинитных чисел и рассуждает о Церкви как об «идеальной омеге», совершенном множестве, вбирающем в себя мир. В 1924 г. мыслитель завершает большую работу «Ипостасийное построение множественности», предназначенную для задуманного А.Ф. Лосевым «ряда сборников» по философии математики.

Анализ философских проблем математики, включающий разбор теории множеств Г. Кантора, сопрягается у Муравьева, как и у его собеседников А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского, с размышлениями над философией имени, с построением «логики имен», в которой Муравьев видит «истинную философскую логику», долженствующую заменить логику, основанную на понятиях. Теорию множеств он активно использует и в трактовке проблемы времени. Мир состоит из множественностей, каждая из которых представляет собой свою множественность элементов. Время — показатель динамики множеств. А значит оно обратимо, и борьба с ним может идти через возобновление той комбинации элементов вещей и существ, которая имела место до их гибели, исчезновения. Целенаправленная деятельность человека в мире — деятельность «времяобразующая». Человеческая история движется в направлении расширения власти над временем, идет к полному овладению и управлению им.

Проблема овладения временем тесно связана для Муравьева с новой, расширенной трактовкой понятия «труд». Мыслитель рассматривает это понятие не столько с точки зрения политэкономической, сколько в плане философской онтологии и антропологии, определяет его как мироустроительную, созидательную деятельность человека в бытии, деятельность целенаправленную, сознательно-творческую, противостоящую силам дезорганизации и распада. Такая трактовка напрямую перекликается с идеями мыслителей-космистов естественнонаучной ориентации — С.А. Подольского и Н.А. Умова с их представлениями об антиэнтропийной сущности жизни и труда человека, служащих возрастанию энергии, увеличению «стройности» в природе и космосе, предшествует ноосферным идеям В.И. Вернадского, видевшего в разуме и творческой деятельности человека «великую геологическую силу». Но

одновременно она корреспондирует с религиозно-философским взглядом на труд у Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, где человек выступает как соделатель и соработник Творца, призванный продолжить дело Божьего творения, и в этом высшее оправдание и высшее задание его труда.

Религиозно-философский смысл понятия «труд», восходящий к заповеди «обладания землей», данной Творцом человеку, к евангельскому слову Спасителя: «Отец Мой доныне делает и Я делаю» (Ин. 5:17), явственно прочитывается в мистерии «София и Китоврас». Соответственно и проблема «преодоления времени» переводится здесь в эсхатологический план, сопрягаясь с темой «свершения времен», с видением конечного состояния твари, где ни смерти, ни времени больше не будет. В книге «Овладение временем», предназначенной для советского читателя, Муравьев был вынужден затушевать этот смысл, и все же (по принципу *sapienti sat*) он проступает сквозь строки о «космократии», о действии, измеряемом «свойствами действующего множества — его мощностью (в смысле количества) и степенью его внутренней соборности», когда «победа над временем строго пропорциональна степени этой соборности» (II, 47).

Одна из центральных тем в книге «Овладение временем» — тема культуры, занимавшая Муравьева на протяжении многих лет. Еще до начала работы над книгой о времени он намеревался написать книгу о культуре, сделав ее своего рода философским исповеданием веры, обобщить в ней те идеи и понимания, что стали итогом его внутреннего развития в 1917–1922 гг. Он хотел дать свою трактовку вопроса о смысле культуры, духовных ее основаниях, кризисе современной культуры и путях его преодоления, который активно обсуждался в первые пореволюционные годы в литературных и религиозно-философских кругах. Книга написана не была, но ряд разделов плана, связанных с интерпретацией темы культуры в дохристианскую эру, в эпоху Средневековья и Возрождения, с активно-христианским пониманием культуры, был представлен в диалогах Софии и Китовраса, а замысел раздела, касающегося основ будущей культуры, нашел свое воплощение в работе «Культура будущего» (1925).

Муравьев развивал, прямо смыкаясь с о. Павлом Флоренским, представление о культуре как начале организации, как творчески-преобразовательной (на религиозном языке — преображающей) деятельности человека в мире. Культура для него не избыток, не роскошь, скрашивающая существование человека, но столь же равновеликая составляющая бытия, как жизнь и сознание. А творчество культуры есть эволюционный долг человека, который есть в то же самое время и его религиозный, божеский долг.

Муравьев выделяет два основных типа культурного творчества: символический, в котором совершается творчество идеальных образцов (искусство), исследуются пути, рождаются проекты и планы пересоздания жизни (философия и наука), и реальной, к которым отнесены «те виды деятельности, которые реально, а не только в мысли и в воображении изменяют окружающий нас мир. Это экономика, производство, земледелие, техника, медицина, евгеника, практическая биология, педагогика и т. п.» (II, 133). По убеждению мыслителя, в истории человеческой цивилизации эти два типа культуры оказались разорваны и разобщены, однако в «новой культуре будущего», уже сознательно ставящей перед собой задачу регуляции, деятельность «теоретически-символическая» и деятельность реально-трудовая должны соединиться, ведя ко всецелому преображению мира и человека.

«Преобразование вещей и организмов» (II, 153) неразрывно связано у Муравьева с преобразованием духовно-нравственным. Это две стороны одной медали, одно без другого не существует. Более того, голая материальная перестройка, подчеркивает мыслитель, искажает сами основы действия. Осенью 1926 г. Муравьев пишет друзьям-единомышленникам из разоренного монастыря Новый Афон, где переживает своего рода малое откровение, об отсутствии в современной секулярной культуре идеи духовно-нравственного возрождения человека. И со своей стороны выдвигает идею «культуры духа», которая вовсе не равняется «культуре интеллекта» (I, 511), но собирает всего человека, его мысль, чувство, волю, поведение, подчиняя их верховному идеалу, источник которого — Бог.

Из выступлений: 1. Выступивший первым *Г.П. Аксенов* остановился на некоторых деталях творческой биографии В.Н. Муравьева и подробно охарактеризовал основные идеи его работы «Овладение временем». Они сопоставлялись с современными исследованиями в области «темпорологии» и кругом теорий, ставящих вопрос о «причине времени». 2. *А.Г. Гачева* рассказала о своей работе над архивом В.Н. Муравьева, затем специально остановилась на содержании и стилистических особенностях философской мистерии «София и Китоврас», впервые изданной в подготовленном ею двухтомнике 2011 г. 3. О контактах В.Н. Муравьева и А.Ф. Лосева в 1920-е годы, в том числе в связи с работой московского «имяславского кружка», говорил *В.П. Троицкий*. Он предложил также некоторые гипотезы о характере и возможном направлении развития намеченной Муравьевым «философии множественности», которая составляла некий синтетический комплекс с двумя другими учениями, разрабатываемыми у автора — «философией имени» и «философией действия».

Заседание № 86 (28 февраля 2012 г.)

Докладчик: Юрий Трофимович Лисица (РУДН, ПСТГУ).

Тема: Об очевидности. Сканды как обобщения Миримановских экстраординарных множеств.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участовали: Абрамова Л.И., Васильев П.В., Вомпе Г.А., Грибов П.К., Громаков В.А., Егоров И.П., Зайцев О.В., Китаева Е.Л., Кошечев Ю.К., Кудрин В.Б., Лисица О.В., Лысак И.А., Маневич Л.И., Мартынов А.В., Меньшикова Н.А., Морев Ю.Л., Паскевич И.Х., Перминов В.Я., Полищук Р.Ф., Половинкин С.М., Ткаченко Л.Ф., Фролкина О.Д., Хабарова Н.В., Ясная Л.Ф. Всего: 24 человека.

Тезисы доклада: Начнем с разъяснения ряда терминов. *Очевидность* — это отвлеченное существительное к прилагательному *очевидный*, которое означает: несомненный, бесспорный, такой явный, что можно убедиться собственными глазами. «Очевидная истина» — по-другому сказать, «очи видят и узнают».

На всех языках *очевидность* и *очевидный* имеют схожие, если не одинаковые значения и происхождение. Вот и латинский аналог *evidens* от [e(x)+video]: 1) заметный, находящийся на виду, видимый; 2) очевидный, явный, ясный. Приставка *ex* означает: *на основании, в силу, сообразно*.

Гуссерль различал *очевидность* и *усмотрение* — родовые для «разумного сознания», причем очевидность, которая, по его мнению, «есть осознание тождества мыслимого и созерцаемого», является неременным условием познания.

Для И.А. Ильина, ученика Гуссерля, *очевидность* — это главное: «Максимум доказуемости: доказательство — обнаружение тех связей, в силу которых созревшее суждение приемлется как истинное; доказательство ведет со ступени на ступень; ряд доказательств или бесконечен или обрывается суждением не обосновываемым, — *истиной самоочевидной*; в обоих случаях нужен максимум, целесообразно находимый научным тактом; в первом случае максимум количественный, во втором случае максимум качественный («максимум самоочевидности»)). Или: «Когда дается в познании “очевидность”, то исследователь испытывает радующее и волнующее его освобождение от субъективности; способность радостно склониться перед *сверх личной очевидностью*». Более того, при всей объективности этого феномена, Ильин подает его как «личностный акт»: «Тот, кто желает исследовать *познание истины* и установить, что есть верное знание предмета, — посвящает себя проблеме *очевидности* и приступает к теории познания; он должен осуществить и накопить обширный и разносторонний *опыт очевидности*. Человек, никогда не переживший очевидно-сти, не знающий как слагается и проверяется это своеобразное переживание и как оно внутренне “выглядит”, — создаст в теории познания только игру мертвыми понятиями и пустые конструкции к тому же очевидность дается человеку не в одном только теоретическом мышлении» («Путь к очевидности», 1957).

Другой, более младший ученик Гуссерля, Мартин Хайдеггер этимологически возводит «феномен» к *очевидности*, от греческого слова *φαίνεσθαι*, которое означает «то, что показывает себя, самокажущее, очевидное», восходящее к корню «свет, ясность»,

т. е. то, в чем нечто обнаруживает себя, само по себе способно стать видимым, что может быть выведено на свет. Но Хайдеггер предупреждает, что очевидное может быть только *кажущимся*, что «явление есть *себя-не-казание*», что оно может быть «неочевидным», «потаенным», а поэтому часто «искаженным».

Известно, что датский философ С. Кьеркегор (1813–1855) был помолвлен с Региной Ольсен, но спустя год без всяких объяснений расстался со своей невестой. Никто не знал причины расторжения этой помолвки. Естественно, что были догадки, версии, как и расспросы самого Кьеркегора. В студенческие годы я слышал такое предание, или философский фольклор, будто бы Кьеркегор говорил, что о причине своей размолвки он пишет на каждой странице своих произведений, но человечество настолько погрязло в своей чудовищной логике, что пройдет еще 300 лет, пока люди увидят и поймут *очевидность* его объяснений.

Речь здесь пойдет об *объективном* плане очевидности, как всматривании, усмотрении, вслушивании. Хотя *субъективный* (личностный, персоналистический, просопонический) план не менее важен и заслуживал бы специального исследования.

То, о чем я собираюсь говорить здесь, намного проще, чем проблемы, поставленные у Гуссерля, Хайдеггера или Ильина.

Задачи у меня три. 1) Привести пример аналогичный загадке Кьеркегора, но уже проясненный. Это знаменитый *парадокс* Рассела, который более 100 лет всеми считался парадоксом, но таковым, вообще говоря, не является. 2) Решить эсхатологическую задачу в математике: «Посчитать до конца» (проблема, когда-то прямо сформулированная для меня моим сыном), т. е. найти *последнее* кардинальное и ординальное число Ω , после которого нет уже никакого числа, так как *все* единицы счета исчерпаны. 3) Показать, что постоянно употребляемый всеми термин «континуум» *не очевиден*. Например, магические слова «пространственно-временной континуум» — это заклинание, и только. «Недостаточно произносить *магические слова*; нужно иметь в руках то, к чему эти слова применяются» (Пол Халмош).

Решить эти задачи позволяет *усмотренный* (узренный) новый математический объект, который я назвал необычным санскрит-

ским словом «сканд» (skand — прыгать, скакать, капать), которое позаимствовал из буддистской доктрины о душе: «Душа — только сканд, то есть случайный агрегат бытия». Если для души это, видимо, совсем неверное учение, то для нефундированных множеств в математике — подходит.

Запрет на существование таких нефундированных множеств, в связи с упомянутым парадоксом Рассела, был оформлен молодым американским математиком фон Нейманом путем введения его аксиомы регулярности, вместе с известной аксиомой выбора, эквивалентной аксиоме ограничения, которая не позволяет существования бесконечных цепочек принадлежностей элементов множествам, т. е. рассматриваются только фундированные множества X , каждая цепочка $x_n \in x_{n+1} \in \dots x_1 \in X$ заканчивается пустым множеством x_n либо индивидом, т. е. объектом, ничего не содержащим. Получается по фон Нейману, что *бесконечных* цепочек принадлежности множеств *нет*, несмотря на работу швейцарского математика русского происхождения Дмитрия Мириманова, который ввел в 1917 году такие множества и назвал их *экстраординарными*.

Сканд — это трансфинитная цепочка вложенных друг в друга фигурных скобок, причем между любыми двумя соседними скобками «места» заполнены или нет ординарными, или фундированными множествами, точнее, их элементами. Например, таково Миримановское классическое экстраординарное множество $X = \{1, \{1, \{1, \{\dots\}\}\}\}$. Это множество состоит из единицы 1 и самого себя, или сканд, на все свободные места которого случайно попали единицы (могли бы попасть и другие — был бы другой сканд). Тем самым сканды проясняют важное и темное в математике отношение самопринадлежности $X \in X$, когда множество X является своим собственным элементом. Рассел после открытия своего парадокса назвал последнее отношение «бессмысленным» (meaningless) и предложил рассмотреть множество R , состоящее из всех таких множеств, которые *не* являются собственными элементами. Тогда он заключил, как ему казалось, очевидным образом, что 1) если R является элементом R , то R не является элементом R , и наоборот, 2) если R не является элементом R , то

Р является элементом **Р**. Противоречие! Появилась антиномия Рассела, которую быстро связали с древнейшей антиномией Лжеца («Я лгу»), и основы математики и математической логики затрещали по швам. Полвека «ремонтировали» математику и логику, пока не ограничились аксиоматической теорией множеств, сильно ограничивающей так называемый «Канторовский Рай». При этом математики распались на «математико-религиозные секты» — формалистов, логистов, интуитивистов, конструктивистов и др. Однако успехи классической математики (построенной с принятыми ограничениями) отодвинули решение многих важных задач лингвистики, философии языка, компьютерных наук, биологии, медицины и др. Реакцией на аксиому фундаментирования фон Неймана последовала незамедлительно и многоместно: многие математики стали вводить свои (разные) *антифундированные* аксиомы. Таковой является и аксиома существования скандов произвольной ординальной длины (Мириманов по умолчанию считал длины своих бесконечных цепочек счетными, вернее первым, не конечным ординальным числом).

Два сканда **X** и **Y** называются равными, если система их вложенных фигурных скобок *изоморфна* как вполне упорядоченное множество, а заполнения на соответствующих местах между скобками одинаковы как множества; если начиная с любого места вновь образованный сканд равен исходному, то сканды *само-подобны* (например, приведенное выше Миримановское множество из единицы и самого себя). Все само-подобные сканды известны: это сканды, скобки которых упорядочены по степеням первого не конечного ординального (кардинального) числа ω . Если $Y = \{1, \{1, \{1, \{1, \dots \{1, \{1, \{1, \dots \}}\}}\}}\dots\}$ по типу ω в квадрате, т.е. $\omega \times \omega$, то **X** и **Y** не равны между собой, хотя оба само-подобны, «являются» нам своими компонентами 1 и сами собой до ω , но дальше у первого ничего нет, а во втором те же единицы и он сам. Такое же явление происходит у всех само-подобных скандов, которые являются рефлексивными множествами: $X = \{a, b, c, \dots, X\}$. Другими словами, последнее уравнение имеет невообразимое количество *различных* решений; мы рассмотрели на примерах два различных решения. Из этого дела-

ется очевидный вывод: первый силлогизм Рассела верен и $\mathbf{R}$ принадлежит $\mathbf{R}$. Второй силлогизм ложен, так как из того, что $\mathbf{R}$ не принадлежит $\mathbf{R}$, никак не следует, что $\mathbf{R}$ принадлежит $\mathbf{R}$, так как это соотношение *неоднозначно*, более того, чудовищно многозначно. Итак, противоречия нет, как нет, в итоге, и антиномии Рассела. *Парадокс Рассела заключался и заключается в том, что утверждение: « $\mathbf{R}$ не множество, а собственный класс» верно, но его доказательство ложно, так как ссылалось на парадокс Рассела, которого в действительности нет.* Верное доказательство этого утверждения очень просто по *принципу максимальности (универсальности)* семейств элементов, восходящему к самому Кантору. Действительно, если $\mathbf{R}$ множество, то оно по первой верной импликации Рассела себя не содержит. Но по известной аксиоме множества существует одноэлементное множество $\{\mathbf{X}\}$, которое, очевидно, само себя не содержит (сами себя содержат в качестве одного элемента только пустые сканды $\mathbf{e} = \{\{\{\{\dots\}\}\}\}$). Объединяя это одноэлементное множество с $\mathbf{R}$, получим новое множество $\mathbf{X} + \{\mathbf{X}\}$, которое больше максимального (универсального) множества $\mathbf{R}$, что противоречит его универсальности: оно множество *всех* множеств, себя не содержащих. Следовательно, $\mathbf{R}$ не является множеством, но есть более сложное семейство элементов, которое в математике называют «собственным классом».

Второй результат заключается в том, что если покомпонентно объединить все сканды, заполненные канторовскими ординалами, то получится само-подобный сканд-класс, который является последним ординальным и кардинальным числом Ω , так как нет больше единиц, т.е. нельзя рассматривать одноэлементное множество $\{\Omega\}$.

Само-подобные сканды описывают одним махом *все* ε -числа в смысле Кантора, что просто и ново. Если места в скандах определенной длины, являющейся предельным ординалом, заполнить нулями или единицами, и отождествить *близнецов* (с какого-то места 0, а все последующие единицы с этого места 1, а все последующие нули), то получим прямолинейный отрезок $[0,1]$, мощность которого может быть произвольна. Если длина сканда есть ω , то это отрезок обычной Евклидовой прямой; если —

больше ω , то это обобщенный отрезок, он непрерывный (континуальный) и имеет размерность 1. Но эта континуальность может быть сколь угодно большой. Есть *абсолютный предел* этой континуальности, который можно установить, если рассмотреть длину эсхатона Ω .

Если пустое множество $\emptyset = \{\}$ порождает числа $0 = \emptyset$, $1 = \{\emptyset\}$, $2 = \{\emptyset, \{\emptyset\}\}$, ..., то помимо пустых скандов, порождающих числа $1 = \mathbf{e}_1$, $2 = \mathbf{e}_2$, ..., порождающих те же числа, кроме 0, но, в отличие от предыдущего ряда, порождает эсхатон $\Omega = \mathbf{e}_\omega$ — последнее число, существует особый *формальный нулевой сканд* $\mathbf{e}_0$, у которого семейство фигурных скобок пусто, т.е. нет заполнений, но и нет пустых мест, потому что мест *нет вообще*. Ему-то и соответствует утерянное число 0. Особенность этого математического объекта состоит в том, что он является подьобъектом любого объекта, в частности, пустого множества! Нулевой сканд $\mathbf{e}_0$ «более пуст», чем пустое множество $\emptyset = \{\}$ — у последнего есть скобки, у первого их нет. Но одноэлементное множество $\{\mathbf{e}_0\}$, равное точке (примитивному континууму), порождает двухточие $\{0, 1\}$, затем четырехточие и т.д., далее ω раз такая бифуркация порождает обычный континуальный отрезок $[0, 1]$, затем следует череда дискретных отрезков, а после 2ω бифуркаций получится неевклидов отрезок-континуум, но пока такой же размерности. Если мы повторим этот процесс несчетное число раз ω_1 , то получим континуальный отрезок мощности гиперконтинуума. И так далее, пока не придем к абсолютному континууму, мощность которого выходит за пределы мира множеств — это ближайший, пограничный слой *трансбесконечного* мира, который потаен от нашего мира и не являет нам себя. Вот таково, выражаясь словами Ильина, предметное и духовное обстояние. Континуум совсем не *актуальная бесконечность*, как считалось ранее, а *потенциальная ступень* с иерархии континуумов вплоть до *абсолютной непрерывности*.

В известной басне Эзопа «Лисица и виноград» Лиса увидела в саду виноград, который ее пленил. Прыгала, прыгала, прыгала, а достать не смогла. Отошла от него, оглянулась, махнула лапой и сказала себе: «Зелен виноград!»

Мораль этой басни *очевидна*. Но очевидна ли *истина* этой басни? Если всмотреться глубже, то можно увидеть в ней более глубокий и серьезный смысл: «Ничего в этом мире не стоит таких огромных усилий, чтобы потом действительно (воочию) понять, что *всё*, нас прельщавшее, не что иное, как *зеленый виноград*, от которого оскомина — лишь слабое и невинное последствие». По-другому сказать, то, что не видимо, не слышимо, не явлено, трансцендентно — более важно и фундаментально в нашей жизни и в нашем бытии, более определяет смысл каждой вещи, каждого существования, каждого бытия. К нему безнадежно тянется наша философия и ее сознательные труженики.

Из вопросов и обсуждений: 1. В ряде вопросов затрагивались некоторые «технические» особенности построения введенного автором нового математического объекта — сканда, и обсуждалась (реплика Р.Ф. Полищука) его возможная аксиоматика. 2. По ходу дальнейшего обмена мнениями присутствующие сошлись на констатации, что теория Ю.Т. Лисицы своеобразно продолжает и развивает результаты Г. Кантора, когда-то удивившие математический мир: если в канторовской теории трансфинитов описывается «бездна», разворачивающаяся в иерархии *актуальных* бесконечностей, то Ю.Т. Лисица предлагает такое же разворачивание «бездны» в иерархии *потенциальных* бесконечностей.

Заседание № 87 (15 марта 2012 г.)

Выступающие: Станислав Бемович Джимбинов (Литературный институт им. М. Горького), Алексей Леонидович Налепин (Российский фонд культуры), Виктор Петрович Троицкий («Дом А.Ф. Лосева»), Ирина Анатольевна Едошина (Костромской ГУ им. Н.А. Некрасова), Петр Васильевич Палиевский (ИМЛИ РАН).

Тема: К 100-летию выхода в свет «Уединенного» В.В. Розанова.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Айвазян М.А., Ананьева Н.А., Барабанов В.Л., Бегеза П.И., Гоголин М.Ю., Джагарова Г.М., Еремеев В.Л., Жада nova В.В., Заболоцкая И.К., Зайцева И.Д., Зайцева О.Ю., Ильи-

на В.В., Китаева Е.Л., Козлова О.И., Лазько Н.В., Маневич Л.И., Меньшикова Н.А., Михайлова М.В., Моргачев В.П., Моргачева Н.В., Нефедьев Г.В., Нехаенко В.В., Пузанов, Пуминова Н.В., Резвых Т.Н., Семенов С.А., Сербиненко В.В., Слюсарева И.Н., Соколов Б.Г., Соснова М.Л., Тимашева Л.В., Федоров И.В., Фокин П.Е., Фокина О.А., Цылев В.В., Чепиков А., Чепуренко Т.В., Черкас О.В., Шелякин О.В. Всего: 39 человек.

Заседание посвящено обсуждению феномена розановского «Уединенного» и приурочено к столетию выхода в свет данной книги: ее первое издание вышло из печати 2–3 марта 1912 года, и с учетом поправки на новый стиль получается ровно день заседания — 15 марта.

Из выступлений: 1. Характеризуя специфику жанра «Уединенного», С.Б. Джимбинов привел три современных примера «розановских» форм литературного творчества у Г. Гачева («жизне-мысли»), Вен. Ерофеев (книга «Москва — Петушки» писалась не для публикации, то есть тоже была «почти на праве рукописи») и Д. Галковского (мелкая форма, сеть примечаний в «Бесконечном тупике»). Создание нового жанра, предположил Джимбинов, потребовалось Розанову, чтобы освободить мысль, чтобы она не загонялась ни в какие «гутенберговские» рамки, а если нет стеснения — есть и полная свобода в содержании, отсюда открываются (и для Розанова открылись) подступы к глубинам мироздания. 2. Основную «тайну» Розанова, по мнению А.Л. Налепина, следует извлекать из особенности его творческой биографии: он очень хотел быть и оставаться философом, и потому долго выходил из тупика классического философствования, двигаясь от трактата «О понимании» к созданию «Уединенного». Если говорить о месте Розанова в русской литературе, то вспоминается довольно давний чертёж, к которому прибег когда-то П.В. Палиевский, пытаясь изобразить «всю» русскую литературу и ее «вершины». Там рядом с «абсолютной вершиной» — Пушкиным, чуть ниже помещалась «вершина» розановского «Уединенного». Соглашусь теперь с Палиевским: да, Пушкин зажег

эту творческую «вольтовую дугу», а Розанов — замкнул ее, и в ней действительно два полюса — Пушкин и Розанов. Еще можно сказать: в «Уединенном» Розанов построил некий идеальный дом, то была его духовная обитель, там ему было удобно, и там он обитает до сих пор. По сути дела, если говорить о розановском творчестве в целом, он только и делал, что писал одну книгу, по типу «Уединенного». 3. В.П. *Троицкий* предложил вновь обратиться к философским основам всего того, что создавал Розанов. Здесь ключевым является термин, или, сказать правильное словами Гачева, жизне-мысль, — *потенциальность*. Ценностно-потенциальный мир в «Уединенном» — то естественное место, где развернуто подлинно философское размышление о Боге и человеке. Если искать для «Уединенного» определение жанра, то это — жанр философского эссе, как своего рода каждодневный репортаж о борьбе за постижение и понимание непрерывной процессуальности бытия (приводятся цитаты из «Уединенного» в качестве примеров). Розанов не напрасно переводил когда-то Аристотеля, и из его «Поэтики» он, конечно же, извлекал великое определение: «предмет искусства — потенциальное». Этот греческий афоризм создатель «Уединенного» и переводил на свой розановский язык. 4. Да, Розанов — вершина, включилась далее в разговор И.А. *Едошина*. И тут нужно вспомнить, сколько неприятностей ему принесло «Уединенное» — как и все великие произведения, эта книга имела трудную судьбу. Нас поражает органика «Уединенного», которая чудесным образом вырастает вроде бы из банальных картинок. Розанов — художник XX века, он вполне вписывается в парадигмы модернизма, а его книги напоминают литературу потока сознания (У. Фолкнер, Д. Джойс). Но если мы сравним «Уединенное» с эпизодом «Пенелопа» из «Улисса» Джойса, мы обнаружим и много сходств и перекличек, но увидим и принципиальную разницу: все-таки у Джойса текст явно сконструирован (его знаменитая игра с корнесловиями, например), а у Розанова — органичен, не выдуман, причем его органика какая-то изначальная, древняя — недаром он сам в своих занятиях тяготел к древним культурам (потому вообще оксюморон — фигура Розанова как журналиста, потому Розанов

немыслим на трибуне собрания). Эта обращенность к корням, эта архаика соединяла Розанова с Флоренским — вспомним показательное признание из письма второго к первому: «вы, может быть, последний египтянин, а я — последний эллин». 5. Как подчеркнул П.В. Палиевский, мы обречены проходить все новые и новые стадии понимания Розанова. Все-таки он не философ, но и не писатель — и даже не потому, что он, как говорят, создал новый жанр, а потому, что у него нет заботы о форме. Вот названные С.Б. Джимбиновым три писателя — им очень далеко до Розанова, и уже потому далеко, что они как раз сознавали себя создателями новых жанров. У Розанова — именно органическая неделимость, жизненность его письма. В этой связи, заметил Палиевский, вспоминается один из сюжетов наших бесед с А.Ф. Лосевым, когда мы обсуждали проблему ограниченности научных методов (тема, нас давно объединявшая) и незаметно перешли на Розанова, и Алексей Федорович как раз и высказался в том смысле, что вот, мол, Розанов-то и умел обходиться без индукций и дедукций, соединяя быт и самую высокую проблематику бытия. Высокие понятия светились у него в житейской пыли. Действительно, у Розанова нет ни одной абстрактной строки, в его словах успешно соединялось высокое и низкое, и проявлялась, можно сказать, *реальная бесконечность*. Вот к ней Розанов и имел прямой доступ, это был дар от Бога. Точно по завету Флоренского — истина не доказывается (на это претендуют философские системы), а показывается: именно такую онтологию мысли Розанов и вводил в нашу литературу.

Заседание № 88 (22 марта 2012 г.)

Докладчик: Василий Яковлевич Перминов (МГУ).

Тема: Кант, Лосский и праксеологическая теория познания.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Азимова К.Э., Жаданова В.В., Китаева Е.Л., Меньшикова Н.А., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Родин А.В., Союзов А.Е., Тарантина Е.Ю., Чугунов В.П., Чусов А.В. Всего: 11 человек.

Тезисы доклада: 1. В настоящее время мы находимся в поисках связей между старой (дореволюционной) русской философией и современным российским философским мышлением. Эти поиски затруднены, прежде всего, тем обстоятельством, что наше современное философское мышление далеко уклонилось от традиционного русского. К сожалению, это уклонение было не прогрессом, а скорее уходом в тупиковые направления. Под видом марксистского материализма к нам пришел позитивизм, и наша современная философия еще далеко не освободилась от его влияния. Другие современные наши философы увлечены различными постмодернистскими идеями, которые также не имеют ничего общего с идеями и стилем традиционной русской философии. Не является ли в таком случае традиционная русская философия лишь некоторой музейной ценностью? Есть ли в ней позитивные идеи, которые мы могли бы сегодня сделать основанием новой философии?

2. Такого рода идеи, не потерявшие значимости, в русской философии, несомненно, есть. Я указал бы здесь на теорию мистической интуиции Н.О. Лосского, которая, на мой взгляд, является высшим достижением отечественной теории познания и которая еще не оценена должным образом ни западными, ни отечественными философами. На рубеже XIX-го и XX-го столетий, когда в теории познания сделались непререкаемыми субъективистские и конструктивистские течения, подчеркивающие роль активности сознания, Н.О. Лосский выдвинул идею непосредственной данности вещей в мистической интуиции и возможности их познания «в подлиннике», без их деформации активностью сознания. Активизму сознания он противопоставил некоторого рода здравый пассивизм, признание реальности вещей как таковых и строго отражательное истолкование сознания. На первый взгляд, эти идеи совершенно несостоятельны, ибо, как кажется, они отбрасывают нас назад к догматическому материализму и наивному сенсуализму. Однако, это внешняя оценка идей Н.О. Лосского не схватывающая сути дела.

3. Главным объектом критики для Лосского является кантовская теория познания с ее идеей определения вещей на основе

рассудочных категорий. Основной дефект теории Канта состоит, по Лосскому, в непроясненности механизма категориального синтеза. Если подведение явлений под категории обеспечивает системой трансцендентальных схем, представляющих собой временные отношения, то возникает вопрос о взаимодействии представления о времени с системой явлений: либо время само от себя вносит порядок в систему явлений, либо явления содержат в себе «метки», указывающие на их принадлежность к определенному временному отношению. Эта дилемма, считает Лосский, не прояснена Кантом, и, вследствие этого, вся его теория категориального синтеза теряет смысл. Но тем самым повисает в воздухе и вопрос о статусе окружающих нас вещей. Ставя под сомнение категориальный синтез, мы устраним и кантовское обоснование объективности вещей.

4. Лосский отказывается от признания вещиности за пределами сознания. Он убежден в том, что теория познания, признающая трансцендентное бытие в какой-либо форме, не может быть построена без противоречий. В этом смысле он более идеалист, чем Кант и, в общем, присоединяется к той группе философов, которые хотели очистить философию Канта от понятия «вещи в себе». Сознание для Лосского, — это монада, не имеющая окон, а вся его теория познания — это последовательно проведенный имманентизм.

5. Но имманентизм Лосского не тождествен субъективизму. Мистическая интуиция разделяет субъективно данное на две части: на собственно субъективное, зависимое от нашей воли и наших желаний, и на субъективное, которое от нашей воли и наших желаний не зависит. Эта последняя сфера субъективного получает у Лосского название транссубъективного. В теории познания Лосского, таким образом, нет понятия трансцендентного, но есть понятие транссубъективного. Здесь Лосский использует кантовский ход мысли, понимая трансцендентное лишь как незаконную объективацию транссубъективного. Всё вещное содержание мышления объективно в том смысле, что оно транссубъективно. Вещи — не комплексы ощущений и не конструкты сознания: они даны как объекты, имеющие статус транссубъективности.

6. Кантовское определение объективной предметности на основе категориального синтеза Лосский полностью отвергает. Заслуга Канта, по Лосскому, состоит лишь в том, что он выявил наличие в системе опыта внечувственных элементов. Мистическая интуиция дает нам не только вещи, но и отношения вещей (пространственные, временные, причинные). Сами эти отношения не могут быть восприняты отдельно от вещей, они даны вместе с вещами как общие формы их бытия. Эти отношения внечувственны, но не внеопытны. Лосский выдвигает здесь идею расширенного эмпиризма: опыт, в действительности, дает нам чувственную предметность вместе с внечувственными связями. Кант, выявив наличие внечувственного в опыте, ошибочно отнес его к познавательной способности субъекта. В действительности же это — общие формы бытия вещей, выявляемые мистической интуицией. Внечувственное, и в этом смысле внеэмпирическое, у Лосского не отрицается, но для него это не формы мышления, но прежде всего общие формы бытия вещей. От априоризма Канта Лосский возвращается к априоризму Лейбница, правда, с той разницей, что связь человека как монады с Богом как монадой всех монад заменяется у Лосского актами мистической интуиции.

7. Фиксируя предметы в окружающем нас мире, мы, по Лосскому, имеем дело не с комплексами ощущений, как говорят скептики-сенсуалисты, и не с конструкциями разума, как говорят рационалисты, но с предметами самими по себе, «данными в подлиннике» и с их реальными связями. Адекватная теория познания не может рассматривать предмет ни как явление, ни как конструкцию разума. «Коперниканский переворот» Канта в теории познания неосуществим и в нем нет необходимости при понимании предметного мира как выделяемого непосредственно в актах мистической интуиции.

8. В отношении теории Лосского можно поставить следующие вопросы:

- Каким образом опыт может давать нам представление о необходимых (внечувственных) связях, которые являются универсальными формами бытия всех вещей? Рационалистиче-

- ская философия всегда исходила из того, что такой переход запрещен самой природой опыта как всегда ограниченного.
- Если реабилитировать наивную познавательную установку, которая исходит из веры в существование вещей как таковых, не зависящих от механизмов познания (именно такую задачу ставит Лосский), то почему нужно отвергать положение о трансцендентности вещей, которое является также частью наивной установки? Позиция Лосского не вполне последовательна, так как вера в существование вещей в подлиннике реабилитируется у него за счет отказа им в трансцендентном существовании.
 - Что такое мистическая интуиция и может ли современная теория познания исходить из понятий, которые сами объявляют себя в качестве мистических и недоступных для рационального анализа?

9. Эти вопросы серьезны, но они не разрушают теорию Лосского. В действительности, в настоящее время под нее может быть подведен новый фундамент, основанный на понятии деятельности. Лосский безусловно прав в своем главном положении, состоящем в том, что вещи не комплексы ощущений и не конструкции сознания и что они даны нам в подлиннике. В настоящее время мы можем сказать, что вещи открываются для нас в своих свойствах не чувствами и не категориями, а деятельностью. Именно деятельность навязывает нам те свойства вещи, которые требуются ее природой и только через признание которых как реальных мы можем оказывать на нее воздействие. Все проблемы в системе Лосского решаются через признание того положения, что мистическая интуиция есть в действительности интуиция праксеологическая, а именно, общезначимая система представлений о вещах, навязанная практикой. Идея практики и праксеологического основания данности вещей позволяет оправдать мистическую интуицию и довести до конца критику кантовского «коперниканского переворота». Лосский прав, что адекватная теория познания не нуждается в такой субъективизации познания, которую стремился реализовать Кант. Объективность вещей навязана нам не чувствами и не категориальным синтезом, а реальными требованиями практики.

10. Праксеологическое истолкование мистической интуиции позволяет соединить идеи Лосского с исследованиями таких наших философов, как Э.В. Ильенков, И.С. Алексеев, П.В. Алексеев, В.Н. Сагатовский и многих других, которые стремились пересмотреть гносеологические понятия с точки зрения марксистского понятия практики. Этим соединением, как представляется, намечается некоторая сквозная линия отечественной теории познания, исходящая из факта непосредственной данности вещей, идущая от «живого опыта» А.С. Хомякова до наших «деятельностников» 1960–80-х годов. Соединение Лосского с Марксом может показаться не очень уместным, но история философии может и должна соединять отдельные идеи, а не учения в целом. Заслуги Маркса перед теорией познания нельзя перечеркнуть. Именно праксеологическое истолкование мистической интуиции устраняет ее мистицизм и вводит ее в теорию познания в качестве совершенно рационального понятия. Имеющие в настоящее время хождение истолкования мистической интуиции Лосского в качестве некоторого рода гносеологического варианта откровения не имеют права на существование, ибо они в действительности только мистифицируют теорию познания.

Из вопросов и обсуждений: 1. Доклад не вызвал подробного обсуждения и особых вопросов, возможно, ввиду его полной методологической ясности и конкретности. 2. На вопрос В.П. Троицкого, можно ли сблизить предложенную трактовку «интуитивизма» Лосского с известным направлением в польской школе праксеологии, докладчик ответил согласием, но прибавил, что подобное сопоставление еще требует внимательного исследования.

Заседание № 89 (5 апреля 2012 г.)

Докладчик: Алексей Михайлович Лидов (Институт мировой культуры МГУ).

Тема: Иеротопия и проблемы создания сакральных пространств.

Председательствующий: В.П. Визгин.

Участвовали: Авдеенков А.Н., Алиева А.С., Аснина О.В., Барбанов В.Л., Бардашова Н.С., Баркова О.В., Васильченко Е.А., Взорова Е.А., Вольнов И.Н., Воробьева Н.К., Гараев Р.А., Груднев А.В., Гусаковский А.В., Джеришевская Е.Г., Зайцев О.Ю., Захарова Э.В., Иванова М.И., Ильясова, Исаев М.В., Карасев А.А., Корнеева Н.И., Малыхин В.С., Меньшикова Н.А., Козырев А.П., Королева А.Г., Костанян С.А., Лазько Н.В., Лалитин В.П., Лафицкая Н.З., Литвинова Н.Н., Лукашева И.А., Лысков А.С., Маслова А.В., Медведева В.И., Мимоход С.П., Митрова Н.Б., Мясоедова О.В., Паршин А.Н., Рева В.М., Русова Е.Н., Самойлова И.П., Седых О.М., Смолина Н.В., Соболев А.В., Трофимов В.Р., Тутанцева Н.Л., Устинова О.А., Чванов В.А., Хохлова Е.С., Хухка И.А., Чамовский М.В. Всего: 51 человек.

Текст, близкий к содержанию выступления А.М. Лидова, можно прочесть по ссылке: www.polit.ru/lectures/2007/06/14/ierotor.html. Концепции иеротопии посвящена монография: А.М. Лидов. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. — М.: Феория, 2009. — 352 с.

Из выступления и обсуждений: 1. Предваряя свое выступление, А.М. Лидов отметил, что для него большая честь выступать в «Доме А.Ф. Лосева», и поделился давним впечатлением от своего первого знакомства с творчеством А.Ф. Лосева, когда он в 1977 г., на первом курсе университета, прочел «Очерки античного символизма и мифологии» (книга оказалась в библиотеке сокурсницы): сказать, что это было просто «огромное впечатление» нельзя, — книга именно поменяла мировоззрение недавнего советского школьника и студента идеологического вуза (каковым представлял тогда исторический факультет МГУ).

Одной из тем его занятий по специализации — византийское искусство — была история чудотворных икон и реликвий. Довольно быстро пришла мысль о наличии важной сферы, которая никак не представлена на рабочем столе гуманитариев-искусствоведов: они заняты историей создания тех или иных предметов, но не создания пространств (священных) вокруг них. Так появилось представление об *иеротопии* (первая формулировка 2001 года): создании сакральных пространств, рассмотренном

как особый вид духовного и художественного творчества. Автор много времени отдал историко-культурному исследованию Софии Константинопольской, примеру величайшего сакрального пространства (собственно, из попытки понять этот феномен — в рамках исследования о «программе императорских врат» Софии — и родилось обобщение об иеротопии). Важно подчеркнуть одну особенность иеротопии: в ней заостряется не феноменологический, а креационистский аспект произведения искусства. Ведь как феномен сакральные пространства уже изучались, достаточно назвать работы М. Элиаде, а у нас — В.Н. Топорова. Иеротопия же предполагает рассматривать процесс создания вещей умом и руками человека для установления коммуникации с Богом и высшим миром. В работе Элиаде «Сакральное и профанное» вводится идея иерофании, «места божественной силы». Иерофания, например, относится к месту известного сна Иакова с видением лестницы, соединяющей небо и землю. А иеротопия начинается от момента, когда Иаков, проснувшись, начинает по своему творить сакральное пространство, т.е. ставить камень на месте откровения, создавать некий прото-храм и т.д.

После разъяснения основных идей иеротопии далее в докладе были специально рассмотрены и прокомментированы некоторые образцы: подмосковный Новый Иерусалим как яркий иеротопический проект патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, некоторая копия («пространственная икона») Св. Земли на русской земле площадью 52 кв. км; храм и в особенности купол Святой Софии Константинопольской (многочисленные оптические эффекты, точнее, сложная световая драматургия, призванная создать и передать присутствие «Славы Божией» в храме); храм Христа Спасителя из монастыря в Хора (Карие Джами) в Константинополе, иеротопический проект великого логофета Феодора Метохита.

2. Отвечая на многочисленные вопросы присутствующих, А.М. Лидов затронул еще ряд понятий и концептов, которые приходится рассматривать в связи с иеротопией. а) Необходимо различение образа-парадигмы (он не показывается на уровне изобразительном) от образа-иллюстрации. Подготовленный человек мог видеть храм в целом и понимать, что он находится внутри

Небесного Иерусалима, который, тем не менее, не изображен на плоской картинке: он видел образ-парадигму. б) Возможны ли сравнения по типу иеротопичности культур? По мнению докладчика, следует ввести представление о «градусе иеротопичности»: думается, у нас в России он традиционно высок, а в Северной Европе, к примеру, заметно ниже. Другой пример — принципиально разный уровень иеротопичности в Софии Константинопольской (пусть даже если пространство Софии сейчас существенно искажено и музеем или мечетью) и Храм Христа Спасителя в Москве (на бытовом почти уровне о таком говорят: «храм не намолен»). в) Необходимо сопоставлять и различать, в связи с иеротопией, сакральное (самая широкая область, в которой применима иеротопия) — священное — святое. г) Важно реанимировать и ввести в искусствоведческий арсенал представление о «хоре». Еще Платон (диалог «Тимей») называет «хора» в числе трех фундаментальных, образующих мир начал: «Согласно моему приговору, краткий вывод таков: есть бытие, есть пространство — хора, есть возникновение, и эти три рода возникли порознь еще до рождения неба» (52 d). «Хора» рассматривается и Платоном, и его последующими интерпретаторами как некое состояние, которое предшествует рождению любой формы. Это понятие развивали неоплатоники, и через неоплатоников оно пришло в христианское богословие. «Хора» была отождествлена с иконическим пространством, в первую очередь, крупнейшим богословом Патриархом Никифором, жившим в конце VIII – начале IX века в эпоху иконоборчества. Никифор обращался к понятию «хоры» для того, чтобы опровергнуть иконоборцев и объяснить принципиальное различие между иконой и идолом. Иеротопия, можно сказать, на новом языке науки оформляет идею «хоры».

Заседание № 90 (19 апреля 2012 г.)

Выступающие: Ольга Валериановна Эдельман (ГА РФ), Георгий Владимирович Нефедьев (Дом-музей С.Н. Дурылина), Анна Игоревна Резниченко (РГГУ, Дом-музей С.Н. Дурылина), Татьяна Николаевна Резвых (ПСТГУ, Дом-музей С.Н. Дурылина).

Тема: Apologia pro vita mea. В.С. Печерин и его исследователь А.А. Сабуров.

Председательствующая: А.И. Резниченко.

Участвовали: Александрова Т.Н., Бакшеева А.Ю., Брерк Р.А., Болдырев А.И., Брунова Е.А., Вараева Э.Ю., Взорова Е.А., Волошина С.М., Выходцева К.М., Гоголин М.Ю., Горохова О.Л., Европина М.А., Жаданова В.В., Иванова Е.В., Имас М.Я., Казенных Г.М., Китаева Е.Л., Козырев А.П., Кузина Г.Н., Лебедев Г.В., Либерман Е.М., Литвинов А.Л., Магомет С., Максимов Д.Г., Мапиновская (Сабурова) О.Б., Маневич Л.И., Меньшикова Н.А., Мержанов С.Б., Молоденская И.С., Русова Е.Н., Рябов Н.И., Рябова Е.В., Соболев А.В., Соколов Б.Г., Соловьева В.Г., Суровова Д.Ю., Тарасевич К.Л., Тарасевич Ю.А., Троицкий В.П. Всего: 39 человек.

Резюме вечера (составитель А.И. Резниченко): Заседание Семинара посвящено творчеству двух мыслителей, Герою и Автору. Оба они ныне почти забыты.

Герой — Владимир Сергеевич Печерин (1807, с. Дымерка, ныне Черкасской области, — 1885, Дублин, Ирландия), поэт, блестящий филолог, владевший восемнадцатью языками, профессор Московского университета, которого позже назовут первым русским диссидентом и самым последовательным западником. Возможный прототип лермонтовского Печорина из «Героя нашего времени». Покинул Россию и вступил в конгрегацию редемптористов, активно проповедовавших католицизм в протестантских странах.

Автор — Андрей Александрович Сабуров (1902, Москва — 1959, Москва), племянник философа Эмилия Метнера и композитора Николая Метнера, ученик Б.А. Фохта, А.Г. Циреса, И.А. Ильина, Г.Г. Шпета, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, С.Н. Дурылина, гимназический одноклассник и друг Ф.С. Булгакова, университетский — В.П. Зубова. Обоих — В.С. Печерина и А.А. Сабурова — объединяет многое. Они были эмигрантами. Только первый эмигрировал, в итоге, в католицизм и в Ирландию, второй — в русскую культуру XIX века. В 1940 г. А.А. Сабуровым была за-

вершена и во Всесоюзной Академии легкой промышленности им. В.М. Молотова защищена диссертация «В.С. Печерин», в двух томах, до сих пор так и не опубликованная.

О них — Тексте, Авторе и Герое — и будет идти речь. Заседание приурочено ко дню кончины В.С. Печерина — 17 (29) апреля.

Из выступлений и обсуждений: **1.** О.В. Эдельман охарактеризовала место В.С. Печерина в русской и европейской культуре; фигура А.А. Сабурова была предметом внимания других выступающих: Г.В. Нефедьев остановился на творческих контактах его с философами и писателями Серебряного века, Т.Н. Резвых и А.И. Резниченко сосредоточились на основных мотивах и идеях диссертации А.А. Сабурова о Печерине. **2.** Среди заданных и обсужденных вопросов была тема типологического сходства двух, казалось бы, различных по характеру «бегств» — тема близости внутренних причин и оснований эмиграции В.С. Печерина и романтического «Dahin!», ярко выраженного в «Фаусте» Гёте. Это сходство явственно было отмечено Сабуровым.

**Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева:
проблемы и перспективы».**

Хроника: октябрь 2011 г. — апрель 2012 г.

В осенней сессии 2011 года прошло три заседания Семинара, на которых в основном обсуждались различные вопросы историко-биографического характера.

Доклад доктора филологических наук, профессора филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующего Отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы «Дома А.Ф. Лосева» *Елены Аркадьевны Тахо-Годи* на тему «А.Ф. Лосев и сборник “Russland”: поиски, находки и гипотезы», состоявшийся 18 октября 2011 г. (в день именин Алексея Федоровича), был посвящен истории ранней публикации А.Ф. Лосева — его статьи «Русская философия» в швейцарском сборнике «Russland» (1919). Здесь была предпринята попытка восстановить биографический, культурный и общественный контексты, в которых появилась данная публикация¹. Не нужно специально доказывать, насколько это «археологическое» предприятие и трудно и ценно одновременно: нам слишком мало известно о творческой биографии Лосева первой трети XX века, и всякое новое наблюдение или факт, относящийся к этому времени, имеют немалую ценность. Примечательно, что выступление Е.А. Тахо-Годи сопровождалось большим количеством иллюстраций (фотографические портреты участников рассматриваемого сюжета, пейзажные и городские изображения). По мнению *К.А. Кедрова*, высказавшего общее впечатление о выступлении Е.А. Тахо-Годи и ее исследовательской эстетике, участники вечера в «Доме А.Ф. Лосева» оказались одновременно и невольными

¹ Статья Е.А. Тахо-Годи «А.Ф. Лосев и сборник «Russland» (1919): факты и гипотезы», появившаяся в томе «От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова» (М., 2011. С. 581–598), была дополнена вновь выявленными материалами.

свидетелями трудных времен катастрофы гигантского масштаба, переживаемой когда-то не только в России, и соприсутствовали в момент почти буквального воскрешения многих интересных личностей («Сколько прекрасных лиц мы увидели сегодня на этом экране!»), которым довелось те времена переживать «во всей их прелести».

Среди намеченных и коротко обсужденных после доклада Е.А. Тахо-Годи вопросов и тем отметим следующие: нет ли каких-то материалов о сборнике в архивах С.П. Мельгунова или Т. Эрисмана, связанных с изданием «Russland»; насколько тесными были отношения Лосева с мельгуновским издательством «Задруга»; сколько к настоящему времени сохранилось экземпляров сборника «Russland» в России и в чьих коллекциях они находились (в личной библиотеке Лосева этого сборника не было или он не сохранился; в РГБ имеются два экземпляра, в том числе из коллекции Рубакина, из них один неполный); интересно было бы развернуть работу по дальнейшему выявлению связей проекта серии книг «Духовная Русь», в котором предполагалось активное участие А.Ф. Лосева, и других издательских предприятий конца 1910 — начала 1920-х годов, — известного сборника «Из глубины», планов мельгуновского издательства «Задруга» и др.

Выступление *Галины Даниловны Беловой* «“Вспоминайте учителей и наставников ваших”. Об А.Ф. Лосеве» 15 ноября 2011 г. было построено как неспешный и внешне непритязательный рассказ-воспоминание о многолетнем общении с Алексеем Федоровичем при разных обстоятельствах и на временном отрезке с 1973 по 1988 г., начиная с периода ее работы в издательстве «Искусство», где в те годы готовились к печати очередные тома «Истории античной эстетики» Лосева (Г.Д. Белова участвовала в редакторской работе над тт. 3, 4, 5, 6), а затем и в более тесном общении с семьей Лосева, помогая по хозяйству.

Из выступления Г.Д. Беловой особенно важно было бы отметить те общие характеристики и оценки, которые она находила для личности Алексея Федоровича, проявлявшиеся в повседневном общении с ним, — далее мы постараемся передать прямую речь мемуариста.

Он был для нас простой (теперь-то понятно, что так и проявляется подлинная мудрость) и всегда какой-то ровно-веселый (это — теперь понимаю, — такое состояние души, которое создается каждодневной молитвой, состояние после молитвы); мы испытывали полное доверие к «Старику», он для нас был непрекаемый авторитет (постоянный лейтмотив наших интеллигентских разговоров — «надо спросить у Старика»), и теперь понятно, что он был для нас как старец, хотя он никогда никого специально не поучал, — он просто жил и работал, он — был, но многих, его окружающих, изменил, не руководя и не поучая. Это — не авторитет, это — *другое*. И еще он казался нам каким-то вечным, что ли — он стал много болеть и умер совершенно неожиданно для нас.

На вопрос из зала о том, что, если принимать «старчество» Лосева, то не могли бы вы указать примеры его прозорливости (прозорливость — известное свойство старцев), Галина Даниловна подтвердила: да, могу назвать его прогноз относительно судьбы моей дочери, увы, отрицательный, и он дал его исчерпывающе-точно, как показала дальнейшая наша жизнь. Но в целом, конечно, он не занимался предсказанием судеб, но *влият на людей*, изменяя и поправляя судьбы окружающих его людей.

И еще он, по моим наблюдениям, никогда не смеялся (только улыбался, нередко иронично), это свойство, думаю, скорее монашеское. И сам обычно не вступал в наши разговоры, что называется, «не вступал», говорил только в ответ на наши вопросы и просьбы, — да, это сдержанность и, наверное, осторожность, воспитанная годами.

Еще можно передать один наш диалог, прошедший перед очередным пасхальным постом:

— Алексей Федорович, Вы поститься будете?

— У меня пост — всю жизнь...

Теперь мне ясен такой ответ: пост — это прежде всего молитва. И она была для него всегда обязательна. А всяческие диеты, ограничение на вкушаемую пищу, — это вторичное. Впрочем, замечу, что питался он всегда в основном вегетариански.

Он был очень терпеливый и мужественный человек. И боец (и не интригами или, допустим, криками что-то доказать), но

боец делом. Интеллигент должен уметь воевать, говорил он. И ведь любил напоминать — я донской казак...

Часть мемуарных записок Г.Д. Беловой уже опубликованы в недавних выпусках нашего Бюллетеня (см. Вып. 14 и Вып. 15, в разделе «Из воспоминаний»), в настоящее время они выходят отдельным изданием в полном составе.

20 декабря 2011 г. в рамках работы семинара состоялось выступление кандидата психологических наук *Натальи Юрьевны Стоюхиной* (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) «Религиозное воспитание в российской психолого-педагогической публицистике первой трети XX века. А.Ф. Лосев о религиозном воспитании».

Этот доклад предваряла акция дарения: перед собравшимися выступил *Александр Владимирович Захаров*, председатель правления Московско-Петербургского философского клуба, вице-президент Московской торгово-промышленной палаты. Он передал в фонд Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» книгу А.Ф. Лосева «Философия имени» (М., 1927), содержащую дарственную надпись автора С.С. Глаголеву. Книга была приобретена в интернет-магазине на средства Клуба. Подробнее об этой акции опубликован сетевой репортаж: philosophicalclub.ru/?an=2011-12-20-last.

Далее *В.П. Троицкий* сделал сообщение о состоявшемся 14 декабря 2011 г. открытии в здании средней общеобразовательной школы № 3 им. М.И. Платова г. Новочеркасска (бывшей Платовской мужской классической гимназии) барельефа и памятной доски, посвященных А.Ф. Лосеву. В этом году исполнилось 100 лет со дня окончания будущим великим философом названной гимназии. В церемонии открытия барельефа и памятной доски, а также последовавшей затем научной конференции молодых ученых Новочеркасска приняли участие В.П. Троицкий и Г.П. Калюжный, оба — члены КПО «Лосевские беседы». Репортажи об открытии размещены в следующих сетевых ресурсах: на сайте Новочеркасского благочиния, Новочеркасском городском портале и сайте «Дома А.Ф. Лосева» (losev-library.ru/?pid=6925).

Выступившая на семинаре *Н.Ю. Стоюхина* специально исследовала нижегородский период жизни и творчества А.Ф. Лосева и

уже опубликовала обширные и ценные материалы по результатам архивных исследований — см. «А.Ф. Лосев и Нижегородский университет: 1919 – 1921 годы» (Бюллетень «Дома А.Ф. Лосева», вып. 12, с. 48–82). В нынешнем выступлении она остановилась на подробном рассмотрении одного из эпизодов указанного периода — докладе А.Ф. Лосева «О методах религиозного воспитания», сделанного им 29 марта 1921 г. в Педагогическом кружке при Нижегородском государственном университете. Основные идеи и направленность данного выступления Лосева были рассмотрены исследователем в контексте общих изменений в общественном мировоззрении, господствовавших в России перед революцией 1917 года и в первые годы после нее. Автор привела интересные данные о значительном падении уровня религиозного воспитания в российских семьях (особенно в интеллигентской среде) и мнения дореволюционных психологов на этот счет (Марков, Н.А. Рыбников, М.М. Рубинштейн), а также напомнила об основных этапах изменения российского общества в сторону полного атеизма, насаждаемого государством. Она отметила также, что с позицией Лосева в вопросах религиозного воспитания во многом перекликается и даже совпадает статья известного петроградского философа и психолога А.И. Введенского «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом» («Мысль и слово», 1922, № 2). По мнению Н.Ю. Стоюхиной, основные идеи давнего доклада А.Ф. Лосева (особенно — роль «философской пропедевтики» для формирования религиозного опыта и необходимость учета возрастных особенностей личности в процессе обучения) актуальны в наши дни, когда проблема религиозного воспитания ставится с новой необходимостью.

Докладчики, выступившие на семинаре в весенней сессии 2012 года, представили различные регионы России, — г. Тольятти, г. Петрозаводск, г. Ростов-на-Дону. В определенной мере это характеризует, конечно, географию исследований по темам и сюжетам, так или иначе заданных Лосевым.

21 февраля 2012 г. протоиерей Дмитрий Лескин (Духовная семинария г. Тольятти), доктор философских наук, выступил с докладом «Русская философия имени и афронское имяславие».

Им была довольно подробно изложена история имяславского движения («Афонского дела») и даны общие характеристики известных направлений философии имени, развитой в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Loseва. Отдельно о. Дмитрий сформулировал и охарактеризовал ряд свойств и особенностей русской философии имени, — слово (имя) в ней энергично, софийно, синергично, символично, антиномично и апофатично.

Говоря об отношении к имяславию в современной церкви, о. Дмитрий сообщил, что проблема имяславия (и в ее исторической и в богословской составляющих) включена в круг тем, запланированных для рассмотрения в Богословской комиссии, ныне возглавляемой митрополитом Илларионом (Алфеевым). В перспективе планируется вернуться к обсуждению проблемы на общецерковном уровне. В любом случае, уже сейчас вполне ясно, что имяславскую тему не удалось маргинализировать или списать в архив.

Среди обсужденных после выступления о. Дмитрия вопросов отметим несколько наиболее интересных. Так, Г.В. Зубко напомнила о давней и даже древней традиции почитания заветного (тайного) имени божества и вообще чуткости многих культур к важности акта именования. В этой связи о. Дмитрий Лексин указал на работу П.А. Флоренского «Священное переименование», четко фиксирующей эту проблематику. С.М. Половинкин попросил подробнее рассказать о контактах А.Ф. Loseва с монахами-имяславцами (на этот вопрос ответил В.П. Троицкий), а затем был обсужден и прокомментирован известный исторический факт, когда практически все церковные иерархи поддерживали в свое время февральскую революцию (особенно это важно в связи с оценками, в какой именно среде формировалось известное осуждение имяславцев со стороны Св. Синода). Был поднят также вопрос о природе и движущих силах удивительной синхронии, которая характерна для европейской истории начала XX века, когда проявили себя и «Афонское дело», и волны многочисленных переименований, и обостренный интерес к проблеме именования в связи с парадоксами в математической теории

множеств, и развернувшийся в скором времени «лингвистический поворот» в европейской философии и науке. Участники семинара согласились, что эта тема заслуживает специального изучения и осмысления.

21 марта 2012 г. состоялось выступление доктора философских наук Юрия Владимировича Линника (Петрозаводский государственный университет) «Эйнштейн — Лосев — Скрябин». Докладчик размышлял о той интерпретации некоторых выводов специальной теории относительности Эйнштейна, которую предложили П.А. Флоренский (знаменитый «дантовский» экскурс в «Мнимостях в геометрии», 1922) и, вслед за ним, А.Ф. Лосев в книге «Античный космос и современная наука» (1927). Эйнштейн, введивший постулат об ограничении максимальной скорости распространения взаимодействия скоростью света, предопределил грандиозную трансформацию в общем мировоззрении: он аннулировал дальноедействие в мире (возможность мгновенной связи всего со всем) и утвердил близкоедействие (потому, в силу ограничения на скорость, наш мир существенно разобщен). И в такой картине мира существенную роль принимает вопрос, что происходит или, вернее, может произойти, когда объект достигает скорости света или превышает ее. На формальном уровне этот рубеж выражается известным преобразованием Лоренца, — именно данному преобразованию и сопровождающей его трансформации пространства-времени и вещества посвятили свои размышления Флоренский и Лосев. Область сверхсветовых скоростей, по гипотезе этих мыслителей, есть область идей, или Эмпирей, некое «зазеркалье» для нашего вещного материального мира. В этой интерпретации, указал Ю.В. Линник, пользуясь современно физической терминологией, весь мир представлен из двух симметричных половин, из досветового мира *тардионов* и сверхсветового мира *таххионов*, так что частица или вещь (тардион), проходящая лоренцев рубеж, переходит в мир идей (таххионов). Мир тахионов организован по линии причинно-следственных связей, со своим течением времени, мир же тахионов имеет встречное направление причинности, или телеологическое, и время там течет тоже встречно, из будущего в прошлое.

Ясно, что при переходе скоростного рубежа объект испытывает глобальную трансформацию (или «выворачивание»), чему есть уже в богословии подходящий термин — преображение. Вспомним, что о вселенском Преображении грезил А.А. Скрябин, мечтавший о создании такой музыкальной мистерии, которая будет способна управлять течением жизни мира.

По ходу обсуждения доклада Ю.В. Линника поднимались вопросы об иных возможных моделях мира, в которых уже нет нужны в скоростном барьере Лоренца-Эйнштейна (решения уравнений релятивистской физике при разных значениях так называемого космологического члена; мир с двумя «стрелами времени», движущимися «встречно»), и рассматривалась возможность сопоставления мира тахионов с пространством-временем людских сновидений.

17 апреля 2012 г. на семинаре выступила *Наталья Викторовна Бекетова*, профессор Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, которая представила собравшимся 10-летнюю деятельность творческого центра «Рахманинов — Лосев», созданного ею при Ростовской консерватории. Основная задача, которая ставилась при создании этого центра, состояла в том, чтобы наряду с обычным, «техническим» преподаванием музыкальных дисциплин осваивать навыки философского анализа и понимания музыки. И творческое наследие А.Ф. Лосева может и должно в этой задаче помочь. Если Ю.Н. Холопов, крупнейший отечественный теоретик музыки, призывал создавать вслед за Лосевым метафизическую теорию музыки, то в деятельности ростовского центра больше заняты разработкой метафизической истории музыки. Учение Лосева о мифе является базой, идейной основой для такой разработки.

Н.В. Бекетова весьма подробно, с показом многочисленных фотографий и демонстрацией программ и афиш, рассказала о различных акциях творческого центра «Рахманинов — Лосев» не только в Ростове-на-Дону, но и в музыкальных учреждениях других регионов — в Смоленске, Тамбове, Харькове и др.

**«Музыкальная гостиная»
Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»:
август 2011 г. — июнь 2012 г.**

12 августа в «Доме А.Ф. Лосева» состоялся концерт фортепианной музыки. Выступала лауреат международных конкурсов *Екатерина Рихтер*. Прозвучали произведения Л. Бетховена, С.С. Прокофьева.

19 августа ансамбль солистов «Академия флейты» под руководством *Ильи Пирогова* представил на суд гостей Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» свое видение произведений А.Л. Вивальди.

4 сентября в рамках IV фестиваля книги и чтения на Арбате «Читающий Арбат — 2011» в Библиотеке выступили «Романтик-трио»: лауреаты международных конкурсов — *Наталья Богданова* (фортепиано), *Иван Покровский* (скрипка), *Александр Буриков* (виолончель). Музыканты исполнили произведения Л. Бетховена, А.Т. Гречанинова.

7 сентября состоялось открытие VI Фестиваля камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева» под общим заглавием: «Музыка — Понимание, Выражение, Символ...». Выступление вокального ансамбля солистов «MAGICAL SOUNDS» под руководством *Александра Майорова*, получившее название «От истоков к современности», открывало фестиваль.

12 сентября, во второй день VI Фестиваля камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева», произведения Л. Бетховена исполнил государственный квартет им. П.И. Чайковского.

15 сентября в рамках третьего дня VI Фестиваля камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева» прозвучали произведения С.И. Танеева в интерпретации лауреата международных конкурсов *Дмитрия Онищенко* (фортепиано). Событие было приурочено к 155-летию со дня рождения русского композитора и педагога, пианиста и ученого, музыкального и общественного деятеля.

21 сентября четвертый день VI Фестиваля камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева» продолжился вечером, посвященным 110-летию со дня рождения В.В. Софроницкого. Вечере приняли участие: вице-президент Международного союза музыкальных деятелей А.С. Скрябин и заслуженный работник культуры РФ, заведующая Музеем-квартирой А.Б. Гольденвейзера А.Ю. Николаева. Был показан документальный фильм режиссера О. Дворниченко «В.В. Софроницкий». В завершение вечера прозвучали произведения Ф. Шопена и А.Н. Скрябина в исполнении А.Ю. Николаевой.

23 сентября в заключительный, пятый день VI Фестиваля камерной музыки «В Доме А.Ф. Лосева», в день рождения Алексея Федоровича, заслуженная артистка России Ольга Рогинская (сопрано) и лауреат международных конкурсов Алексей Шевченко (фортепиано) исполнили сочинения Д. Верди и Ф. Листа.

3 октября в Библиотеке состоялся концерт скрипичной музыки, где прозвучали произведения Н. Паганини и В.А. Моцарта, Г. Венявского и С.С. Прокофьева в исполнении лауреата международных конкурсов Елены Корженевич (скрипка), дипломанта международных конкурсов Алёны Колесниковой (фортепиано) и лауреата международных конкурсов Ирины Цоповой (альт).

10 октября в репертуаре лауреата международных конкурсов Николая Кожина были сочинения Д. Скарлатти, И. Брамса, С.В. Рахманинова.

31 октября в стенах «Дома А.Ф. Лосева» в честь 300-летия М.В. Ломоносова государственный ансамбль солистов «Орфаион» под руководством Олега Худякова исполнил программу из нескольких музыкальных работ О.А. Козловского, Д.С. Бортнянского, А.Д. Жилина, Г.Н. Теплова, Ф.М. Дубянского, Рутовского, Куракиной и Дж. Сарти, под общим названием: «Гром Победы раздавайся». В концерте приняла участие заслуженная артистка России Ольга Иванникова (сопрано).

11 ноября в рамках вечера вокальной музыки прозвучали арии и романсы русских и зарубежных композиторов в исполнении лауреатов международных конкурсов Оксаны Корниевской (меццо-сопрано) и Елены Лавровой (фортепиано).

21 ноября в «Доме А.Ф. Лосева» прошел музыкально-поэтический вечер в двух отделениях. В первом отделении гости Библиотеки увидели спектакль-размышление по стихам Ольги Берггольц и Анны Ахматовой «От Сердца к Сердцу». Во втором — творческий вечер «Диалог с эпохой», посвященный стихам М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилёва, А.А. Ахматовой, И.А. Бродского, Л.Г. Губанова, Г.Ф. Шпаликова. Стихотворные произведения исполнили актеры: *Ольга Гордийчук*, *Елена Чижова* и *Александр Салыче*, а также *Анастасия Золотарёва* (Академия балета им. А. Вагановой).

28 ноября 200-летие со дня рождения Ф. Листа было отмечено выступлением лауреата международных конкурсов *А. Рудакова*.

5 декабря в Библиотеке состоялся организованный благотворительным фондом «Бельканто» Международный фестиваль «Дорога в Рождество», где выступили: заслуженный артист России *Александр Загоринский* (виолончель) и *Эйнар Стин-Ноклеберг* (фортепиано; Норвегия).

9 декабря на вечере вокальной музыки звучали арии и романсы русских и зарубежных композиторов в исполнении лауреатов международных конкурсов *Оксаны Корниевской* (меццо-сопрано) и *Елены Лавровой* (фортепиано).

16 декабря лауреаты международных конкурсов *Николай Егоров* (виолончель), *Виталий Шербаков* (фортепиано), *Никита Сухих* (скрипка) и *Дмитрий Плюснин* (альт) преподнесли гостям «Дома А.Ф. Лосева» произведения И.С. Баха, И. Брамса.

26 декабря в рамках мероприятия, озаглавленного «Пуччини — известный и неизвестный», выступили ведущий радиоканала «Культура», лауреат международного конкурса *Александр Водопьянов* (баритон), лауреат международного конкурса *Елена Царегородцева* (сопрано) и лауреат международных конкурсов *Алексей Герасимов* (фортепиано).

5 января в стенах Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» прошел III Международный Баховский фестиваль «От Рождества до Рождества». На фестивале выступили: *Марина Горзальчик*, (фортепиано; Израиль) и *Александра Грачева* (фортепиано).

9 января «Дом А.Ф. Лосева» открыл свои двери для II Международного фестиваля «Дорога в Рождество». Произведения Й. Гайдна, И.С. Баха, И. Брамса, Р. Штрауса и Карманова исполнили *Юлия Ивченко* (сопрано), *Александр Барклянский* (скрипка) и *Надежда Котнова* (фортепиано).

23 января в Библиотеке состоялся музыкально-литературный вечер, приуроченный к 215-летию со дня рождения Ф. Шуберта. Главным действующим лицом был пианист и композитор, доцент МГК им. П.И. Чайковского *Иван Соколов*.

30 января в рамках цикла концертов, посвященных 215-летию со дня рождения Ф. Шуберта, на вечере вокальной музыки в «Доме А.Ф. Лосева» выступили: лауреат международного конкурса, солистка Московского музыкального театра «На Басманной» *Елена Артамонова-Роля* (сопрано) и артист МГАФ, дипломант международного конкурса *Андрей Герасимов* (фортепиано).

6 февраля «Лундстрем-трио» представило публике сочинения Ф. Шуберта. Выступали: *Любовь Шарнина* (сопрано), *Мария Воскресенская* (скрипка), *Леонид Лундстрем* (фортепиано), *Александр Митинский* (альт), *Владимир Нор* (виолончель) и *Мирслав Максимюк* (контрабас).

13 февраля в рамках музыкального вечера под лаконичным названием «Фортепианный дуэт» произведения Ф. Шуберта и С.И. Танеева исполняли лауреаты международных конкурсов *Ольга Козлова* и *Николай Кожин*.

27 февраля лауреаты международных конкурсов *Александр Майборода* (скрипка) и *Дмитрий Майборода* (фортепиано) познакомили гостей «Дома А.Ф. Лосева» со своим видением сочинений И.С. Баха, Н. Паганини, Л. Бетховена, Э. Изаи.

6 марта репертуар *Олега Полянского*, лауреата международных конкурсов России и Германии, был украшен произведениями Л. Бетховена, Ф. Шуберта, И. Брамса и И.Ф. Стравинского.

16 марта главными героями вечера камерной музыки в Библиотеке стали лауреаты международных конкурсов *Юрий Ожегов* (альт) и *Константин Григорьев* (труба).

26 марта в рамках «Года Германии в России» в «Доме А.Ф. Лосева» прозвучало «Музыкальное приношение» И.С. Баха в исполнении ансамбля «Академия флейты» под руководством *Ильи Пирогова* (флейта).

2 апреля на XII международном фестивале камерной музыки «Весна в России» в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» выступили трио «ViPiaCe»: *Константин Деньков* (фортепьяно), *Герман Бешуля* (скрипка), *Николай Солонович* (виолончель) с сочинениями В.А. Моцарта, Л. Бетховена, И. Брамса.

27 апреля в «Доме А.Ф. Лосева» Духовные песнопения знаменного распева исполнил ансамбль древнерусского певческого искусства НИЦ церковной музыки протоиерея *Дмитрия Разумовского* (МГК им. П.И.Чайковского) в лице: *А. Елисеева*, *Н. Рынковой*, *И. Стариковой* и *Н. Можаровско*. Ведущей концерта была музыковед МГАФ *Татьяна Васильева*.

11 мая на II Фестивале «Музыкальное наследие Арбата», приуроченном к 200-летию со дня рождения А.И. Дюбюка, Московский музыкальный театр «Амадей» под руководством *Олега Митрофанова* порадовал гостей «Дома А.Ф. Лосева» театральной фантазией «Французский маркиз — великий русский романсеро».

18 мая продолжился II Фестиваль «Музыкальное наследие Арбата». В этот день, в ознаменование 140-летия со дня рождения Л.В. Собинова, заслуженный артист Республики Молдова, заслуженный деятель искусств, солист Государственного театра оперы и балета г. Анкара (Турция) *Стефан Курудимов* (тенор) исполнил арии из опер, романсы и народные песни.

21 мая в последний день II Фестиваля «Музыкальное наследие Арбата», посвященный 140-летию со дня рождения А.Н. Скрябина, состоялось выступление лауреата конкурса на стипендию им. А.Н. Скрябина *Ольги Воробьевой* (фортепиано).

4 июня в «Доме А.Ф. Лосева» ансамбль солистов народных инструментов «Русская рапсодия» представил на суд публики музыкально-литературную композицию по повести А.С. Пушкина «Метель». В творческом посвящении великому русскому

классику участвовали лауреаты международных конкурсов *Евгений Волчков* (домра), *Дарья Карплюк* (домра), *Павел Лукоянов* (гусли), *Анна Небученкова* (народный вокал). Повесть читала *Ольга Егорова*.

18 июня на вечере камерной музыки в «Музыкальной гостиной» Библиотеки лауреаты международных конкурсов *Наталья Жукова* (флейта) и *Валерия Есауленко* (фортепиано) исполнили произведения Д. Скарлатти, М. Мааре и И. Альбениса, З. Карг-Элерта и Э. Гранадос-и-Кампиньи, С.В. Рахманинова и С.С. Прокофьева.

25 июня программа выступления музыкального театра «Амадей», с романтическим заглавием «В городском саду», состояла преимущественно из русских романсов. В музыкальном вечере приняли участие: вокальный дуэт, в лице заслуженного артиста России *Сергея Степина* (тенор) и *Станислава Богатырева* (тенор), а также *Елена Матыцына* (фортепиано).

День рождения А.Ф. Лосева,
23 сентября 2011 г.
Слово памяти произносит профессор
университета Саппоро (Япония)
В.Н. Жданов.

Открытие в здании средней
общеобразовательной школы № 3
им. М.И. Платова г. Новочеркаска
мемориальной доски А.Ф. Лосеву,
14 декабря 2011 г.

А.Ф. Лосев в фотографиях
П.П. Кривцова, 23 сентября 1984 г.
На первом плане А.Ф. Лосев
и П.П. Кривцов

А.А. Тахо-Годи и П.П. Кривцов
после открытия выставки «Мысль
и мудрость и жизнь без конца...»,
24 мая 2012 г.

Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы»

Доклад Е. А. Тахо-Годи

Выступление
Г. Д. Беловой

Н. Ю. Стоюхина (Нижний
Новгород) рассказывает
о лосевских методах
религиозного воспитания

Председатель правления
Московско-Петербургского
философского клуба
А.В. Захаров дарит
Библиотеке книгу
«Философия имени»
(М., 1927) с лосевской
дарственной надписью
С.С. Глаголеву

Доклад
протоиерея
Дмитрия
Лескина
(Тольятти)

Выступает Ю. В. Линник
(Петрозаводск)

Участники семинара после доклада
Н.В. Бекетовой

Заседание Международной конференции
«Книгоиздательство «Путь» и русская философия
Серебряного века: поиски, открытия, уроки».
А. И. Резниченко, М. А. Колеров, В.П. Троицкий

Выставка, посвященная
100-летию деятельности
книгоиздательства «Путь»

XX Международные Рождественские
образовательные чтения. Конференция
«О чудесах истинных и ложных». Иеромонах
Макарий (Маркиш), П. В. Флоренский,
А. В. Московский

Празднование 70-летия
С. С. Хоружего

Л. И. Сараскина представляет книгу
«Ф.М. Достоевский»

Презентация книги П.А. Флоренского
«Столп и утверждение Истины». Игумен
Андроник (Трубачев), А.А. Аншукова

Семинар «Русская философия»

Доклад С. Х. Ляпина (Архангельск)

Выступает А. П. Соловьев (Уфа).

Совместное заседание семинара «Русская философия», семинара по истории математики и механики МГУ и редакции журнала «Вопросы истории естествознания и техники», посвященное выходу в свет книги Л. Грэхэма и Ж.-М. Кантора «Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве» (СПб., 2011).

Заседание, посвященное выходу в свет сочинений В.Н. Муравьева.
Выступает А.Г. Гачева

О В.Н. Муравьеве рассказывает
Г. П. Аксенов

Заседание к 100-летию выхода
в свет «Уединенного» В.В. Розанова.
Выступает А.Л. Налепин

Доклад А.М. Лидова.
Председательствующий — В.П. Визгин.

Заседание семинара к выходу в свет 4-го тома
собрания сочинений Вл.Соловьева. А.Козырев,
И.Борисова, К.Бурмистров

Вечер памяти Д.Ф. Егорова.
Выступает С.С. Демидов

Совместное заседание научно-исследовательского семинара по истории математики и механики МГУ и семинара «Доклассическая наука». Доклад Ю. Л. Менцина

Семинар «Доклассическая наука». Доклад Н. А. Померанцевой.

Встреча с М. С. Уваровым
(Санкт-Петербург)

В. К. Кантор представляет книгу «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России)».

Презентация книги И. А. Есаулова «Русская классика: новое понимание». Председательствующая — Е. Тахо-Годи. Выступает — В. Н. Захаров

Цикл лекций по богословию. Читает лекцию А. Сафьян

Московские философские библиотечные вечера. Доклад генерального директора ГПНТБ, д.т.н. Я. Л. Шрайберга

Лекторий «История мировой культуры». Лекция профессора В. И. Кузищина

Играет квартет имени
П.И. Чайковского

Музыкально-литературный вечер
в честь Ф. Шуберта. Ведущий —
доцент МГК им. П.И. Чайковского
И.Г. Соколов.

Е.А. Тахо-Годи представляет сборник
«Неподвижное солнце»

Выступает ансамбль Орфарион

Участники презентации журнала
«Тамыр»

Презентация книги А. В. Гутерца
«Николай Верещагин. На благо
Отечества».

Стенд Библиотеки на «Фестивале науки» в «Экспо-центре» на Красной Пресне.

Стенд Библиотеки на XII Московской международной ярмарке путешествий «Отдых из первых рук» — МИТФ-2012.

«Читающий Арбат». Встреча в павильоне Библиотеки с редакцией журнала «Сократ»

«Библионочь» в «Доме А.Ф. Лосева». Встреча с Д.В. Драгунским

«Ночь в музее» в «Доме А.Ф. Лосева»

В.В. Ильина у стенда «Дома А.Ф. Лосева» на выставке в честь А.И. Скрябина в Малом Манеже

Е.А. Тахо-Годи

На Дону начался «Год Лосева»

14 декабря 2011 г. в здании средней общеобразовательной школы № 3 им. М.И. Платова г. Новочеркаска (бывшей Платовской мужской классической гимназии) состоялось открытие посвященных А.Ф. Лосеву памятной доски и барельефа работы известного скульптора Вячеслава Клыкова. Это событие было приурочено к 100-летию со дня окончания Лосевым гимназии¹.

24 мая 2012 г. глава Донской митрополии, митрополит Ростовский и Ночеркасский Меркурий почтил память А.Ф.Лосева. Он посетил школу № 3 им. атамана М.И. Платова — бывшую гимназию, где учился Лосев. Осмотрев школьный музей, памятную доску в честь великого русского мыслителя работы Вячеслава Клыкова, митрополит высказал пожелание, что в ближайшее время будет восстановлен гимназический храм св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, в советские времена превращенный в спортзал. В тот же день митрополит Меркурий отслужил панихиду по Лосеву в Храме Архистратига Михаила, где будущий философ был крещен и где почти четверть века настоятелем служил его дед — протоиерей о. Алексей Поляков.

¹ Об открытии доски в Новочеркаске см.: В Новочеркаске открыты барельеф и памятная доска великому русскому философу и мыслителю монаху Андронику (Лосеву Алексею Федоровичу) — http://www.pravnovoch.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=288:2011-12-14-12-17-13&catid=1:2009-08-17-20-40-35 (сайт Новочеркасского благочиния); Виноградова В. Алексей Лосев: «Самое ценное для меня — живой ум, живая мысль...»: В минувшую среду в средней общеобразовательной школе № 3 им. М.И. Платова состоялось знаменательное событие — открытие барельефа Алексея Федоровича Лосева // Новочеркасские ведомости. 2011, 20 декабря. № 51 — <http://novocherkassk-gorod.ru/cgi-bin/Newsap/np1.cgi?y=2011&i=1&n=51&k=11>

25 мая глава Донской митрополии принял участие в открытии Первого съезда православных библиотекарей Дона «Библиотечное дело в возрождении православной духовности» и призвал православных библиотекарей к плодотворному сотрудничеству в деле возвращения исторической памяти о мыслителе, объявив 2012 год в Донской митрополии годом великого русского философа А.Ф. Лосева.

27 мая в Архистратига Михаила вновь поминали знаменитого земляка: и панихидой, которую служил настоятель храма протоиерей Олег Добринский, и открытием посвященной Лосеву выставки. На выставке были представлены фотографии А.Ф.Лосева, переданные профессором А.А. Тахо-Годи в дар храму лосевские книги, памятная доска в честь мыслителя.

А в школе № 3 им. атамана М.И. Платова открылась научно-практическая конференция «А.Ф.Лосев (монах Андроник): жизнь и творчество». В работе конференции принял участие старший научный сотрудник «Дома А.Ф.Лосева» В.П.Троицкий, рассказавший гостям конференции — студентам философского факультета Ростовского университета и Ростовской духовной семинарии — о деятельности Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева» и об изучении творческого наследия мыслителя. Выступили также профессор Ростовского государственного университета А.Н. Ерыгин и профессор Ростовской государственной консерватории (академии) им. С. Рахманинова, руководитель Творческого центра «Рахманинов — Лосев» Н.В. Бекетова².

Годовщину смерти А.Ф. Лосева 24 мая 2012 г. в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» отмечали, как обычно, панихидой на моги-

² См. об этом интернет-ресурсы: Митрополит Меркурий почтил память великого русского философа А.Ф. Лосева (монаха Андроника). 24. 05. 2012. сайт «Дон Православный» — <http://rostoveparhia.ru/arhipastyr/novosti-sobytiya/mitropolit-merkurii-sovershil-arhipastyrskii-vizit-v-g-novocherkassk>; Митрополит Меркурий почтил память великого русского философа А.Ф. Лосева (монаха Андроника). 25. 05. 2012. Сайт «Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви» — http://www.otdelro.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2684:2012-05-24-20-52-35&catid=18:news&Itemid=2%20

ле мыслителя на Ваганьковском кладбище³, развертыванием экспозиции «Труды и дни “Дома А.Ф. Лосева”», обновлением в мемориальной части Библиотеки, открытием фотовыставки известного фотографа П.П. Кривцова «“Мысль и мудрость и жизнь без конца...” День рождения Алексея Федоровича Лосева 23 сентября 1984 года в фотографиях Павла Кривцова»⁴.

Павел Павлович Кривцов — один их лучших фотографов России, с 1991 г. по сегодняшний день — фотохудожник журнала «Слово». Участник многих всесоюзных и международных выставок и конкурсов. Награжден золотыми медалями «Интерпресс-фото», обладатель престижных международных фотографических призов — «Золотой глаз», «World Press Foto». Лауреат премии Союза журналистов СССР. Ему присуждено звание «Мастер международной фотографии». В 1984 г. Кривцов попал в гости на день рождения Лосева благодаря любимой лосевской аспирантки — Нине Павловой. Так ему удалось наблюдать за Лосевым сквозь фотообъектив в течение часа. Эпиграфом к выставке стали слова А.А. Тахо-Годи из книги «Лосев»: «Сидит Алексей Федорович в клетчатом пледе, опустив голову, и видно, как тяжело ему это придуманное добрыми людьми веселье... Лучше всего передал нарастающее одиночество Лосева среди торжественного празднества фотохудожник Павел Кривцов. Алексей Федорович на открытой террасе в старой качалке, покрытый стареньким одеялом, один на фоне мощных сосен, сосредоточен, углублен, думает...».

Гостям в этот день раздавали буклеты фотовыставки, выпуски «Бюллетеня “Дома А.Ф. Лосева”» и выполненные в гипсе авторские копии стоящего в холе Библиотеки бюста А.Ф. Лосева, работы скульптора Артема Власова.

³ См. об этом мое интервью в «Российской газете», интернет доступ: <http://www.rg.ru/2012/05/28/dvizhenie.html>

⁴ См. об этом также: Шеваров Д. Час Лосева: 22 мгновения из 95-летней жизни великого фи-лософа можно увидеть на выставке в Москве // Первое сентября. 2012, 26 мая. №10 (суббота), Четвертая тетрадь. Идеи. Судьбы. Времена – http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201201024

**О доске в память А.Ф. Лосева
работы В.М. Клыкова**

Доска в память А.Ф. Лосева, окончившего в 1911 г. классическую гимназию в Новочеркасске, имеет свою историю и, надо сказать, драматическую. Всё начиналось совсем не с доски, хотя идея установить доску на дом, где жил А.Ф. Лосев на Арбате, тоже существовала, но именно доска на Арбате, а не в Новочеркасске, на стене гимназии. Ю.А. Ростовцев, наш давний друг, также был давно в дружеских отношениях с Вячеславом Михайловичем Клыковым, известным скульптором. Помню, как мы с Юрием Алексеевичем пришли в гости к скульптору, в старый дом в Замоскворечье (тут еще существовали даже собственные дома), на улицу Ордынку 33, что напротив тогда еще запущенной Марфо-Мариинской обители, основанной великой княгиней Елизаветой Федоровной, погибшей в 1918 г. вместе с членами царской семьи в Алапаевске, почти одновременно с трагедией в екатеринбургском доме Ипатьева, в жарком июле месяце. Я хорошо запомнила номер дома Вячеслава Михайловича, он совпадал с нашим арбатским номером — тоже тридцать третьим.

Как я впервые познакомилась с В.М. Клыковым, не помню — конечно, не без Ю.А. Ростовцева. Но зато хорошо вижу, как Вячеслав Михайлович и я стоим на противоположной стороне Арбата (1989 год) и высматриваем, как же будет выглядеть на доме памятная доска, где именно ее надо укрепить. А доска эта, как всем известно, никогда на доме и не была укреплена. Висящая ныне охранная доска — совсем другая.

Но Юрий Алексеевич, когда дело касается Лосева, совершенно неутомим, и 14 февраля 1990 г. вместе с Гришей Калюжным (как же без нашего друга) мы в гостях у Вячеслава Михайловича на Ордынке 33, что и отмечено в моих записях. Благодушно сидим, пьем чай с прекрасным смородиновым вареньем. Угощает нас супруга Вячеслава Михайловича по имени Елена. Замечу, что варенье из черной смородины всегда считалось любимым

в царской семье, а Вячеслав Михайлович известен своими монархическими симпатиями и не отступает от традиции. Дом, где мы находились, объединял и жилые комнаты и мастерскую, зрелище, надо сказать, потрясающее, нечто фантастическое — необычность изваянных фигур, разнообразие лиц, характерные их особенности, повороты туловища, напоминающие пластику, детально описанную у Гомера, вводят вас в совсем нездешний мир. А речь у нас идет о вечном упокоении А.Ф. Лосева, о кладбище Ваганьковском, о памятнике философу. Вот почему 5 апреля Юрий и Клыков уже у могилы Лосева. Но скульптору требуются фотографии Алексея Федоровича, и самые различные. Мы отобрали их семь: А.Ф. вместе с В.В. Бычковым, две — фотохудожника Рудченко (от Быčkova), Лосев — анфас, фото Лиды Постоваловой на даче, А.Ф. в качалке на террасе (фото Павла Кривцова), А.Ф. с книгой — тоже в качалке и, наконец, фото работы Наппельбаума. Все это Юрий отвозит 8 апреля на Ордынку. И мы уже обдумываем надпись на памятнике. Может быть из псалма 29-ого Давида «Мы же именем Господа нашего победим».

Клыков так воодушевлен, что готов вступить в общество «Лосевские беседы» (28 июля 1990 г.) и уже к сентябрю сделал модель будущего памятника (7 сентября), который, по идее автора, должен быть открыт к дню рождения А.Ф., т.е. 23 сентября 1991 г. У меня сохранился рисунок этого примечательного монумента. Перед нами на постаменте стоит церковный купол с крестом и барельефом лосевского лика в овале срединной части купола. Рисунок приблизительно такой:

У мастера идет работа, я через Юрия Алексеевича передала его помощникам деньги. Идет февраль 1991 г. Вячеслав Михайлович и Юрий Алексеевич у меня в гостях. Дарю Вячеславу Михайловичу только что вышедшую книгу А.Ф. Лосева «Владимир Соловьев и его время» (16 февраля 1991). Но что-то уже не ладится, т.к. одновременно возникает идея доски для гимназии в Новочеркасске. Начинается работа с доской — идет параллельно с памятником. Вячеслав Михайлович делает небольшую модель. Она стоит в кабинете Лосева на шкафчике с мраморными Дедалом и Икаром. Предо мной замечательный даже не барельеф, а настоящий горельеф с выразительным профилем философа и надписью: «Здесь в бывшей Платовской гимназии с 1903 по 1911 год учился великий русский мыслитель Алексей Федорович Лосев». Работа велась тщательная, особенно обсуждался шрифт. Я должна была смотреть разные типы шрифтов во второй половине февраля 1993 г. Судите сами, сколько утекло времени. У Вячеслава Михайловича был особый специалист по шрифтам, и все с ним согласовывалось. Доска для гимназии шла успешно. А вот памятник исчезал в тумане. И виноват не был скульптор. Его делами занимался некий управляющий (по нынешнему — менеджер), который ставил условия и суммы, самому Клыкову часто даже неизвестные. Так получилось и здесь. Ю.А. Ростовцев крайне смущен такими запросами и даже взял у меня официальную бумагу, подтверждающую его полномочия (17 августа 1993). По-нимая, что с замечательным памятником все рушится, он решительно пресек переговоры о безумных суммах, о которых и Клыков не подозревал. Буквально на следующий вечер, уже ближе к ночи, через высокий забор на даче Спиркина в «Отдыхе», где я продолжала проводить лето, перелез Гриша Калюжный. Кстати скажу, что многие умудрились перелезть через сей забор, снабженный еще и колючей проволокой — и Арсений Гулыга, и Олег Широков, и Нина Павлова в белом костюме, и другие достойные наши друзья, так что я ничуть не удивилась ночному гостю. От имени Юрия Алексеевича Ростовцева, его верный друг Григорий Калюжный, просил у меня письменное согласие на установку черного гранитного креста. Я дала не только согласие, но и про-

сила сделать надпись, особенно важную для личности Лосева: «Во имя Твое спаси мя» (псалом 53). Ю.А. Ростовцев водрузил этот крест 2 сентября 1993 г. Такой акт вовсе не означал разрыв личных отношений с Вячеславом Михайловичем. Как говорит Юрий Алексеевич, «тогда были еще другие люди, не нынешние. Понимали друг друга, не обижаясь попусту, сохраняли уважение и старую приязнь, не смешивая ее с течением дел, часто от них не зависящих».

А доску для гимназии наш друг Михаил Гамаюнов, пианист и поэт в душе, увез в Ростов-на-Дону. Прошло несколько лет и 1 июля 1999 г. Миша сообщил по телефону, что доску отлили в бронзе, а осенью ее освятят. Осень, 18 октября день Ангела А.Ф. Лосева.

Однако шли годы, а о доске ни слуху, ни духу. Бедный Миша Гамаюнов скончался 25 декабря 2001 г., а 16 июля 2002 г. я получила письмо, вполне официальное, от и.о. министра культуры Ростовской области. Фамилия этого и.о. Гелас В.М. В письме сообщалось, что в связи с 250-летием атамана М.И. Платова собираются реставрировать фасад бывшей классической гимназии, и тогда будут открыты памятные доски. Убого и смешно, а вообще-то грустно.

А река времен продолжала свое течение вплоть до 2007 года. К 40-летию Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова (он кратко был в Ростове, уходя к югу от большевиков) мощные силы — Всевеликое войско Донское, «Дом А.Ф.Лосева» в Москве, творческий центр при РГК «Рахманинов — Лосев» (рук. Н.В. Бекетова), Институт повышения квалификации при Южном федеральном университете (г. Ростов), Славянский центр культуры, — подготовили международную научно-практическую Конференцию «Русский логос» (16–18 ноября 2007 г.), когда должно было произойти открытие мемориальной доски в память А.Ф. Лосева, работы В.М. Клыкова, на здании бывшей Платовской гимназии.

Программу издали с подробным расписанием заседаний и участников, среди которых и П.В. Флоренский, В.П. Троицкий, Г.П. Калюжный, Д.Ю. Васильев, Н.В. Бекетова, и докладчики

из Киева, Харькова, Ростова, Уфы, и торжественный митинг, и Крестный ход, и молебен в Войсковом соборе, и концерт казачьего фольклорного ансамбля, и показ фильма В.Ю. Царева «А.Ф. Лосев», и экскурсия по Новочеркасску и т.д. и т.п.

Но, увы, подготовленная конференция превратилась в миф — а как же иначе, если это Лосев с его диалектикой мифа. За несколько дней до начала конференции казачьи власти дали, по словам В.П. Троицкого, отбой. У них оказались дела поважнее науки — какие-то выборы, а значит, и проблемы карьерные. Ученые докладчики, предупрежденные Н.В. Бекетовой, сдали свои билеты. Поездка не состоялась. Где уж тут вспоминать о доске для гимназии. А может быть, ее вовсе и не было? Может быть, и доска тоже миф?

И вдруг неожиданность. Декабря 8-го (год 2011) звонок из Новочеркасска. Говорит неизвестная женщина, некая Бунина Нелли Ивановна из Новочеркасской городской библиотеки им. Пушкина. Через несколько дней, 14 декабря будут устанавливать доску работы Клыкова на здании бывшей гимназии. Срочно стали собираться Виктор Троицкий и Гриша Калюжный. Ростовцев отказался, ему трудно. Назначено на 11 утра. Виктор просил, чтобы я написала приветствие, что я срочно и сделала.

Оказалось, начало этому положил о. Алексей Бабурин. Он за два года до того приезжал в Новочеркасск на совещание священнослужителей и попытался пройти в гимназию, чтобы выяснить, что делается с доской. Но представьте себе такую дикость — священника в облачении с крестом какой-то жалкий охранник не впускает в здание школы! Что делать? О. Алексей объявил всем присутствующим на совещании, что такая замечательная доска, творение выдающегося художника пропала и обязательно должна быть найдена.

На зов о. Алексея и откликнулась Нелли Ивановна Бунина, обнаружившая доску в 2011 г. Но как? Кто-то сообщил, что видел эту злосчастную доску в т.н. казачьем доме (якобы их штаб) на окне. Дом этот, вот парадокс, стоит напротив бывшей гимназии. Нелли Ивановна тотчас же туда отправилась. А там вся казачья амуниция, все эти знамена, какая-то сбруя для лошадей,

вся театральщина, как и сами так называемые донские казаки, якобы гордящиеся Лосевым, тоже их соотечественником. Доски нигде нет, все обыскано. Осталась одна кладовка, но дверь в нее не открывается, что-то основательно мешает. Наконец, с помощью уборщицы, дверь с трудом открыли. А на полу клыковская доска — она-то сдерживала дверь. Ну и позор! Знал бы бедный Клыков, знал бы Ростовцев, о себе я и не говорю... Все старания пошли прахом. Доска погнута — еще бы, сколько лет прошло и что с ней делали, — Бог весть. Потребовалась реставрация.

А кто же, между прочим, отливал ее в бронзе? На всякий случай звоню к Маргарите Тихоновне Гамаюновой, матери несчастного покойного Миши. Она обычно отвечала, что понятия не имеет о судьбе доски, а уж о том, кто отливал в бронзе, и не говорите — ничего якобы не помнит. Теперь, неожиданность: она, полуслепая, вдруг, слышу, обращается к своему ученику Феденьке (дает ему уроки музыки и пения), чтобы он нашел в ее записной книжке фамилию скульптора Олешня. Удивительно, что через много лет всё таинственное раскрывается. Навожу справку и выясняю, что Сергей Николаевич Олешня — известный ростовский скульптор, да еще и член-корреспондент Академии художеств в Москве. Как потом узнаем, он за минувшие годы уже дважды чистил свою мастерскую и ликвидировал ненужные вещи, но гипсовый оригинал клыковской доски каждый раз оставлял у себя — уж очень хороша. Вот так постепенно стали проясняться пути и перепутья многострадальной клыковской работы. Только жаль, что М.Т. Гамаюнова столько лет не понято почему не сообщала, где находится оригинал памятной доски...

Итак, наши посланцы, В.П. Троицкий («Дом А.Ф. Лосева») и Г.П. Калюжный (член Союза писателей России) прибыли 13 декабря 2011 г. в Новочеркасск¹. Гостиницу Виктор Петрович заказал из Москвы, на сутки, она была пустая, но цену за номер,

¹ Приношу глубокую благодарность В.П. Троицкому за сведения о событиях в Новочеркасске, во время его приездов в декабре 2011 г. и мае 2012 г.

конечно, никто сбавлять не стал, а друзья наши отправились в поездку на свои средства, так что финансовая сторона дела их затрагивала напрямую. Открытие доски внутри бывшей гимназии (снаружи никак нельзя, украдут бронзу — о времена, о нравы!), где уже настоятель храма Михаила Архангела, о. Олег Добринский, энергичный, смелый человек, установил и свою белого мрамора доску с надписью «Монаху Андронику (Лосеву Алексею Федоровичу) 1893–1988. Русскому православному философу и мыслителю». Так обе доски и красуются — выше бронзовая, под ней мраморная. На торжестве присутствовали Глава городской думы Новочеркасска В. Н. Лучкин, начальник Управления образования Н. К. Беликова, начальник Управления культуры и искусства Е. В. Архипова, но, что характерно, отсутствовала директор школы № 3, бывшей гимназии, и — ни одного ученика (хотя были — приглашенные студенты Новочеркасских вузов). Видимо, думают еще по-советски: Лосев — философ, да еще и монах, мало ли что — соблазн для юного поколения. И Грише не дали слова. Все строго запланировано, так что выступили Глава гордумы В.Н. Лучкин, В.П. Троицкий и сам по себе, и от моего имени, затем доцент кафедры философии ЮРГТУ В.О. Голубинцев. Выступил с яркой речью о. Олег. После краткой церемонии открытия доски и посещения храма Михаила Архангела, где когда-то крестили Алешу Лосева, отправились в Центральную городскую библиотеку им. Пушкина (там всех ожидали Н.И. Бунина и заместитель директора библиотеки О.М. Миньдюкова), где и состоялась небольшая конференция студенческой молодежи из Новочеркасской государственной мелиоративной академии. Организовала ее Людмила Сергеевна Николаева, вдова Андрея Андреевича Данцева, главного пропагандиста и защитника Лосева в Новочеркасске. Молодежь выступала с рефератами на лосевские темы, а взрослые, в том числе Г.П. Калюжный и Н.В. Бекетова — со своими похвальными словами.

Однако продолжение следовало уже в 2012 году, после 24 мая, дня памяти свв. Кирилла и Мефодия, просветителей славян, и дня кончины А.Ф. Лосева. Теперь уехал В.П. Троицкий совсем один, но с важной целью — привезти в «Дом А.Ф. Лосева»

оригинал клыковской доски, который к приезду московского гостя должны были переправить из Ростова в Новочеркасск. Виктор Петрович прибыл в город 26 мая, а 27-го в храме Михаила Архангела о. Олег открыл мемориальную экспозицию в крипте храма, где находится черная мраморная доска в память Алексея Федоровича. В оформлении мемориальной экспозиции своими материалами существенную помощь оказала, конечно, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева». В храме отслужили литию, затем Виктор Петрович вручил о. Олегу привезенные в подарок храму книги А.Ф. Лосева — 15 внушительных томов и отдельно от меня о. Олегу мои «Воспоминания». Среди прихожан храма были приехавшие студенты Ростовского университета и Ростовской семинарии. Далее все отправились в школу № 3, бывшую Платовскую гимназию, где уже присутствовала директор школы и множество народа. Выступил В.П. Троицкий. Его долго не отпускали, слушатели бесконечно задавали вопросы, интересовались. И Виктор Петрович, как всегда, провел замечательную просветительскую работу. Далее выступила Н.В. Бекетова о деятельности центра «Рахманинов — Лосев» при Ростовской государственной консерватории, и профессор А.Н. Ерыгин из Ростовского государственного университета, говоривший о взглядах А.Ф. Лосева на античную культуру. После трудов праведных о. Олег устроил совместную трапезу в одном из городских кафе. А потом — срочно на вокзал. Поезд стоит две минуты, помощники о. Олега не подкачали, посадили в вагон Виктора Петровича и клыковскую доску-оригинал. Все успели и распрощались. В Москве сотрудник «Дома А.Ф. Лосева» В.С. Рожнов встретил с машиной Виктора Петровича, и доску доставили в музейную экспозицию «Дома А.Ф. Лосева». Конечно, клыковский оригинал предстоит еще красиво оформить — вставить в деревянную раму, наподобие картины, и достойно разместить в мемориальной экспозиции.

События же на Дону развивались своим чередом, ибо свою епархию в Новочеркасске 24-го мая посетил председатель Отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви митрополит Ростовский и Новочеркасский

Меркурий. Он отслужил литургию в Вознесенском войсковом храме (купола теперь позолотили), затем посетил храм Михаила Архангела, настоятелем которого является о. Олег Добринский, а 25-го мая (в Ростове) принял участие в открытии I съезда православных библиотекарей Дона «Библиотечное дело в возрождении православной духовности», где во всеуслышание провозгласил на Дону год Лосева. Митрополит выразил также надежду, что в здании гимназии, где когда-то учился А.Ф. Лосев, вместо спортзала восстановят храм в память свв. Кирилла и Мефодия, просветителей славян.

Все эти удивительные события совпали (не чудеса ли!) со столетием окончания Алексеем Федоровичем Лосевым его столь любимой, родной гимназии и кануном его 120-летия.

А.Л. Доброхотов

Размышление о бюсте А.Ф. Лосева

Бюст А.Ф. Лосева работы скульптора Власова — яркое и запоминающееся произведение. Решение — довольно неожиданное, но насыщенное смыслом. Из массивной хаотической глыбы вырастает бюст мыслителя. Проработанность материала достигает максимума в изображении лица философа — предельно сосредоточенного и одухотворенного, созданного с большой портретной точностью. Голова и руки несколько отчужденны от центрального объема — что это? Символ преодоленной судьбы? Победенного хаоса? («... Свет из тьмы, из темной глыбы...», Вл. Соловьев) Исполненного силой воли и интеллекта предназначение? Руки, выходящие на передний план, сцеплены в замок — труд, страдание, воля... Над всем этим строгое лицо созерцателя эйдосов, энтелехия трагической и счастливой жизни.

Достойная, умная и смелая работа.

Благодарен автору!

Час Лосева

Короткая встреча, мимолетная съемка — всего один час. Но этот час стал важным событием в моей жизни. Я тогда, кажется, не представлял даже, как выглядит Алексей Федорович, но еще по пути к даче, где он жил, я чувствовал, что иду на встречу с явлением космического масштаба. И это ощущение очень помогло мне в работе, ведь без понимания масштаба личности нельзя поэтически осмыслить ее.

В моей работе важно поставить себе внутреннюю задачу. Когда такая задача есть, ты настроен на чуткость и фактор времени уже не так важен. Ты работаешь, внутренне откликаясь на все, что происходит вокруг.

Конечно, если бы мне дано было провести у Алексея Федоровича больше времени, съемка была бы несколько другой. Можно было бы, к примеру, сделать целую серию «Руки Лосева». Или «Книги Лосева». Но все произошло по Божьему благословению и у меня в душе только благодарность за этот день и этот час.

Съемка шла легко, она будто вела меня. Мне не надо было никого просить о чем-то. Я будто скользил по краешку этого события — дня рождения Лосева. Приходили люди, и я делал общую фотографию, потом все вдруг рассыпалось по дому, и в какой-то момент мы остались одни на веранде. Алексей Федорович и внешне был совершенно уникален! Он сидел в своем кресле-качалке, и меня охватило ощущение удивительной мощи этого человека. Это было мгновенное как молния узнавание.

Мы часто судим о людях и их отношении к нам по внешним проявлениям — вот как встретил, как руку подал, что сказал. При этом мы не замечаем глубинной сути при общении с людьми.

Алексей Федорович молчал, он был погружен в себя, и это тоже мне очень помогало, ведь если бы со мной заговорили, я бы стал мучиться. Мне бы пришлось переключиться с внутренней задачи на слова, я стал бы их подбирать, чтобы хоть как-то со-

ответствовать собеседнику. Но к счастью никто не обращал на меня внимания, я был в стороне и в то же время в гуще события, и это давало свободу в восприятии.

Я был тогда у Алексея Федоровича на дне рождения вместе с женой Галей, и она вспоминает очень важную вещь: от Лосева исходила благодать. Мы тогда не знали, что он монах, но это как-то ясно чувствовалось в самом пространстве вокруг этого человека. Благодать ведь нельзя увидеть, ее можно только ощутить сердцем. Можно ли передать ее средствами фотографии? Не знаю, но тут многое зависит от восприятия того, кто смотрит на фотографию, от его сердца.

Кстати, в «Добролюбии» есть ссылка на беседы старца Фелофея Синайского, который говорил ученикам: «Будем всяким хранением блюсти сердце свое от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу». Причем переводчик этого текста святитель Феофан Затворник обратил внимание, что в греческом подлиннике стоит именно слово «фотографироваться». И когда это было сказано Фелофеем Синайским — в начале IX века!

Жизнь как встреча

В старых русских усадьбах была дальняя зала или комната, называвшаяся *портретной*. Там по стенам висели портреты предков и благодетелей. Это была не парадная галерея, куда приводят гостей, а место уединения. Место наибольшей сосредоточенности на мыслях о роде, о родовом предназначении. Сюда приходили с детьми и внуками, чтобы полупшепотом, будто по секрету, поведать им об истории семьи, о деяниях предков. В пыльных сумерках *портретной* хорошо мечталось, думалось и многое прояснялось.

Что-то вроде *портретной*, пусть и временной, открывается сегодня в Доме Лосева. И сразу мечтается о том, чтобы в Лосевскую *портретную* приходили студенты и школьники. Не толпой, а, может быть, по двое-трое. Или чтобы сама эта выставка побывала в школах. Тот, кто побродит в тишине перед молчаливым рядом этих фотографий, тот, мне кажется, уже не будет кричать «Россия, вперед!», сжимая в руках банку с пивом. Фотопортреты Лосева станут для кого-то из мальчиков и девочек *пред-встречей* с миром русской мысли. И, быть может, кто-то из них подхватит нить лосевской мысли.

Помню, как в отрочестве тепловозные гудки звали меня на вокзал, я толкался у касс, бродил по перрону или протискивался между чемоданов, котомок и рюкзаков в зале ожидания. Люди спали, дремали или сидели в той смиренной задумчивости, какую я больше нигде не встречал. А иногда я шел на пристань, садился на катер и плыл на тот берег. Кого я искал — не знаю. Мне просто нравилось чувствовать себя в дороге, среди незнакомых людей. Было ощущение *пред-встречи* — томительное и очаровательно печальное.

Я возвращался домой счастливый и грустный, растерянный от возвращения к самому себе. После сутолоки вокзала или пристани уединение было особенно сладким. И книжка на столе, и

стукоток бабушкиной швейной машинки в соседней комнате, и шуршание дедушкиной газеты, и тихое бормотанье радио...

Ни с кем я тогда ни на вокзале, ни на пристани не знакомился, и даже не заговаривал. Ну, быть может, краешком глаза любовался на какую-нибудь девочку-ровесницу, которая плыла на катере или на мгновение появлялась в окне поезда. Взгляды для меня значили больше чем слова, а сердце было так затаенно счастливо, как будто я с кем-то очень близким и любимым проговорил до утра.

Когда я стал постарше, и пришло время студенчества, потом армии, и было много разговоров захлеб, до утра, — такого ощущения тайны уже не было. Очевидно, в пору становления души молчаливое бродяжничество важнее бурного общения. Чтобы состоялась встреча, душа должна жить ожиданием встречи. Должна быть счастливая *пред-встреча*.

Простите мне это невольное отступление от темы, но я пишу обо всем этом с неотрывной мыслью об Алексее Федоровиче Лосеве. Да, я не успел с ним встретиться, но с тех самых пор, когда лет в семнадцать я узнал о нем, во мне жило ощущение *пред-встречи* с ним.

Помню, когда впервые увидел Алексея Федоровича на фотографии (кажется, это был журнал «Студенческий меридиан»), то вырезал этот снимок и положил в дневник. Очевидно, в Лосеве русская мысль так сосредоточилась, что сам его облик стал образом отечественной думы, располагал к рефлексии, он звал туда, в сокровенную тетрадку.

И еще думалось: если этот старец — наш современник, то, значит, есть и в нашем времени какое-то тайное величие, есть то истинное, что связывает нас с глубиной античности и с небом Евангелия.

Поступив в университет, я на соседнем философском факультете обнаружил шкаф с дореволюционными изданиями и малотиражными философскими сборниками разных лет. Выносить их было нельзя, вот я сидел и читал: Фихте, Шопенгауэр, Фейербах... Конечно, я был сильно разочарован этими мудрецами.

Они были какие-то *чужие*. А я искал *родную* истину, о существовании которой догадывался белыми июньскими ночами, и на меньшее, чем истина, не был согласен.

Это была, может, и не трагедия, но драма — чувствовать, что самое главное где-то рядом, а хватать пустой воздух. Ах, если бы мне тогда попалась хоть одна книжка Павла Флоренского, Евгения Трубецкого или Семена Франка... Но они не попадались, были истреблены или хорошо упрятаны. Но спасибо тому заветному шкафу — однажды я там наткнулся на Лосева. Может, и к лучшему, что это была не «Диалектика мифа» (чтобы я в ней понял?), а более доступная слабому уму «Эстетика Возрождения».

Книжку же Алексея Федоровича о Владимире Соловьеве я купил летом в Кадникове, это близ Вологды. Там близ автостанции был чудесный книжный магазин. Он располагался в сильно ушедшем в землю купеческом доме, и поэтому в магазине даже в жару было зябко. О Соловьеве я знал еще со школы, на каникулах я ходил в читальный зал библиотеки и с восторгом читал его письма Кате Романовой в последнем томе ветхого дореволюционного собрания.

А тот снимок, что в молодости стал моей пред-встречей с Лосевым, был сделан фотохудожником Павлом Павловичем Кривцовым. Много лет спустя мы познакомились. Вокруг уже бушевало море цветного глянца, все переходило на «цифру», а Кривцов по-прежнему возился с черно-белой пленкой. Кому-то это казалось чудачеством и ретроградством, упрямством, идущим от крестьянских корней. Только когда вышел альбом Павла Кривцова «Русский человек. Век XX» стало понятно, что верность мастера черно-белой фотографии — это не инерция, а стояние в правде.

Приверженность Кривцова черно-белой фотографии сродни приверженности иконописцев канону. Это сознательное самоограничение в средствах, намеренное стеснение своего «я». Стилетика и темы работ Кривцова прямо отсылают нас к аскетике русской религиозной мысли, к узкому пути углубленного созерцания.

Сегодня черно-белая фотография так редко предстает перед нами, что она стала чем-то вроде монастыря для наших глаз. Она уводит наш рассеянный и возбужденный взгляд от агрессивной цветовой среды в трезвенное уединение еще неразделенной спектрально первозданной светописы.

В молодых стихах Алексея Федоровича есть такие строки:

*Очей ребячливая радость
В тебе не меркнет никогда.*

Так хочется, чтобы и мы, глядя в глаза друг другу, непременно встречали эту любовь, эту *очей ребячливую радость*.

А.Ф. Лосев

**«Логика чистого познания» Г. Когена
и неоплатонизм
(продолжение)**

**7. «Суждение тождества» и «суждение противоречия».
Коген, Плотин, Гегель**

Возвращаясь к Логике Когена, необходимо напомнить, что «суждение происхождения» разрабатывается в ее отделе «Суждение законов мысли», составляя первую часть этого отдела, где второй является «суждение тождества», а третьей — «суждение противоречия». Для понимания всей Логики Когена, равно как и его философско-математического учения, эти главы имеют большое значение, так как все вышеупомянутые особенности Логики Когена выступают здесь с не меньшей выпуклостью. Излагать <содержание> этих отделов подробно я не буду, хотя и укажу на некоторые более любопытные стороны.

В рассуждениях о «тождестве» стоит отметить, прежде всего, и здесь сознательную опору на Платона: он отождествляет «идею» с «тождеством»; «А есть А» есть символ не только определенности, но и — определенности, т.е. того, без чего идея не существует³⁸. Тождество есть, далее, то, что нельзя смешивать ни с предложением, ни с соединением (напр<имер>, подлежащего со сказуемым), ни с представлением (ведущим к понятию «ассоциации»), хотя все эти моменты, несомненно, латентно содержатся в «тождестве». Тождество есть нечто гораздо более первоначальное и основное, чем все эти производные моменты³⁹. «Тождество»

³⁸ <Cohen H. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. — Berlin. 1902> [Нумерация сносок дана по рукописи. — В.Т.]

³⁹ <...>

не есть также и «подобие»⁴⁰. Наконец, весьма важно иметь отчетливое представление об отношении «тождества» к «непрерывности». «Непрерывность является порукой для связи элемента с его происхождением. Напротив того, тождество обеспечивает связь элемента в самом себе, — несмотря на различие, несмотря на множественность его явлений в представлениях сознания». «Соответственно с этим, если бы элемент не был порождает из своего происхождения, не был бы обоснован в непрерывности, тогда, во всяком случае, не было бы никакой разницы между тождеством и подобием. Тогда утверждение, во всяком случае, не могло бы иметь более глубокого и более самобытного значения, чем [простое] соединение. Тогда в математическом естествознании шла бы речь исключительно и окончательно именно только о вещах ощущения, не о предметах, которые были бы порождены в единстве познания. Так познаём мы в значении утверждения как тождества всю внутреннюю связь проблемы чистого познания. Содержание суждения, которое порождается благодаря непрерывности в суждении происхождения, можно удостоверить при помощи аффирмации. Такое удостоверение доставляется тождеством, так как его не может дать никакое сравнение, [если оно — только сравнение]. И для соединения именно это удостоверение есть искомая отдушина. Утверждение так же мало может быть соединением, как подобие — тождеством»⁴¹.

В главе о «суждении противоречия» важно для нас отметить, прежде всего, с новой энергией проводимое различие «ничто» (Nicht) и «не-нечто» (Nichts). Подчеркивается, что это не есть утверждение некоего не-бытия, некоего мнимого существования, но что это имеет единственный смысл быть происхождением для нечего (Ursprungs-Etwas), быть оформлением все того же «нечто» (а не какого-то «ничто»)⁴². Отсюда и «суждение противоречия». Как закон тождества не есть *соединение* каких-то двух моментов, но нечто самобытное и самостоятельное, так

⁴⁰ <...>

⁴¹ <S. 86, 86–87>

⁴² <S. 87>

и в «суждении противоречия» не имеется в виду каких-то двух, которые бы тут разъединялись. *Тут все время идет речь только о том же самом А*⁴³. «Удостоверение тождества против опасности не-А, — таков смысл отрицания»⁴⁴. «Обычно мыслят противоречие так, как будто бы оно присоединялось к содержанию суждения... Противоречие, однако, ни в коем случае не есть такой момент в *содержании* мысли. Скорее его нужно понимать как *деятельность* суждения»⁴⁵. Отрицание, далее, не есть и просто исключение, отбрасывание, как и утверждение не есть просто соединение⁴⁶; оно не есть и обязательно недостаток или ущерб. Роль этого отрицания — чисто положительная в обосновании ценности гипотезиса⁴⁷, хотя то же и есть обоснование возможности лжи. Противоречие находится во внутренней *связи с непрерывностью*. Они взаимно предполагают друг друга⁴⁸.

Тождество, противоречие и непрерывность суть три важнейшие вида суждений. Через их совокупное действие появляется то, что является уже конкретным достижением логики чистого познания, это — *качество*. «Порождение чистого мышления не может начаться с самой *вещи*; так же мало может оно начаться с сущего. Из кажущегося «не-нечто» (Nichts) должно быть выведено «нечто», чтобы воспринять истинное происхождение. *В этом происхождении и лежит источник качества*»⁴⁹. Качество и есть основа мышления. Качество нужно понимать не как то или иное свойство тела или предмета, не как сущее как таковое. Оно означает «*свойство чистого мышления в его методическом поведении*». Следовательно, также и чистое мышление имеет качество. Это не есть какое-нибудь неточное, неопределенное общее свойство суждения, но — нечто совершенно ясное и определенное: оно есть эти три рода суждений, предмет суждений тождества,

⁴³ <...>

⁴⁴ <...>

⁴⁵ <...>

⁴⁶ <...>

⁴⁷ <...>

⁴⁸ <...>

⁴⁹ <...>

противоречия и непрерывности. Это — первый шаг мысли, основание всего мышления. «До качества нет ни тела, ни предмета, ни бытия. Так становится значение <обрыв нижней части страницы рукописи, утрачено примерно 7 строк текста> качество яснейшим предметом: *ему не предшествует также и никакое бытие*». «До него нет никакого бытия, никакого предмета, никакого познания. Но всякое бытие, всякий предмет, всякое чистое познание — через него и из него»⁵⁰.

Заметим ко всему этому, что все моменты, входящие в смысловой состав качества, трактуются Когеном не как *категории*, но как *законы мысли*, ввиду их основополагающей природы, функционирующей в мысли. Отсюда, «суждение происхождения» есть также «мыслительный закон», хотя и более высокий. «Суждение происхождения», которое лежит в основе этих более частных законов и есть то, специализацией чего они являются, оказывается, по Когену, мыслительным законом самих мыслительных законов (*das Denkgesetz der Denkgesetze*)⁵¹.

В заключение этого отдела, не мешает отдать себе отчет в Когеновском «качестве» в историко-философском отношении. Сразу же видно, что как Гегелево «Qualität», это отнюдь не то, что Плотин называет качеством. Вспомним, что Платиново качество есть чувственно озаменованный эйдос. Гегелево и Когеново качество, наоборот, есть эйдетическая, смысловая характеристика эйдоса. Следовательно, Когеново «Qualität» мы также будем переводить по-Платиновски не ποιότης, но — ὄν, или ἐν ὄν, или даже εἶδος. Так отграничивается Коген от Платина. Как же теперь отграничивается <он> от Гегеля? У Гегеля качество предполагает 1) бытие, 2) тубытие и 3) для-себя-бытие, причем первый момент, как помним, составляется из чистого бытия и становления, второй момент есть ипостасийное полагание бытия, а третий вносит различенность (едино-множественность) в ипостасийно положенное бытие. Ясно, что Гегелево «качество», хотя и сложнее выражено, чем у Когена, является, однако, по су-

⁵⁰ <S. 101>

⁵¹ <...>

щество тем же самым. У Когена качество составляется из трех моментов, — тождества, противоречия и непрерывности, причем им предшествует и их порождает принцип происхождения. Если этот последний с точки зрения Гегеля нужно было бы отнести в сферу первоначального *становления*, дающего, в соединении с чистым ничто, категорию тубытия (как мы видели, у Когена принцип происхождения также не мыслим без «ничто»), то «тождество» и «противоречие», очевидно, совпадает с Гегелевым «для-себя-бытием», функция которого $\leftrightarrow$ тоже быть множественно-единым. Заметим, «тождество» и «различие» в полной форме появляется не в сфере «качество», но в сфере «сущность», или смысла. Однако, и у Когена то «тождество» и то «противоречие», о которых он говорит в кратко изложенной выше главе о «суждении законов мысли», отнюдь не является конструкцией *категорий*. Мы только что указали на то, что он их мыслит как основополагающие *законы* мысли. Таким образом, есть возможность сблизить Когеново рассуждение о «тождестве» и «противоречии» с Гегелевым «для-себя-бытием». Но тогда существенной разницы между Когеном и Гегелем в учении о «качестве» не окажется (кроме общего отличия неокантианства от гегелианства, — отсутствия тщательно проводимой диалектической антиномики и синтетики).

Теперь, наконец, мы подошли вплотную к трактованию у Когена проблемы «количества» и вместе с тем ко всему его философско-математическому учению.

8. Логика количества. Основные ограничения

С самого же начала Коген вводит ограничения своей задачи, которые, с объективной точки зрения, отнюдь не могут считаться вполне законными. Мы переходим, говорит Коген, к математическому мышлению. Но мы будем иметь в виду только математику, которая является математикой *математического естествознания*. Конечно, мы сразу догадываемся, что Коген будет трактовать только о тех отделах математики, которые оказались применимыми в последние десятилетия, в эпоху торжества математического анализа и прикладной механики, хотя ему и кажется, что это и

есть настоящая и единственная математика. Конечно, математика гораздо богаче и сложнее, чем просто анализ бесконечно малых, но Коген не будет иметь в виду эти отделы математики. Он именно выдвинет на первый план *анализ*, наивно думая, что «математическое естествознание» его тогда и есть подлинное и единственно точное знание о природе и мире. Так или иначе, но это ограничение у него оговорено в первых же строках учения о количестве, и его он и имеет в виду, пытаясь охранить чистоту математического предмета в сравнении с физикой⁵². Этими же соображениями проникнуто и сравнение новой и древней математики, по которому последняя оперировала будто бы с *данностями*, новая же математика пользуется *порождением* и *становлением*⁵³. Что это совсем не так, видно уже из предложенного выше изложения Плотина. Античная математика также учит о чистом рождении и происхождении, и соответствующие учения, и даже соответствующая терминология, наличны у Плотина и Прокла вне всякого сомнения. Античная математика так же далека и даже гораздо более принципиально далека от метафизически-натуралистических «данностей», чем учение Когена. Подлинная разница вовсе не в том. Она заключается в том, что античная математика насквозь интуитивна, и что поэтому в ней очень мало развиты элементы математического анализа; даже арифметические истины здесь излагали главным образом геометрически. Новая математика, наоборот, насквозь *аналитична* и не-интуитивна, откуда столь небывалое превалирование дифференциального и интегрального исчисления. Коген знает, что античная математика не-аналитична, и знает, что главное орудие современной математики — анализ. Но правильно объяснить этого явления он не может. Интуитивность античной математики кажется ему учением о «данности», т.е. метафизикой.

Поставивши себе задачу дать логику математики, Коген теперь ставит вопрос так. Мы видели, какое глубокое значение в мысли имеет принцип происхождения. Если так, то «мышление

⁵² <S. 102>

⁵³ <S. 103>

математики должно, прежде всего, выполнить требование происхождения. Иначе оно не получит никакого правомерного начала». Раз мир получается в движении, и математика призвана осмыслить и понять это движение, то движение это должно иметь свое смысловое происхождение. «Это происхождение имеет значение не только для начала движения, но каждое продвижение его должно постоянно заново возникать в том же самом происхождении». Движение и *становление* фактического, реального бытия должно иметь свое не-движение, свое *бытие* отнюдь не в тех же самых реально-текучих вещах, ибо последние суть именно нечто текучее. Свое именно бытие и бытие именно *становления* — становление получает как раз в математике, которая, стало быть, должна обеспечить мыслимость *становления* вещей как такового. Это и есть то, что дает в математике *концепцию бесконечно малых и порождает весь анализ бесконечно малых*. Ньютон различает *флюксию* и *флюэнт*у. «Флюэнта изображает движение, как оно проходит в той или иной линии, флюксия же, наоборот, выполняет пребывание, что это движение должно получать свое начало и свое развитие в происхождении». Это и есть наше *суждение происхождения*, которое, пользуясь понятием не-нечто (у Ньютона — нуль), конструирует *нечто*, в данном случае число. Лейбниц, в противоположность рассуждениям о механике у Ньютона, говорил как математик. Он ввел понятие *дифференциала* как бесконечно малого приращения, выведя его за пределы не только ощущения, но и созерцания вообще. Конечное, все конечное, поскольку оно попадает в область математики, должно достигать в этом новом числе своего подлинного основания. *И это основание конечного — бесконечно мало*. «Лейбниц обозначает новое понятие при помощи dx . Но это dx есть *происхождение* x , которым оперирует анализ и который есть репрезентант конечного. Дифференциал, следовательно, есть принцип происхождения, перенесенный в сферу числа»⁵⁴.

Нельзя не отметить крупнейшего исторического значения за эти<ми> рассуждениями Когена. Европейская философия ново-

⁵⁴ <S. 105, 106>

го времени настолько погрязла в дебрях абстрактной метафизики, то спиритуалистической, то материалистической, что она совершенно потеряла все эти тонкие построения, которыми была так богата античная мысль. Понятие «иноного», или меона, великолепно разработанное в платонизме, давало великолепные формулы и для того, что Коген называет принципом происхождения и для понятия бесконечно-малого. Почему это не было вполне разработано *математически*, явствует уже из того, что было сказано много выше о характере античной мысли и античной математики. Специально заниматься анализом там не любили. Но что все эти учения великолепно разработаны там диалектически (а диалектика не могла их не разрабатывать, поскольку ее задачей и является конструкция всех категорий мысли, которые только возможны), — оспаривать это могут только невежды, не знакомые с учением о меоне и алогическом становлении. Европейская философская мысль забыла эти учения, ибо грубо-вещная, натуралистическая метафизика отнюдь не способствовала культивированию этих понятий, являющихся плодом утонченной диалектической, или, по крайней мере, трансцендентальной мысли. И вот, оказывается, что математики сами стали чувствовать потребность в этих понятиях, сами стали вводить и разрабатывать учение о бесконечно-малых. Вдали от философии и во вражде с нею, математики разработали великолепную науку математического анализа, не зная и не думая, что они находились все время в сфере диалектических и трансцендентальных методов. Тогда и только тогда, т.е. уже после создания математического анализа, философы спохватились и увидели ту важную область, которую они забыли. Да и то увидели из них немногие. Я могу сказать, что вполне ясно представили себе как всю важность, так и всю логическую структуру анализа бесконечно-малых только *Гегель*, давший неувядаемый памятник всемирно-философской мысли — диалектику дифференциального исчисления, и *Коген*, хорошо понявший весь трансцендентальный смысл этого исчисления, применив к нему свое учение о чистом происхождении. Так математика заставила философов «снизу» вернуться к забытым понятиям алогического становления смысла, потонувшим в сфе-

ре абстрактно-натуралистической метафизики нового времени. В том, что в наше время нашлась крепкая философская теория, логическая теория дифференциального и интегрального исчисления, фактически первенствующего в современной науке, надо видеть весьма крупное философское дело, и в значительной мере честь создания этой теории принадлежит почти исключительно Когену.

9. Бесконечно-малые и непрерывность.

«Реальность» и «действительность»

Итак, у Когена впервые мы находим более или менее четкую формулировку логической природы понятия бесконечно-малого. Проследим дальнейшее развитие мыслей Когена. Коген, как это и нужно ожидать, ставит в ближайшую связь понятие бесконечно-малого к понятию *непрерывности*. Это, говорит он, старое понятие. Но раньше оно применялось, главным образом, к конечным величинам, и по преимуществу к геометрическому созерцанию. Мы же его употребляем в отношении к *числам*, и наше бесконечно-малое — вне созерцания. *Непрерывность принципиально исключает созерцание*, этим только и достигая наиболее плодотворных результатов. В бесконечно-малом как таковом нет ни созерцания, ни протяжения. *Imo extensione prius**, — говорит Лейбниц о бесконечно-малом. «Стало быть, оно обосновано только в чистом мышлении, и благодаря ему может оно образовать основание для конечного»⁵⁵.

Тут опять чисто кантианские предрассудки, портящие чистоту смысловой установки. Что бесконечно-малое уходит в бесконечность, это — да. Что поэтому и вместе с тем оно связано с непрерывностью, это — тоже да. Но почему непрерывность исключает интуицию? Во-первых, это противоречит первоначальным установкам самого же Когена, когда он объявлял, что у него мышление и созерцание — одно и то же. Во-вторых же, общая склонность неокантианства рассматривать смысл не в состоянии

* Даже раньше протяжения (лат.).

⁵⁵ <S. 106–107>

самоданности и самородности, но в состоянии применения его в чуждых ему сферах и состояниях функциональных сказывается и здесь: почему-то непрерывность есть *только* становление, как будто бы оно действительно мыслимо без становящегося и, след<овательно>, устойчивого, и как будто бы не сам же Коген ввел в число моментов, конструирующих принцип происхождения, момент *тождества*. Конечно, если смысл *только* становится, интуиции не будет, ибо тогда не будет и самого становления. Поскольку же становление бесконечно-малого предполагает нечто в качестве устойчивого, что именно и рассматривается тут как становящееся, — постольку в бесконечно-малом есть своя устойчивая смысловая структура, которая и дается как таковая, т.е. интуитивно. Коген же против этого. И мы уже понимаем, что другой точки зрения для него и не может быть.

Дальнейшим углублением понятия бесконечно-малого является толкование его как *реальности*. Можно спросить так. Если бесконечно-малое есть только пример на суждение происхождения, то можно ли говорить тут о новом *роде* суждения? Это и есть попросту все то же суждение происхождения. Однако, тут рассуждать так нельзя. Бесконечно-малое есть действительно *особый* вид принципа происхождения, и эта особенность заключается в том, что оно есть *реальность*. Бесконечно-малое конструирует реальность⁵⁶. Но это требует более ясного понимания реальности. Реальность Коген строжайше отличает от *субстанции* и *действительности*. Действительность, рассматриваемая как нечто недоказуемое и аксиоматически истинное, уже с самого начала стоит вне логики. Она есть такая наличная сущность, которая является предметом ощущения. *Исключение этого последнего и ведет к реальности бесконечно-малого*. Конечно, анализ бесконечно-малых предполагает действительные вещи и их движение, но, тем не менее, сам по себе он должен быть чем-то вполне самостоятельным, и вот это и вскрывает в нем сторону реальности⁵⁷.

⁵⁶ <S. 107>

⁵⁷ <S. 108>

Коген приводит из истории открытия бесконечно-малого три проблемы, ясно показывающие, как общий принцип происхождения специфицируется в суждение реальности. Это — проблема касательной в геометрии, проблема рядов в алгебре и проблема скорости и ускорения в динамике. Как известно, касательная и кривая имеют общей только единственную точку. Эта единственная точка, принадлежа к кривой, есть то, что порождает эту кривую, т.е. подходит к понятию *направления*, и притом определенного направления, характерного для данной кривой. Тем не менее, эта точка относится и к той прямой, которая в данном случае является касательной. Эта точка содержит в себе, таким образом, *закон кривой* и, след<овательно>, ее *направления*; кривая со своим определенным направлением *порождается* этой точкой; даже больше того, она есть совокупность таких порождающих ее точек. Другими словами, кривая есть совокупность таких порождающих ее точек касательной. Отсюда видно, говорит Коген, что эта точка уже не есть просто происхождение. Эту порождающую точку можно одинаково изолировать на всем протяжении кривой. Другими словами, получается как бы род некоей *абсолютной точки*. «Эту *абсолютность точки*, поскольку в ней лежит *направление* и поскольку от нее непрерывно исходит *порождение* кривой, мы обозначаем как реальность»⁵⁸. Так же и в теории рядов общий член может дать закон ряда, и в учении о падении <тела> и ускорении есть такая же — соответственно — точка. Во всех этих случаях, говорит Коген, мы получаем в становлении *бытие*, которое является именно таким, хотя и не есть субстанция. Субстанция предполагает *упор* (Beharrung) вещи, а мы тут занимаемся тем, что не есть еще упор, но что может его иметь на себе. Но это нечто не есть и чистое происхождение. Оно становится тут *ручательством движения*. Точка ускорения в законах Галилея и есть основание реальности для данного вида движения. Единство это и точка потому и трактуется как реальность⁵⁹.

⁵⁸ <S. 109–110>

⁵⁹ <S. 110>

Не сразу поймешь, в чем тут, собственно говоря, дело. Упорно и долго Коген трактует о том, что бесконечно-малое есть почему-то подлинная и чистая реальность. Что это значит? Во-первых, мне кажется, что бесконечно-малое как такое тут совершенно не при чем. Решительно о *всяком* числе можно говорить то же, что Коген говорит тут о бесконечно-малом. Всякое число не есть субстанция, не есть действительность, не есть вещь; и что число лежит в основе всего этого, его порождает, — тоже несомненно. Во-вторых, из трех примеров, которые он тут привел, явствует только то, что бесконечно-малое может рассматриваться как в своем чистом и общем виде (и тогда, действительно, не будет в нем никакого отличия от принципа происхождения), так и в своем приложении к тому или иному случаю. Конечно, последнее еще не значит, что мы обязательно должны мыслить тут *вещи* и «действительность». Нет, мы в чистой же мысли, нисколько не выходя за ее пределы, можем говорить о реальном функционировании и бесконечно-малого и числа вообще. Вот эта мыслимость бесконечно-малого как *положенного*, как утвержденного, как реально функционирующего в той или другой смысловой обстановке, и есть мыслимость его как *реальности* и есть сама реальность. Но если мое понимание правильно, *тогда в Когеновской Realität мы находим старого знакомого — Гегелевское Dasein*, которое мы выше отождествили с Платиновской умной *ύπόστασις*. Это есть просто *положенность бытия*, тубытие, наличное бытие, — но, конечно, положенность не чувственная, не вещная, а — умная, смысловая, в Нусе, в Логике, как того и требовали Плотин и Гегель. Сравнивая в этом пункте Когена с Платином и Гегелем, конечно, нельзя не подивиться относительной скудости этого понятия, доходящей до неясности, и бедностью формулировки. Все предрассудки неокантианства, о которых мы уже говорили не раз, даны здесь как прекрасная иллюстрация: тут и отсутствие диалектики, и сужение сферы смысла не-интуитивным содержанием и гипноз «математического естествознания».

Имея все это в виду, легко отделить истину от лжи в последующих рассуждениях Когена о бесконечно-малом и о реальности. Большею частью эти рассуждения совершенно справедливы,

если уметь выделить влияние предрассудков, формулированных выше.

Коген отводит возражение о том, что опорой реального и объективного должно быть только конечное, а не бесконечное. В самом деле, в чем же и заключается подлинная объективность понятия, как не в самостоятельности порождения, и что же и является смысловой опорой для движения действительных вещей, как не принцип бесконечно-малого нарастания?⁶⁰ Далее, не выдерживает никакой критики и возражение о том, бесконечно-малое есть только прием математической техники, и что поэтому оно не имеет никакого логического интереса. Для некритического эмпиризма такое возражение, конечно, неопровержимо: реальное для него есть только ощущаемые вещи, а все остальное, включая самое логику, не-реально и не-существенно. Для Когена реальность состоит не в этом. Она состоит в понятии, в принципе, в давании основ. И какое же в таком случае возможно было бы математическое естествознание, если бы мы не имели понятия бесконечно-малого? Мы не могли бы научно сознать природу в ее *движениях*, и у нас не было бы средства к формулировке и к обоснованию этого движущегося мира⁶¹. Во всем этом Коген, конечно, глубоко прав. Ахиллесовой пятой является только страшное сужение как вообще сферы логического, так и сферы математического. Что конечные числа мало помогли бы развиваться современному естествознанию, это правильно. Но что бесконечность должна обязательно мыслиться как непрерывно становящаяся, и что конечность должна обязательно мыслиться как вещная ограниченность без наполнения ее непрерывно становящейся бесконечностью, — об этих возможностях, хотя они и чисто математические, Коген и не думает. Актуальная бесконечность, которая и конечна и бесконечна одновременно, совершенно не вошла бы в его систему, и ему приходится ее просто игнорировать.

Повторяю, если исключить эти предрассудки, построения Когена могут приниматься с полной безопасностью. Так, в дальней-

⁶⁰ <S. 111>

⁶¹ <S. 112>

шем, ближе определяя разницу между бесконечно-малой и происхождением, он констатирует, как «*на основе происхождения бытие в качестве реальности достигает [своего] определения*»⁶². Эта наивность ни в коем случае не есть упор вещи (Beharrung); последний ее уже предполагает, как равно упор этот лежит в основе движения. Сам по себе упор, или устойчивость вещи, совершенно бессмыслен. Смысл он получает только во взаимоотношении с другими вещными определениями. При этом важны не самые вещи, но лишь их смысловые взаимоотношения. Нельзя думать, что x — вещь, «данность», а dx есть понятие отношения, необходимое для конструкции бесконечно-малого. Нет, и x , и dx — одинаково разыгрываются в чистой мысли, и в этом отношении «*реальность первоначальнее вещного упора*»⁶³. Так же правильно по существу и рассуждение Когена об отношении реальности к непрерывности и единству. Непрерывность, как мы видели, есть мыслительный закон. В качестве такового для бесконечно-малого он имеет значение связывать x с его dx . Напротив того, для реальности x не стоит на первом плане. В то время, как непрерывность есть связь бесконечно-малых элементов, а именно непрерывная связь, непрерывность реальности, — сама реальность гораздо шире, она основывается на всевозможных математических предпосылках; и если непрерывность есть закон мысли, то реальность $\leftrightarrow$ предмет мысли, хотя и содержащий в себе этот закон. Что же касается категории единства, то она получает теперь гораздо более богатое значение. «Истинное единство», говорит Коген, «состоит в бесконечно-малом»⁶⁴. В этом именно разгадка той абсолютности, которую сначала обосновывал принцип происхождения, а потом восполнила реальность. Единство в таком освещении оказывается не самим числом, но принципом числа, и при том принцип этот *предшествует* всему. Реальность в этом смысле все обосновывает, всему дает фундамент. Только единством порождается истинная реальность,

⁶² <S. 113>

⁶³ <S. 115>

⁶⁴ <S. 116>

и только реальность есть истинное единство⁶⁵. И тут, со своей точки зрения, Коген прав. Раз основой всего умного и смыслового является бесконечно-малое, то единство смыслового есть, конечно, единство бесконечно-малого. И если бесконечно-малое есть принцип смысла и реальности, то и единство его есть принцип смысла и реальности. И оба они — единство как единство бесконечно-малого и реальность как реальность бесконечно-малого — оказываются связанными между собою, действительно, самой интимной и непрерывной связью. Тут полное совпадение с Платином по форме рассуждения, и — полное расхождение по содержанию, которое, как мы указывали, в проблеме единства у Платина значительно шире и богаче.

10. Резюме о «реальности»

Тут, наконец, Коген подходит к проблеме *числа*, хотя рассуждение о нем относится, собственно говоря, не к «суждению реальности», но к «суждению множественности». Здесь важно для Когена отметить только то, что число является именно *категорией*, в то время как «единство» есть лишь его фундамент. С другой стороны, число не есть также и *прости знак* для вещей. Многие думают, что вещи существуют сами по себе, а их знаки, — числа — сами по себе. Нет, число есть именно категория, «методическое, незаменимое средство для порождения предмета». Только для некритического эмпиризма число есть нечто чисто субъективное. На самом же деле, оно — фундамент самого предмета. «Поэтому, реальность и число находятся в обусловленной самим предметом корреляции. В реальности предмет имеет свой фундамент. И эта реальность есть не что иное, как число. Если бы она была чем-нибудь другим, она не была бы реальностью. Реальный предмет как предмет математического естествознания, имеет свою методическую основу в математике, след<овательно>, в числе. Все другие предпосылки, все другие виды реальности заслуживают осуждения как предрассудок. Предрассудок ощущения как собственного и даже совсем исключительного источни-

⁶⁵ <S. 116–117>

ка познания. Поэтому, число может получить значение для себя как категории — только в качестве реальности, только в качестве бесконечно-малого числа»⁶⁶. Разумеется, это настолько же реальность, насколько и чистое мышление, и поэтому выведенные выше моменты «разделения», «объединения» и «сохранения» остаются и здесь в полной силе. Это яснее всего заметно, напр., в учении о *порядках* бесконечно-малого⁶⁷. Единственная абсолютность, какая есть, заключается в этой категориальной реальности. «В реальности лежит основная причина абсолютно-го, поскольку она есть предмет, или скорее средство познания»⁶⁸.

Таково учение Когена о реальности, о «суждении реальности», являющемся первым отделом учения о суждениях математики. Резюмируя, надо сказать, что реальность, по Когену, есть 1) конкретная примененность в сфере понятия 2) принципа происхождения, 3) становящегося через это бесконечно-малым числом (в смысле математического анализа) и 4) отражающего все те же конструктивные моменты, которые характерны для чистой мысли как таковой (три момента чистой мысли, непрерывность, единство, вне-субъективность и вне-вещность), причем 5) такое бесконечно-малое должно мыслиться в полной чистоте и от созерцания и от геометрического протяжения в частности.

Этим можно закончить изложение первого отдела математического учения Когена о реальности, и перейти ко второму, более центральному, к «суждению множественности» (*Mehrheit*).

11. «Суждение множественности». «Содержание»

Тут, прежде всего, Коген проводит различие между «*Vielheit*» и «*Mehrheit*», — терминами, которые очень трудно передать в раздельном виде по-русски. Если «*Vielheit*» переводить как «множественность», то «*Mehrheit*» я перевел бы как «умноженность», имея в виду не арифметическое действие умножения, но вообще более широкое понятие увеличиваемости,

⁶⁶ <S. 117>

⁶⁷ <S. 118>

⁶⁸ <S. 121>

множественности с подчеркиванием момента увеличения, увеличимой множественности. Однако, по разным соображениям, я все-таки буду *Mehrheit* в дальнейшем переводить как просто *множественность*, не заботясь о различении от *Vielheit* и считая, что этого предварительного указания будет достаточно для того, чтобы не спутаться в Когеновой терминологии. — Но почему Коген предпочитает говорить о *Mehrheit*, а не о *Vielheit*? Многое (*das Viele*) есть то, что дается ощущением: «*Многое* указывает на вещи, которые как будто бы даны сами по себе; умноженность же (*Mehrheit*), напротив того, содержит в моменте «больше» (*das Mehr*) указание на мыслительную операцию, лежащую, поэтому, в основании этой умноженности»⁶⁹. Дело, стало быть, просто. Когену хочется просто подчеркнуть, что изучаемая им множественность не вещная, не субстанциональная, но — *мыслительная, принципная, чисто-смысловая*. Запомнивши это раз навсегда, мы можем уже безбоязненно «*Mehrheit*» переводить как просто «множественность».

Итак, что такое «множественность как чистое мышление»? Можно подумать, говорит Коген, что множественность содержится уже в корреляции dx и x . Это, однако, далеко не так. Когда мы говорим о dx , это еще несколько не касается самого x . x остается тут на заднем плане и образует только конечный пункт тенденции. А dx и есть та реальность, которая здесь по преимуществу имеется в виду. И принцип происхождения и принцип реальности исключают возможность толкования корреляции x и dx как источника множественности. Все разобранные до сих пор типы суждения еще не прикоснулись к этой проблеме. «Качество» не касается множественности как таковой. «Реальность» лежит в основе ее, но не есть она сама. Этот новый момент Коген называет *содержанием*, и его и надо теперь исследовать⁷⁰.

«Что x не образует такого содержания, можно узнать из его обозначения. В x не лежит определение, но — *определимость*. Напротив того, в A , благодаря тождеству, лежит *определенность*,

⁶⁹ <S. 123>

⁷⁰ <S. 123–124>

но она означает именно также только определенность помысленного. В ней еще не лежит искомое содержание. В А лежит только предварительная ступень к содержанию. Оказывается необходимым, чтобы к А должно было привходить В, если надо, чтобы возникло содержание. Но как может возникнуть В, если оно не должно быть только другим А?»⁷¹. Итак, *содержание как множественность возникает при таком порождении В через А, когда В оказывается тождественным все тому же А*. Как это возможно? Конечно, психологически это почти не представимо. Но логически мы тут имеем только *отрицание* А, которое нисколько не мешает как таковое непрерывности. Коген тут вспоминает учение Платона о *различии*. Только в отношении к В лучше говорить не о «различии», но о «другом», и не вообще о другом (*ein Anderes*), но о *данном* другом, определенном другом (*das Andere*). *В есть данное другое к А*. Тут, таким образом, сохраняется при отделении и в отделении также и единение. В отлично от А, ибо есть его другое, но и тождественно с ним, ибо в нем нет ничего, кроме А. Тем не менее, весьма легко утерять в этих операциях ту самую идею различности (*Verschiedenheit*), которая так необходима для множественности. Надо показать, как же именно В становится другим в качестве как раз *отличного* — тем самым, что оно несет *определенно данного* другого. Тут поможет разъяснение операций над конечными числами⁷².

12. Знак плюс

В этих операциях мы, прежде всего, пользуемся знаком + . Что это значит? Мы должны помнить одно из основных положений логики чистого знания, — что порождение и есть само порождение (стр. 29, 53 слл.). Если так, то и содержание, которое мы ищем, должно быть определяемым при помощи *метода его порождения*. Но искомое нами содержание есть различность, данная в виде множественности. След<овательно>, необходимо наблюдать эту множественность как чистую *деятельность*, что-

⁷¹ <S. 124>

⁷² <S. 124–125>

бы добиться ее определения. Но тут проблемой является самое прибавление, присоединение к А. Надо понять не слагаемые, но именно самый процесс сложения, имея в виду, конечно, не психологическую процессуальность счета и числовых представлений. Что же такое это «прибавление» в наших операциях с конечными числами, если оно совершается в сфере чистой мысли? Тут мы необходимым образом вспоминаем о выше трактованной категории *отделения* (Sonderung). «Возможность *прибавления* мы должны учиться понимать из *отделения*. Отделение (Sonderung) же это отнюдь не есть нечто вроде выделения (Absonderung) элементов, которые были бы уже даны сами по себе, но скорее некое [*активное*] *отделение* (Ersonderung), порождение отделения, в котором должныствующие отделиться элементы сами впервые порождаются. Видно, как оба направления суждения сходятся здесь наиболее выразительным способом. Мы ищем множественность, и мы должны найти ее на пути *отделения*. И если мы должны найти этим способом *множественность*, то мы должны достигнуть ее как *различность*. И в различности мы должны достигнуть содержания»⁷³. Таким образом, Коген хочет сказать, что множественность, взятая как чистое мышление, есть 1) чистое порождение, которое, 2) проявляясь как отделение, 3) дает содержательную различность 4) двух или многих тождественных между собою моментов.

Тут бы, казалось, и перейти к определению понятия числа. Ведь Коген уже заговорил о плюсе и «прибавлении»; и, кроме того, первоначальные «направления» мысли почти уже дают определение числа. Но Коген здесь не делает никаких выводов для числа и остается при том широком и, я бы сказал, расплывчатом понимании множественности, которое я сделал более ясным, сведя не вполне систематические мысли Когена к только что сформулированным четырем пунктам. Прежде чем заговорить о числе, Коген начинает говорить о времени; и число отодвигается еще на несколько страниц, что отнюдь не способствует ясности изложения. Итак, пойдем вслед за Когеном и посмотрим, что же такое время?

⁷³ <S. 126>

13. Учение о времени и критика его

Можно миновать немногие и совершенно отрывочные исторические упоминания, которые тут делает Коген, хотя и заслуживает внимания его упрек Канту, сводящийся к тому, что время не может считаться *чистым*, если оно имеется в виду как *данность*: чистое может быть только одного рода, а не многих родов, и что единственно возможная чистота есть чистота мысли⁷⁴. Если мы не хотим смешивать мышление с представлениями, то время должно быть определено нами как *чистая категория*. Тут *множественность* и *отделение* должны получить новое определение; они требуют новых средств «порождения». И мышлению неоткуда взять этих средств, кроме как только из самих себя. Это — собственная задача его же самого, *мышления*⁷⁵. Нельзя сказать, что время есть форма *внутреннего чувства*, как эта последняя есть форма внутреннего вообще, — потому что такое определение ничего не определяет и сводит всю проблему на новые неизвестные величины. Время — не только форма внутреннего, но и внешнего; это значимо и для числа и для движения, и для ощущений, и решительно для всякого содержания⁷⁶. В конце концов время не есть и просто рядоположность и последовательность. Нельзя думать, что время как содержание возникает благодаря следованию друг за другом представлений, ибо тогда останется без разъяснения самое главное — самое это следование. Следование отнюдь не есть прообраз времени, но, наоборот, — его отображение. И вовсе нельзя сказать, что представления, сами по себе вне времени, а их следование — во времени⁷⁷. Ничем не поможет и присоединение к последовательности одновременности, поскольку последняя есть только остановившаяся последовательность⁷⁸.

Сущность времени, по Когену, заключается не в одновременности и не в последовательности, но в предвзятии, предвосхи-

⁷⁴ <S. 128>

⁷⁵ <S. 128>

⁷⁶ <S. 129>

⁷⁷ <S. 130>

⁷⁸ <S. 131>

щении (Vorwegnahme). Сенсуалисты думают, что время предполагает последовательность. Математика предпочитает тут термин *ряд*. «Для времени он требует предпочтения перед «последовательностью» потому, что в «ряде» выступает деятельность рядоположения (des Reihens). С другой же стороны, рядоположение пользуется рядом как своею *целью*. Следовательно, он смотрит *вперед*, а не назад, как то имеет место в последовательности. Ряд порождает следующее как обязанное, как должствующее быть следующим. Следующее, стало быть, *предвосхищается*. Это предвосхищение и есть собственное, основное деяние времени. *Антиципация есть характеристическое свойство времени*»⁷⁹. Будущее и обладает подлинным характером времени. Раз есть антиципированное будущее, — к нему тотчас же присоединяется и *прошедшее*. Прошедшее не обладает характером первоначальности. Первоначально именно будущее. «Уже не» появляется только перед лицом «еще не». «Так возникают в них оба пункта, образующие *ряд*. Так возникает в них *первая форма множественности*, — в [активном] *определении прошедшего от первоначального деяния будущего*. Но где же остается *настоящее*, которое обыкновенно рассматривается в качестве твердой точки? Оно налично нисколько не менее этого. Оно витает в ряде, образованном исключительно из тех точек; оно заключается в витании между антиципированным будущим и его настигновением, его отзвуком, прошедшим. Позже мы увидим, что оно вовсе никогда не останавливается во времени. Время, которое есть по преимуществу орган будущего, — есть *категория антиципации*»⁸⁰.

Я не могу считать это учение Когена о времени ясным и правильным. Что оно лежит в основе всякого опыта, с этим спорить не буду; это — так. Что оно лежит в основе даже самого *числа*, это чрезвычайно подозрительно уже по одному тому, что число по своему логическому смыслу (а этим последним только и занят здесь Коген) *раньше* времени, и число возможно без време-

⁷⁹ <S. 131>

⁸⁰ <S. 131–132>

ни, между тем как время уже предполагает число. Но и об этом я не буду спорить, пока не изложу собственных взглядов Когена на взаимоотношение числа и времени. Равным образом, приходится только согласиться, когда время его начинает интересоваться как чистая категория, ибо, в сущности говоря, его логика, как и всякая другая, непсихологическая и ненатуралистическая, только и может заниматься категориями. Что в этом смысле время не имеет ничего общего с потоком представлений, это — также бесспорно. Но вот зададим себе вопрос: что же такое эта антиципация, которая лежит в основе времени и образует его сущность? Прежде всего, термин этот звучит чрезвычайно субъективистически и вызывает ненужные и портящие все дело ассоциации. Но согласимся и в этом с Когеном: мы ведь знаем, что он — не субъективист и не психологист. Тогда встает необходимый вопрос, и, собственно говоря, тогда-то и встает этот необходимый вопрос: кто же, или что же, собственно антиципирует и кого, какую данность он, или оно, антиципирует? И, наконец, что такое эта антиципация? Очевидно, тот, *кто* антиципирует, не есть «субъект» или «вещь», но — акт самой мысли, сама мысль. Но кого же он антиципирует? Опять-таки все те же моменты мысли. Значит, *акт мысли антиципирует сам себя*. Иначе я не могу себе представить учения Когена. Но, далее, что же это такое «антиципирует», «предвосхищает»? Я могу это понять только в том смысле, что один акт мысли *отождествляется* с другим. *Один* акт мысли, оставаясь самим собою, несет на себе смысл *другого* акта мысли, так что он — и он и не он. Это — вполне ясно. Но тогда непонятно: почему это — *антиципация*; когда так просто и ясно можно говорить о *тождестве*? И, далее, непонятно: почему это — *время*, когда отождествление одного акта мысли с другим происходит в недрах *чистой мысли, еще не перешедшей во временной поток*, и раз вне всякого времени уже наличны категория и тождества и различия и порождения и т.д.? Ясно, что термин «антиципация» решительно не вносит никакой ясности в определении времени; и даже можно сказать, что Коген в таком определении оказывается решительно неспособным понять подлинную стихию времени. Он его толкует так,

что все время остается в недрах чистой мысли, не переходя ни к какому подлинному времени. Насколько ясна и отчетлива категория времени и Плотина и Прокла (как «иное» смысла, т.е. как его алогическое становление), насколько ярко подчеркивается у них самая мощь и стихия времени (хотя оба философа, подобно Когену, трактуют его вне психологии и натурализма, а — как чисто смысловую категорию), — настолько бесполезна и бессильна теория времени Когена, оказавшегося слабым в самом ответственном пункте своей системы. И если он не понимает подлинной гущи и мощи живого времени, — может ли он понять подлинную природу *числа*, если число и время так близко связаны между собою? А ведь о времени Коген заговорил, как мы помним, именно для того, чтобы уяснить *число*. Время для него первоначальнее числа, и на нем он хочет обосновать свою теорию времени. Последуем же за ним дальше и посмотрим, что же он расскажет нам о числе.

14. Время и множественность

Прежде всего, однажды занятая ложная позиция укрепляется. А именно, Коген видит в своем «предвосхищении» сущность *знака плюс*. Это — «символ, указующий жезл времени». Если *отделение* имеет характер первоначальности и есть то, что привело нас к времени, то во времени первоначальным оказалось *предвосхищение*, и последнее привело *прибавление*, прирост, к определению и породило ту *множественность*, в которой и находится искомое *содержание* и *различность* как в собственном смысле содержание. Плюс и есть порождение множественности. Только тут весьма важна, по Когену, точность выражения. Нельзя, собственно говоря, употреблять выражение $A+B$, если мы хотим уяснить природу самого плюса. Тогда уже лучше говорить об $A+A$, так нас интересует ведь не B и не A , а множественность сама по себе. Однако и это выражение не совсем точно, так как тут имеется в виду не просто тождество повторения. Наконец, выражение $A+x$ оставляет в стороне вопрос о тождестве и только предполагает *определимость* в x ; но не годится и оно, так как предвосхищение икса не есть достояние чистого времени, но

скорее *и числа*. Чистое определение времени требует символа: А+... . Тут нет никакого, ни определенного, ни определимого содержания. Тут дается *само предвосхищение* — как деятельность и дело порождения⁸¹.

Мы видим, что Коген продолжает и здесь оставаться в своем заблуждении относительно подлинной природы времени. Плюс — принадлежность исключительности чистой мысли, до ее перехода во время. И если время есть тоже чистый смысл (в этом безусловно необходимо согласиться с Когеном), то во всяком случае есть особый смысл, особая модификация чистого смысла, не просто смысловой прирост, обозначаемый нами как плюс. Правда, Коген толкается о твердыню истины, когда говорит, что сущностью времени является *будущее*. Это — искаженная и бессильная попытка выразить категорию *становления*. Но формулировка, выбранная здесь Когеном, совершенно неприемлема. Ведь будущее есть не что иное, как будущее *время*. Нельзя сказать в целях определения, не впадая в круг, что время есть будущее время. Будущее, прошедшее и настоящее должны быть выведены все целиком из какой-то другой, более первоначальной установки. Также и указание на то, что время требует не А и В и не х, а *само* предвосхищение, самоё, сказал бы я, стихию плюса, не может не намекать на истину, так как время, действительно, само по себе вне отдельных смысловых оформлений. Но и тут терминология и формулировка никуда не годится. Во-первых, *само* предвосхищение существует и в сфере чистого смысла, так как сам же Коген основывается на таком чистом становлении *чистого* же смысла, без перехода во время, а именно, на *бесконечно-малом*, которое ведь тоже непрерывно уходит в бесконечность; и у Когена совершенно нельзя отличить время от бесконечно становящейся непрерывности смысла, образующей понятие бесконечно-малого. А во-вторых, это указание на *Vorwegnahme Selbst*, вне А, вне В, вне х и т.д., есть опять-таки искаженная и бессильная попытка выразить категорию *алогического*, что и составляло бы в действительности сущность времени. Время как *алогич-*

⁸¹ <S. 132–133>

ческое становление числа — точная и совершенно определенная формула времени. Коген ходит вокруг да около этой формулы; но четкости анализа не хватает у него, чтобы сформулировать и становление, и алогичность, и число. Алогического становления как чисто смысловой, а не вещной категории Коген не понимает. Как же теперь понимает он число?

Ему ясно, что та *множественность*, которую он ищет, не может быть временем просто. Время порождает эту множественность, но сама множественность есть некое *содержание*, есть некая *различность*. И в этом смысле время не имеет компетенции порождать и самоё множественность. Единственно, что оно дает непосредственно, это — *корреляцию будущего и прошедшего*. Но искомого *содержания множественности* тут еще нет. Тут оно *залегает*, но не просто время есть искомая множественность⁸². Что же такое эта самая множественность? Она есть *число*. С числом мы уже отчасти встречались, когда говорили о принципе реальности. Однако, вопрос о его смысловом содержании поднимается только теперь. Бесконечно-малое было, говорит Коген, происхождением числа, происхождением конечности. Теперь же мы должны рассмотреть это число как *множественность*⁸³.

«Реальность», «бесконечно-малое» есть абсолютное единство, действующее как таковое во всех своих применениях. Поэтому, оно — *число реальности*. Но сейчас мы пришли уже совершенно к *новому единству*, а именно к *единству множественности*. «Время действует здесь уже как мотив». Антиципация создает возможность этих новых единств — уже во множественном числе. Не единство тут порождает множественность, но, наоборот, полученная из времени «множественность порождает себе соответствующее ей единство, мыслимое только аддитивно». Так создается аддитивное единство, единство множественности на основе временной антиципации⁸⁴. В этом смысле дробное число гораздо больше вскрывает сущность числа, чем целое число,

⁸² <...>

⁸³ <...>

⁸⁴ <S. 135>

так как тут воочию проступает не просто единство, но именно единство множественности, коррелятивность единства и множественности⁸⁵.

Сам Коген дал хорошее резюме всем этим рассуждениям о содержании числа, множественности и т.д., что отнюдь не всегда имеет у него место и что с тем большим удовольствием можно привести в его собственных выражениях, получая возможность не давать насильственного резюме в целях уяснения и расчленения мысли автора. «Должно быть найдено *содержание*. Поэтому нуждаемся мы в *различности*. Так возникает $A+B$. Но в себе самой не порождаемая различность должна быть приведена к порождению на пути множественности — для этого не достаточно ни $A+A$, ни $A+x$. Тут как раз необходимо *число*, а не только какой-нибудь символический знак, чтобы оказаться действенным для *различности как множественности*. Так возникает у нас $A+1$, или скорее, соответственно новой 1: $1+1$. Единство не есть только цифра, знак, но оно есть то новое понятие, которое было потребовано и порождено множественностью. Оно *есть единство множественности*. Оно есть не только единица, но также и дробь. Но вспомним, что это новое значение числа и эта категория множественности нуждается в помощи и содействии другой категории, а именно, времени. Знак плюс, в котором нуждалось число, появился как действие времени. Плюс познавался скорее как голое “вперед” или “перед”. Эту связь числа с временем мы должны рассмотреть и далее»⁸⁶. Этим Коген объясняет такое явление, как теорему сложения, по которой $a + b = b + a$, в каковом выражении главную роль, по его мнению, играет антиципация b , оказывающаяся более глубокой причиной сложения, или — как различие в месте между числами, объясняемое не положением числа как таковым, но — порождением этого положения, что и есть принадлежность времени⁸⁷.

⁸⁵ <S. 135>

⁸⁶ <S. 136–137>

⁸⁷ <S. 137>

15. Детали учения о числе

Итак, по Когену, время первоначальное числа. Время порождает то, чего нет в чистой мысли как таковой, т.е. порождает особое единство и единства, которые суть одинаково и множественности. Это приводит Когена к следующему рассуждению. Если время есть условие числа, то оно не может считаться чем-то условным и только наносящим ущерб чистому числу. Ему принадлежит особая функция, которая легко уяснится, как только мы вспомним, что оно делает понятным то, что без него осталось бы совершенно противоречивым. Необученный и обученный человек — есть ли нечто одно или разное? «Во времени фактически приуготавливается разрешение противоречия, а именно — в предвосхищении атрибута обученности». Время делает понятным совмещение того и другого в одном человеке. И этим и создается искомая нами *различность* как некая определенная содержательность. Не состояния и не последовательность состояний играют тут главную роль, так как состояние вообще не есть что-нибудь первоначальное. Но именно *множественность*, возможность двух разных человек, определяет собою искомую содержательность, так что при помощи числа время и порождает и примиряет противоречие в сфере содержательности⁸⁸. В связи с этим *различность* не может трактоваться как *категория*. Категорией является именно множественность и, прежде всего, в качестве числа. Категорией является и *противоречие* (Widerspruch), лежащее в основе времени и в нем примиряемое. Различность же есть уже содержание, которое зависит от того или иного конкретного наполнения и потому оказывается не категорией, *но проблемой*. В ней мы находим уже не противоречия, но — противоположности (Gegensatz); и эта противоположность, обладая содержательной природой, также не есть категория, но — проблема⁸⁹.

Число, таким образом, есть, по Когену, нечто, я бы сказал, среднее между временем и понятием («реальностью»). Число ведь начинается не в сфере множественности, но уже в сфере «реаль-

⁸⁸ <...>

⁸⁹ <...>

ности». Именно, там мы находим бесконечно-малое, которое есть не что иное, как *происхождение* числа. Правда, это — не само число, но — происхождение числа. Там, в «реальности», единство обладает абсолютным характером, в то время как здесь, в числе, оно есть, как мы видели, единство множественности. Если мы имеем готовую содержательность, то стоит только стянуть ее до *противоположности*, т.е. превратить в противоположность (Gegensatz) и, далее, в противопоставление (Gegenstellung), чтобы получить числовую множественность. Постановление в ряд создает противоположности и вместе с тем место каждого момента в общей множественности. Эта раздельность (Sonderheit) необходимо принадлежит множественности, и это есть то, что заставляет число создавать дискретность (Diskretion)⁹⁰. При помощи числа отдельные моменты вещи разделяются и удаляются друг от друга. Из этой раздельности (Sonderheit) вытекает приведение в порядок (Zuordnung), и отсюда и — множественность. Множественность и есть эта активно-смысловая разделенность (Ersonderung)⁹¹. Что такая дискретность числа не противоречит его *непрерывности*, ясно из того, что ни дискретность не может существовать сама по себе, вне непрерывности, так как она была бы в этом случае лишена самого главного, — принципа происхождения, ни непрерывность без дискретности, так как она не была бы тогда реальностью. Непрерывность вносит еще более основательную дискретность, чем это могла бы сделать последняя. Проблема множественности, следовательно, объемлет как учение о дискретности, так и учение о непрерывности⁹². Непрерывность есть свойство самого принципа происхождения; оно, стало быть, раньше числа и коренится еще в понятии бесконечно-малого. Однако, переходя в сферу *числа*, эта непрерывность рассматривается уже с точки зрения конечного числа. «В методе бесконечно-малых x , как конечное число, предполагается уже во множественности, так как этому x примышляется *переменность*. В том и состоит различие

⁹⁰ <...>

⁹¹ <...>

⁹² <...>

х и А, равно как и х и 1, что в х, раз оно есть определимость, по этому самому примышляется переменность. А это есть алгебраическое понятие множественности. *Так в переменности снова проявляется принцип антиципации времени.* Она всегда есть множественность, которая в противопоставлении элементов порождает это последнее в качестве противоположностей и потому в качестве содержания. Она есть цель, которой служило время и которой служило число, — именно цель порождения содержания. Содержание и образует собственную проблему. Проблемы различности и противоположности имеют значение только средства и путей приведения содержания к рождению»⁹³.

Итак, число есть принцип единства множественности. С этой точки зрения *единичность* (das Einzelne), по Когену, отнюдь не есть никакое *единство*; и, если мы не желаем впасть в психологию ощущений и хотим единичность рассматривать как чистое мышление, то надо будет сказать, что она относится всецело к сфере множественности, не будучи никаким видом единства. Это — особая проблема, которую надо решать особо. И во всяком случае нельзя думать, что проблема единичности противоречит вышеприведенным рассуждениям о единстве и множественности⁹⁴. Также можно было бы видеть противоречие с вышеизложенным в проблеме *единственности* (Einzigkeit). Могут сказать, что единственность, как и единичность, не есть ни абсолютное единство, ни единство во множественности, ни какое-то особое единство. Однако, суждение единственности отнюдь не есть суждение простое. Оно — суждение *объяснительное*, так «единственный» значит «только один». Но такое содержание ничем особенно не отличается от суждений: «только два», «только три» и т.д. И значит, тут дело вовсе не в единстве и не в единичности, равно как и не во множественности. Ни проблему единичности, ни проблему единственности нельзя решить при помощи голого понятия числа. Это — особые проблемы, не числовые⁹⁵.

⁹³ <...>

⁹⁴ <...>

⁹⁵ <...>

В заключение своего исследования «суждения множественности» Коген присоединяет несколько слов еще о двух понятиях, дополняющих характеристику множественности. Во-первых, это — понятие *индукции*, которую он понимает не как вывод из «известного количества случаев», но — чисто мыслительно, т.е. как то, что «множество вообще становится определимым». Благодаря этой индукции «для самой множественности возникает собственная и своеобразная данность, независимо от ее единств». Во-вторых, Коген привлекает понятие *особности* (*Besonderheit*), «образующей ту собственную ценность, которую множественность только предуготовляет». *Особность* Коген отличает от «раздельности дискреции» (*Sonderheit der Diskretion*), коррелируемой через непрерывность. Индуктивная ясность указывает на вид той связи, собственное значение которой впервые может придти к ясности [лишь] *в борьбе путей исследования*. Если раздельность множественности давало только принцип и задание, то индуктивная особность, специфичность, есть некое *наполнение* некоторыми связями, предполагающее уже новые логические операции⁹⁶. По-видимому, Коген тут хочет указать на то, что особность в отличие от раздельности есть уже *содержательность* (выражаясь его собственным языком), хотя полной ясности в его кратких определениях добиться весьма трудно.

16. Резюме всего предыдущего и критика Когенова учения о числе

Теперь мы достигли последней вершины в Логике Когена, которую надо принять во внимание в изложении проблемы числа. Коген начал с критики «мыслительных законов», где рассказал нам «происхождения», «тождества» и «противоречия». Общим результатом этой части Логики, важным для интересующей нас проблемы числа, было учение о знании-бытии как о смысловом становлении, или «порождении», несущем с собою не дифференцированное, но дифференцирующее единство, и пользуя-

⁹⁶ <...>

щееся принципами разделения неразличимого единого, объединения различенного и сохранения этих объединенностей на лоне исходного единства. Далее, Коген перешел к «суждениям математики». Тут, прежде всего, он поставил проблему «реальности». Что это дало нам для разрешения проблемы числа? Оказывается, единство, сформулированное выше как активно-смысловой принцип раздельности и тождественности, модифицируется здесь совершенно в новую форму. А именно, «реальность», которую надо строго отличать от «действительности», превращает упомянутый принцип единства и происхождения в *бесконечно-малое*. Тут сохраняется полностью вся та характеристика «происхождения», которую мы имели выше, но только с одним и единственным прибавлением: этот принцип становится *положенным*, утвержденным принципом, принципом *реальности*. Голый принцип происхождения стал бесконечно-малым. Вместо голого принципа единства мы получили самое единство, хотя все еще как некую абсолютную данность в сфере смысла, данность вне различения и самораздельности. И вот, наконец, Коген перешел к тому отделу «суждений математики», который и сам называет «суждениями множественности». Что дает это новое исследование для нашей проблемы числа? Оно дает то, что мы, наконец, пробиваемся к числу как таковому. Бесконечно-малое, как абсолютное единство, не есть число; оно — принцип числа, подобно тому, как «принцип происхождения» был принципом этого самого абсолютного единства, т.е. принципом принципа числа. Теперь мы хотим провести раздельность в недрах этого абсолютного единства, перевести это единство в новую плоскость, так, чтобы оно, оставаясь самим собою, порождало из себя свою раздельность и стало таковой. Для этого мы должны использовать *время* как то, в результате чего и порождается множественность. И таким образом у нас возникает число как единство множественности, в которое войдет все предыдущее, и «происхождение», и «реальность», и «непрерывность» и т.д. и т.д., но — с одним прибавлением: это будет такое единство, которое не абсолютно, но есть единство множественности.

Усвоивши себе этот ход мысли, мы можем тут немного остановиться. Остается еще один — завершительный — этаж замысловатого здания, построенного Когеном ради решения проблемы числа, а именно, остается «суждение всёности (Allheit)», заканчивающее отдел «суждений математики». И если мы запомним только что данное резюме, то нам нетрудно будет перейти и к этому последнему типу суждения. Однако, остановимся на короткое время, чтобы отдать себе отчет в том, что сделал Коген для проблемы числа своим «суждением множественности». Ведь, как мы видим, именно тут конструируется понятие числа, и все предыдущее — только подготовка и фундамент. В чем истина и ложь Когенова понятия числа?

1) Прежде всего, совершенно правильно учение о предшествовании числу принципа происхождения. Действительно, как бы высоко мы не возносили число в иерархическом порядке бытия, все-таки «принцип происхождения», или, лучше, «происхождение» будет выше. В этом коренное сходство нео-кантианства с платонизмом. В платонизме мы ведь тоже видели, что единое и его потенции выше сущего и выше числа. Когда Коген характеризует свое «происхождение» как тройное единство — отделения, объединения и сохранения того и другого, то эти моменты не могут не предшествовать числу, ибо само число есть не что иное как орудие разделения и объединения. Разумеется, при этом надо иметь в виду то, что было сказано ранее о характере Когеновского «происхождения». Числу предшествует, собственно говоря, то «происхождение», которое выставляет чистый платонизм. Однако, мы уже видели, что Коген кое-что сохраняет из этого платонического понимания.

2) Но вот, в системе Когена мы находим, что числу предшествует не только «происхождение», но и «реальность». В этом позволительно усомниться. Как бы ни анализировать понятия числа и реальности, всегда, по смыслу своему, число оказывается *первоначальнее* реальности, ибо реальность всегда есть число *чего-то, какое-то* число, или количество; она уже предполагает число и предполагает ту или иную качественную заполненность его. Правда, надо отметить своеобразие понятия, закреплен-

ного у Когена термином «реальность». Тут, как мы видели, он видит просто бесконечно-малое. Взявши это последнее понятие в точном математическом смысле, мы можем только удивиться, каким образом Коген находит возможным думать, что оно есть «принцип числа», если уже элементарная расшифровка этого слишком краткого выражения указывает не на что иное, как на число. «Бесконечно-малое» ведь есть «бесконечно-малое число». Ради краткости, тут отбросили определяемое и взяли вместо него определение. Но если так, то ясно, что сначала нужно знать, что такое число вообще, а потом уже говорить о бесконечно-малом числе. Сначала нужно дать логический анализ числа вообще, а потом уже переходить к анализу его частных типов. Поэтому, логическое предшествование понятия бесконечно-малого понятию числа вообще — недоказуемо и необоснованно. Однако, сказать так и на этом успокоиться было бы не вполне справедливо к Когену и к его Логике. Мы уже согласились, что «происхождение» раньше числа, ибо оно раньше всего. Есть ли, зададим теперь вопрос, что-нибудь *между* «происхождением» и числом, или же от «происхождения» логический путь непосредственно ведет именно к числу? Уже заранее чувствуется, что это было бы очень большим скачком. Чувствуется, что нечто должно быть посредствующим между «происхождением» и числом. Коген говорит: посредствующее тут — «реальность», положенность. Если бы Коген говорил только это, с ним необходимо было бы согласиться. В самом деле, число есть нечто *положенное*, определенное, ограниченное, структурное; «происхождение» же есть такая отвлеченная общность, что в него входит не только все структурное, но и все неструктурное, все вообще сущее и не-сущее, все вообще, чего так или иначе, хотя бы минимально, касается мысль. Все находится под этим принципом. Значит, число отличается от «принципа происхождения», прежде всего, своей положенностью, и, стало быть, положенность есть то среднее, что лежит между чистым происхождением и числом. Но «реальность», по Когену, не есть ведь вещная, или субстанциальная реальность; она и есть не что иное, как положенность в мысли. И тут Коген совершенно прав. Но Коген прибавляет:

«происхождение» как «реальность» есть «бесконечно-малое». Тут-то и начинаются наши разногласия с ним. Что такое бесконечно-малое? Если мы не хотим пользоваться техническими и формалистическими определениями учебников, в которых бесконечно-малое определяется в связи с понятиями «уменьшения» и «любой данной величины» (мы ведь еще не знаем, что такое «уменьшение», что такое «величина» и что такое «данная величина», не говоря уже о «любой данной величине»), а хотим дать подлинно логическое расчленение этого понятия, то мы должны сказать, что это есть *становление* смысла (в данном случае числа), *остающееся в недрах самого же числа*, т.е. не переходящее во время, ибо математический анализ не оперирует с категорией времени. Такое определение уже предполагает, что мы установили понятие числа, или, по крайней мере, смысла. Значит, Коген, правильно переходя от «происхождения» к «реальности», *сделал слишком большой скачок*, если сразу заговорил о становлении числа, не сказавши ничего о самом числе. «Бесконечно-малое» — понятие слишком отдаленное от начала логической цепи, и «реальность» не есть просто «бесконечно-малое», хотя, разумеется, и включает его. Тут есть еще кое-что, пропущенное Когеном. Поищем у самого Когена, не найдется ли у него подходящих выражений для фиксации этого более общего результата «реальности», чем «бесконечно-малое».

Коген, как мы помним, говорит не раз, рисуя принцип «реальности», об «абсолютном единстве»⁹⁷, противопоставляя его тому единству, которое является единством множественности. Это — та терминология, которой я бы и удовлетворился; кстати, это «абсолютное единство» весьма плохо вяжется с «бесконечно-малым», несмотря на то, что то и другое берется как существенная характеристика «реальности». Почему «происхождение», переходя в «реальность», делается «абсолютным единством»? Потому, должны мы ответить, что мыслится вообще *первая* положенность, положенность в первый раз. Говоря о «происхождении» просто, мы ведь ничего не утверждаем и ничего не полагаем; тут

⁹⁷ <...>

мы говорим о разделении и объединении *вообще, неизвестно чего, чего-нибудь*. В «реальности» мы впервые *полагаем* и тем самым полагаем *нечто*, полагаем то, что потом уже можно будет рассматривать в подробностях, т.е. делить и расчленять, *делать множественным*. Это и значит, что реальность есть абсолютное единство, абсолютное, т.е. выделенное из всякой заполненности, рассматриваемое само по себе, вне всякой качественности, пусть даже чисто умной. Конечно, тут таится и бесконечно-малое и еще много кое-чего. Но, если мы хотим не скакать, а терпеливо проходить все последовательные моменты логической цепи по порядку, то мы должны сказать <далее лакуна в рукописи, примерно десять строк текста>.

Ведь числа и у Плотина и у Прокла *до* сущего, но — *после* единого. Единое же у них двух родов — как абсолютная немыслимость и чистое «сверх», не участвующее ни в чем и ни в каком диалектическом процессе, и — как относительная немыслимость, как абсолютная единичность, как начало диалектического пути. Ни первого единства, ни второго единства не знает система Когена, что и понятно ввиду ее недиалектичности. Но Коген знает чистый «принцип происхождения», который не есть ни реальность, ни единство, ни число. Что это такое? Можно его, конечно, понимать как *метод* осмысления, как внутренний двигатель мысли и т.д. и т.д. Но, переводя на язык Плотина и Прокла, его и нельзя было бы назвать иначе как *единым, взятым в его потенции* (единым, конечно, второго вида). Если Коген об этом не говорит, то во всяком случае он говорит о самом «происхождении», которое до сущего и до числа, и, значит, остается хотя бы только возможность говорить о предшествующем числу единстве и о числе как среднем между единым и бытием. Не зная никакого иного единого, Коген принужден свою «реальность» называть «абсолютным единством», хотя абсолютного тут нет ничего кроме выделенности из качественных и категориальных заполнений, а настоящая абсолютность была бы там, где действительно нет ничего кроме единого. «Абсолютное единство» Когена, стало быть, есть нечто аналогичное «до-сущему числу» Плотина и «предсущественным единствам» Прокла.

Однако, сравнение с Платином и Проклом вносит еще одну весьма интересную деталь. Единое, полагаемое в числе до сущего, мыслилось там как *потенция*. Ведь единого нет нигде, и оно же — везде; и так как оно — не сумма, и не части его порождают, то, при мысли о частях, приходится мыслить его как *порождающего* части, как *созидающего* сумму и суммы, т.е., вообще говоря, как *потенцию*. С этой точки зрения недостаточно было бы говорить просто о едином. Единое есть не что иное, как *потенция* всего и, прежде всего, числа. Можно удивляться, но Коген заметил эту черту своей «реальности». Что момент потенции содержится в том, что Когену заменило платоническую сверх-сущую единичность, это ясно уже из самого понятия происхождения. Происхождение у него и есть *созидание*, — *потенция*. Но ведь тогда и *созидающаяся* из происхождения реальность должна отражать на себе черты этой потентности и должна сама содержать в себе черты созидания и потенции. *Это-то и хотел, по-видимому, отметить Коген, когда существенным признаком реальности стал считать бесконечно-малое.* Бесконечно-малое как раз есть такое единство, которое *не стоит, не покоится*, не есть *стационарное единство*. Оно, как мы говорили, есть *становление* числа, или, как говорят математики, оно *может стать* меньше любой данной величины. Что «реальность» есть бесконечно-малое, это — предвзвешенный и результат гипноза, но что тот момент этого понятия, который есть чистое созидание и становление (чистое, т.е. до-качественное и даже пока до-бытийное), входит в понятие «происходящей» «реальности», это — совершенно несомненно, и Когену нельзя отказать здесь в точности и глубине философского прозрения.

В итоге, ни «абсолютное единство», ни «бесконечно-малое» не рисуют «реальности» и, стало быть, числа. Абсолютным единством надо было бы называть не «реальность», но — единое как таковое, для «реальности» же оставить название «относительного единства», или «определенного одного», а вместо «бесконечно-малого» надо было бы говорить просто о бесконечной смысловой потенции, не суживая этой последней до столь специфического математического понятия. Все это, как легко со-

образить, вполне гармонирует с тем, что выше было сказано о недостаточности и узости самого «происхождения» у Когена, которое он, собственно говоря, не поднимает выше бытия, и которое у него, с точки зрения строгого платонизма, вырастает уже во вне-эйдетической сфере, в сфере под-эйдетической. Не зная ничего выше идеи, Коген помещает число в сферу, *зависящую* от идеи, а не идею поставляет зависимой от числа. Кроме того, и сама идея мыслится им не как лик, а как гипотезис, как чистая возможность и смысловой метод. Поэтому, правильно усмотревши в числе два основных момента — смыслового становления отождествляющего различения и сверх-смыслового единства, он поместил их в сферу своей *идеальности*, т.е. туда, где об отождествляющем различии можно было говорить только в применении «гипотетически» становящейся идеальности (тут у него получился «принцип происхождения»), а о сверх-смысловом единстве можно было говорить только в применении к «методу» и «закону» становления этой идеальности (тут у него получилось «бесконечно-малое», которое есть, по его мнению, и «принцип реальности», и «абсолютное единство»). Так исказилась под влиянием исходных предрассудков правильная философская интуиция числа. Если по Плотину мы нашли возможным формулировать понятие числа как единичность («нечто», «сущее») подвижного покоя самотождественного различия, и, кроме того, его необходимо было помещать (в его наиболее центральном и основном значении) между абсолютным единством сверх-сущего и идеей, именно — как раскрывающуюся в идее потенцию единства сверх-сущего, то в настоящем пункте нашего исследования можно сказать, что своим учением о «происхождении» и о «реальности», завершающемся в понятии «бесконечно-малого», Коген уже захватил Платино-Прокловы понятия единого, единого в его потенциях и самих потенций, несущих с собой раздельность множественного в общем единстве, — хотя он и перенес все эти категории в иную сферу, чем это делают Плотин и Прокл. Казалось бы, тут и можно было бы остановиться. Раз выведено «бесконечно-малое», то тем самым выведено и число вообще, и проблема, казалось бы,

решена. Но ни Плотин ни Коген не могут на этом остановиться. И что же тут предпринимает Коген?

4) Кроме «происхождения» (с принципами «тождества» и «противоречия») и «реальности», по учению Когена, в число входит еще момент множественности. Мы знаем уже, как он его получает. Коген берет *время*; и время как раз оказывается у него тем, что именно и вносит искомую множественность в неразличимость бесконечно-малого. Бесконечно-малое, по Когену, есть не число, но принцип числа. Время есть та раздельность, которая привходя в бесконечно-малое, создает единство множественности, т.е. число, а не просто единство, не только «абсолютное единство». Что сказать об этом учении Когена?

Прежде всего, отметим и здесь здравую интуицию числа, без которой вообще нельзя получить категории числа. Число, видели мы, есть раздельность, т.е. единое и многое. Число, видели мы, есть порождение единого и многого. Число, наконец, есть порождение единого и многого из единого. Это — резюме того, что Коген до сих пор сказал о числе. Но пусть все это так и есть. Пусть мы отметили едино-множественную природу числа, самопорождающуюся как некое абсолютное единство. Если бы число обстояло *только* так, то мы бы имели, может быть, даже некое количество, *от которого совершенно нельзя было бы перейти к другому количеству*. В самом деле, пусть мы имеем число 10. Что оно есть некое единство, ясно. Что это есть единство раздельного, раздельных единиц, ясно. Что это раздельное единство есть результат некоего мысленного полагания, созидания, — также не вызывает никаких сомнений. Но ведь и *всякое число* есть единство, единство раздельности и мысленное становление, или созидание. Чем же отличается 10 от 11 и от 9? То, что мы говорим о единстве раздельности и даже о том, что в данном случае едино-раздельность, едино-множественность есть нечто индивидуальное, есть единичность, — ровно ничего не говорит о различии десятки от девятки. Девятка тоже обладает всеми этими качествами. Чего же тут не хватает? Не хватает *определенного числа полаганий, определенных размеров продвижения по числовому ряду*. Надо, чтобы мы не только отличали

одно полагание от другого, но чтобы, произведя определенное число полаганий, *остановились* и сказали: здесь остановка, и мы не движемся тут ни вперед, ни назад. Число — индивидуальность, единичность, «абсолютное единство» (Коген). Но надо, чтобы оно было индивидуальностью не просто порождаемой или самопорождающейся, не просто индивидуальностью едино-множественного, «самотождественного различия», но и — индивидуальностью *«подвижного покоя»*. Необходимо, чтобы число 10 указывало на пройденный мыслью путь, начиная с единицы, т.е. чтобы можно было как внутри самой десятки переходить от одного пункта к другому, так и выйти за пределы десятки, к 11, к 12 и вообще к любому числу. Без *подвижного покоя* число не есть число, а действительно некая неразличимость или только простая возможность числа, простая возможность подлинной раздельности. Поэтому, есть несомненный резон в Когеновой характеристике бесконечно-малого как «абсолютного единства». Хотя это и не подлинное абсолютное единство (ибо таковое уже на самом деле и насквозь было бы чуждо всякой раздельности), но все-таки оно — такое единство, которое отнюдь не есть единство подлинно раздельной множественности и, след<овательно>, определенная индивидуальность этой едино-множественности. Бесконечно-малое, конечно, содержит в себе раздельность, как и Платинова потенция неразличимого первоединства содержит в себе и несет с собой раздельность, так <как> иначе была бы уже чистая апофатика. Тем не менее, в бесконечно-малом раздельность дана *смутно, сплошно*, как неразличимая потенция различимости; это — не раздельность, но — становление раздельности, созидание едино-множественности. И надо еще *осуществить* эту потенцию, произвести в ней не реальные разделения, которые она несет с собой, но которых не выявляет. Множественность дана в ней так, что все раздельные моменты, из которых она состоит, даны *становящимися*, т.е. сплошь текучими и безграничными. Дифференциал не есть ведь конечная и определенная величина. Это — величина, но такая, которая бесконечно-мало отличается от нуля, и в какую бы бездну приближения к нулю мы не устремлялись, мы никогда

не схватим ее как некую вещь, никогда не ощутим ее в ее законченности. Это — как бы туман и воздух, который никак не схватишь и не охватишь руками. И если он, этот туман и уходящая в бесконечность мгла *сами себя не оформляют как некую определенность*, сами *по своей сущности* не окажутся уходящими в бездну, — бесполезно и стремиться охватить неохватнее. И вот, в постулировании этого нового момента, который бы произвел во мгле бесконечно-малого искомую раздельность, который бы произвел здесь осмысленно-раздельную множественность, — в этом Коген прав. Между бесконечно-малым и числом (беря то и другое как в его понимании, так и поднимая то и другое в сферу высшую идеальности) необходимо лежит момент *покоя, устойчивости* и притом покоя, образовавшегося, конечно, в результате *движения*, ибо надо, чтобы в недрах бесконечно-малого мысль раздельно *прошла* от одного пункта к другому и где-то в определенном месте *остановилась*. Нужен *подвижной покой*, а не только алогическое *становление*, пусть оно совершается по-Плотиновски сверх-сущно, или по-Когеновски — сущно, идеально. Несомненно, эта именно логическая интуиция числа руководствовала Когеном, когда он привлекал для конструирования числа категорию времени. Во *времени* он видел тот подвижной покой, который должен производить раздельность в недрах «бесконечно-малого». *Время* создает, по его учению, ту множественность, без которой нет числа, ту новую множественность, которая не есть уже только неосуществленный принцип множественности, какое-то становление неизвестно чего, неизвестно какого количества полаганий, но — реальную, осуществленную множественность, которая ясно говорит, сколько именно было полаганий, и что получилось в результате этого становления самотождественного различия в единстве сущего.

5) Но прав ли Коген в том, что он привлек для этих целей именно *время*? Что для числа нужна идея подвижного покоя, это мы считаем доказанным. Что именно эта интуиция подвижного покоя в числе толкала Когена ко времени, в этом легко убедиться всякому, кто внимательно проштудировал его *Логiku*. Но отвечает ли время на запрос его логической интуиции, и есть ли оно

то самое, что подлинно создает числу его подвижность в покое? *На это надо ответить вполне отрицательно.*

Число есть сфера, если не сверх-смысловая, то во всяком случае смысловая, не ниже смысловой. Когда мы мыслим число, мы мыслим нечто чисто смысловое, не переходящее ни в какую подчиненную сферу. Счет 1, 2, 3, 4 и т.д. и все операции над числами имеют природу совершенно вне-временную. Нелепо думать, что, если для нашего субъекта необходим известный промежуток времени, чтобы счесть то или иное количество, то этот промежуток необходим и для самой значимости числа. Раз мы ищем логическую природу числа и число понимаем не в прикладном, но в его чистом виде, то мы должны для этого таковые же категории и привлекать, т.е. логически-вневременные и чистые. Время есть нечто, что возникает уже при наличии готового смысла и, стало быть, числа. Не может быть временного, если нет ничего вневременного, между тем как это последнее вполне мыслимо и без примышления первого. Нельзя становиться и только становиться. Становление предполагает, что есть нечто, что именно становится. Чистое становление немыслимо и неохватно. И время, как тоже некоторый вид становления, уже предполагает нестановящееся, не-алогическое, т.е. логическое, смысл, вневременность. Время можно оценить и констатировать только тогда, когда в его сплошной и неразличимой текучести оказываются некоторые неподвижные и отдельные точки, могущие послужить пределом и принципом счета во времени. Чтобы было время, необходимо его оценивать, считать. А чтобы считать, надо сначала иметь число, ибо раз нет числа вообще, то нет его и в частности, т.е. в том реальном применении его в иноприродной среде, которая создает счетную множественность времени. Время — не число, но становление числа, и в нем диалектический синтез чистого числа с иноприродной, меональной текучестью его в инобытии. Можно ли, после всего этого, базировать понятие числа на понятии времени? Конечно, нет. *Не число определяется через время, но время — через число.* Время — подчиненная категория, возникающая как диалектическая инаковость числа; и надо сначала знать, что такое число само по себе, чтобы по-

том говорить о той меональной его модификации, которая и есть время. В числе у Когена не хватало подвижного покоя. И вот, он находит этот последний во времени.

Тут двойная нелепость. Во-первых, время, как мы говорим, само впервые получает определение через число, и Коген, оказывается, одну неизвестность определяет через другую. Во-вторых же, в этом самом существенном пункте своей философии числа он обнаруживает полную беспомощность в различении *становления* и *движения*. Для теоретика математического анализа и для суеверного поклонника понятия бесконечно-малого это совершенно скандальная история. Пусть этого не понимают спиритуалисты, метафизики и всякого рода натуралисты, им же несть числа. Но Коген, так остро и болезненно выдвигающий бесконечно-малое, в отличие от всякой конечной величины и конечного числа, этим свои смешением обнаруживает, что и бесконечно-малое, в сущности, он не может описать во всей его логической природе. Это смешение — удел всякого недialeктического мышления. Большинство, считающих себя философами и историками философии, не понимают, что становление есть сплошно-текучая и неразличимая инаковость смысла, а подвижной покой есть раздельно-устойчивая подвижность внутри нестановящегося, стационарно данного смысла. Если реально согласиться с Когеном в том, что число подлинно почерпает свою логическую значимость из стихии времени, то получилось бы, что число сплошь и непрерывно *течет, становится, меняется*. Вместо той смысловой текучести, которая есть в бесконечно-малом, мы получили бы новую текучую сплошность, уже надсмысловую, временную, которая решительно никакой раздельности не внесла бы в это бесконечно-малое, и оно ни в каком случае не стало бы тут числом. Другими словами, число и вся математика поплыла бы в алогическом потоке времени, и нам не за что было бы ухватиться в этом потоке, чтобы одно отличить от другого, и чтобы начать считать. Никакое вычисление, никакая формула не были бы возможны, но все потонуло бы в океане сплошного становления и неразличимости. Таким образом, время не дает того момента подвижного покоя, которого не хватало

Когену в его прежнем определении числа; оно заводит его в такую сферу, которая сама уже предполагает готовое и осмысленно-завершенное число.

б) Однако, все эти наши возражения возможны только потому, что мы время понимаем так, как считаем нужным его понимать, а не так, как о нем учит Коген. Если же мы вспомним, какое, собственно говоря, логическое содержание Коген вносит в понятие времени, и вспомним также наши возражения относительно логизации им времени, то получится довольно любопытная картина борьбы крупнейшего мыслителя с препятствиями, поставленными им самим себе же самому. Именно, число получает свою множественность, или единство множественности (вместо «абсолютного единства») или, как мы выражаемся, свой подвижной покой, — от времени; время же трактуется, в свою очередь, как предвосхищение, т.е. в сущности опять как объединение раздельного, т.е. как чисто-смысловая операция, т.е. как вне-временная сфера, т.е. как смысл и число. Мы можем уступить Когену в одном: раньше «антиципацию» мы истолковали как отождествление, т.е., по-нашему, как самотождественное различие; теперь мы согласны допустить (невзирая на туманность самого термина), что тут отмечается движение одного пункта к другому, которое вместе с тем и содержит в первом пункте этот другой, т.е. что по-нашему, тут имеется в виду подвижной покой. Но и от этой уступки дело не поправится, ибо никак нельзя понять, причем тут время. Не хватает момента подвижного покоя. «Антиципация», предположим, дает ее. Получается полное число. Но причем тут время? Толкуя о времени, Коген все равно ничего реально о времени не говорит, ибо не учитывает и не понимает самой стихии времени, алогического становления, а дает такую характеристику, которая подойдет ко всякому чистому смысловому бытию, к идее. Конечно, время должно быть осмыслено и определено в его идее. Но под именем времени дается у Когена не идея времени, а просто идея, чистая идея или момент в ней, но момент опять-таки чисто идеальный. Так обнаруживается в результате, что не дано определения ни времени, ни числа, хотя

исходные логические интуиции числа у Когена вполне правильны и достаточно четки.

7) Таким образом, вместо монолитной формулы числа как потенции сверх-сущего, переходящего в сущее, т.е. как потентно-энергийной единичности подвижного покоя самотождественного различия, Коген, под влиянием математически-естественно-научного суеверия, дал эту же самую классическую платоническую формулу, но — растянувши и разбросавши отдельные ее члены по тем областям, которые с самого начала были милы его сердцу, и которые он только и мог понять и удержать в своей системе. Единичность — сохранена у него в виде общего учения о сознании и предмете как о единствах, так что и «бесконечно-малое» и «реальность» и «число» трактуются им как разные типы единства. Единое как потенция единого — получило у Когена выражение в учении о «чистом происхождении», а положенность его в качестве основания всякого бытия — в учении о «бесконечно-малом» как принципе. Самотождественное различие отмечено им уже в сфере «принципа происхождения», ибо последний и трактуется как сохранение объединенной раздельности; кроме того, черты потребного для числа тождества и различия захвачены в понятии «антиципации». Все, что надо для логической конструкции числа, у Когена имеется. Но отсутствие диалектической ясности в связи категорий и идолопоклонничество перед математическим анализом и механикой привело к тому, что сверх-сущее единство было сведено почти к нулю, потенция получила вид после-идеального и только идеального осмысления, логический подвижной покой идеи был спутан с ее алогическим становлением, логическое самотождественное различие идеи было втиснуто в недра «происхождения» (платонически, в «потенцию»), а самое число померкло и повисло между беспредельной тьмой «бесконечно-малого» и алогической сплошной текучестью времени.

Таковы бедствия суеверия, фанатизма и ослепления мысли, принужденной работать под тяжелым гипнозом скоропреходящего вероучения эпохи.

18. < без названия >

Тут мы можем вновь вернуться к изложению философии числа у Когена, закончивши ряд необходимых замечаний в целях выяснения смысла и ценности Когеновых логических формул числа. У Когена, в интересующее нас области Логики, остается еще одна проблема, которой Коген венчает все здание своего учения о числе. Это — «суждение всѣйности» (Allheit).

<на этом рукопись обрывается>

Примечания

В предыдущем, 13-м выпуске нашего Бюллетеня за 2011 г. была начата публикация главы «“Логика чистого познания” Г. Когена и неоплатонизм» — заключительной из состава большой, частично сохранившейся в рукописи работы А.Ф. Лосева под условным (дано публикаторами) названием «О единстве онтологии». Рукопись не датирована, вероятнее всего, ее следует относить к первой половине 1920-х годов.

Завершаем данную публикацию. По возможности реконструированы библиографические сноски: номера их проставлены автором в рукописи, но сам текст сносок отсутствует. При публикации во всех случаях сохранялась орфография оригинала. Подчеркивания в рукописи переданы при публикации курсивом. Немногочисленные конъектуры помещены в угловые скобки вида < >. Использование прямых скобок [] в ряде цитат принадлежит автору.

*Публикация А.А. Тахо-Годи,
подготовка рукописи к публикации
и примечания В.П. Троицкого.
Работа выполнена в рамках проекта
РГНФ 11-03-00408а*

Что мы знаем о протоиерее Алексее Полякове? (неучтенные сведения о деде А.Ф. Лосева)*

О предках А.Ф. Лосев сохранилось, к сожалению, не так много сведений. Известно, что по материнской линии он происходил из священнического рода. Укорененность предков Алексея Федоровича в Церкви — не случайный факт для его биографии. Отсюда его глубокая религиозность, приведшая его в 1929 г. к принятию тайного монашеского пострига. Как писал митрополит Антоний Сурожский, «мы все являемся продолжением предыдущих родов и наследуем и добро и зло; каждое поколение передает следующему то, чего оно достигло, и то, чего оно не смогло достигнуть <...> бывает, что целый род поколений готовит веру, которая расцветает в одном человеке»¹. Вот почему представляется совсем нелишним приглядеться к судьбам лосевских предков.

В настоящей публикации мы хотели бы поделиться с читателями теми сведениями, которые нам удалось собрать о деде Лосева — протоиерее Алексее Григорьевич Полякове, в течение многих лет служившем настоятелем новочеркасского храма Архангела Михаила. В этом храме прот. Алексей и окрестил своего внука, тоже с именем Алексей, в честь свт. Алексия, митрополита Московского.

Алексей Поляков родился в 1834 г. Происходил он из донских казаков. О семье его известно только то, что отца его звали Григорием и служил он диаконом в слободе Завязка на реке Завязке Донской епархии². В дальнейшем слобода (до сих пор в Волгоградской области сохранилось село Завязка) была переименова-

* «Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 11-03-00408а».

¹ Антоний Сурожский, митр. Вера. М., 2011. С. 156.

² Сведения о том, что диакон Григорий служил в слободе Завязка, приведены в пункте об Алексее Полякове списка выпускников Воронежской духовной семинарии 1780–1880 гг., который с 1882 по 1884 г. публиковали Воронежские епархиальные ведомости. См.: Воронежские епархиальные ведомости. №3, 1883 г. С. 468.

на в хутор Завязинский, а потом образована станица Преображенская.

В начале XIX столетия здесь, в слободе Завязка Войска Донского Хоперского заката, была построена тцанием помещиков генерал-майора Силиванова и полковника Андрея Федоровича Мелентьева и в 1803 году освещена одноэтажная и однопрестольная деревянная церковь во имя Вознесения Господня с такою же деревянной колокольнею. По выселении крепостных крестьян церковь осталась в достояние хутора, заселенного уже казаками. Как сообщалось в 1825 г., церковь была «крепка, покрыта тесом, утварью довольна. Ограда вокруг церкви деревянная, с таковою же и караульною, в твердости. Отмежеванной земли при сей церкви не имеется, а пользуются священноцерковнослужители с прихожанами земель черезполосно, без ограничения количества десятин, коих по разноместности земли пахотной и сенокосной определить невозможно. Копии с метрических книг, исповедальных росписей и ревизских сказок хранятся в ризнице с описью в переплете. Обыскных книг семь, выданные из Хоперского духовного правления в 1802, 1805, 1808, 1810, 1817, 1822 и 1825 годах. Церковных домов, предназначенных церкви, не имеется, а живут священнослужители в домах собственных»³. В 1873 г. вследствие ветхости церковь была перестроена⁴.

Можно предположить, что в первой половине XIX века отец Григорий был дьяконом именно этой Вознесенской церкви. Также можно предположить, что Алексей был не единственным его сыном. Среди духовенства области Войска Донского мы находим имя Василия Григорьевича Полякова, о котором известно, что он «1839 года рождения, духовного происхождения, дьяконовский сын». Жена Анастасия Григорьевна (29.10.1841 года рождения). О нем также сообщается следующее: «Обучался в среднем отделении Зотовского духовного училища. 18 января 1857 года

³ Священники области войска Донского — интернет-ресурс <http://duhovenstvovd.ru/vozneshenskayaZaviazinskyPreobraghen.html>

⁴ См.: http://www.rostgenealog.ru/pub/region.php?id_area=25&id_region=36, а также интернет-ресурс <http://stanica.lg.ua/index.php?option=comcontent&view=article&id=177:2011-05-10-06-50-34&catid=1:2010>

определен в хутор Яменский к Рождество-Богородицкой церкви дьячком. 8 сентября 1858 года посвящен в стихарь. 21 февраля 1864 года по прошению его перемещен к Дмитриевской церкви станицы Дурновской. 24 апреля 1871 года по прошению перемещен к Рождество-Богородицкой церкви Котовской станицы. 9 января 1873 года за усердную службу получил архипастырское благословение. Грамоту и указ имеет»⁵. Не исключено, что этот «исправляющий должность псаломщика дьячок Василий Григорьевич Поляков» — не кто иной, как младший брат отца Алексея⁶.

Юношей Алексей поступил в Воронежскую духовную семинарию. Вероятнее всего, что он поступил в 1851 г. — обучение в семинарии занимало около шести лет. Выбор именно Воронежской семинарии был запрограммирован: в те годы это было обычно для священнических семей с Дона — до 1829 г. отдельной Донской епархии не существовало. История становления Воронежской духовной семинарии, старейшего учебного заведения Воронежского края, теснейше связана с именем святителя Тихона Задонского, в 1765 г. восстановившем семинарию при архиерейском доме, основанной еще в мае 1745 года по указу епископа Воронежского Феофилакта (Русанова). В 1779 г. был введен полный курс обучения. Семинария имела одну из лучших библиотек. В 1817 г. семинарии было предоставлено особое здание, а в 1854 г. при ней открылось миссионерское отделение. В годы учебы отца Алексея Воронежскую епархию возглавлял архиепископ Иосиф (Богословский), а ректором семинарии был — Иларион (Боголюбов)⁷. В 1857 г. Алексей Поляков окончил семинарию по второму разряду⁸.

⁵ Священники области войска Донского — интернет-ресурс <http://duhovenstvovd.ru/poliakovVasilyGrygoriev.html>

⁶ В 1888–1913 гг. в Вознесенской церкви служил псаломщиком Федор Иванович Поляков — возможно, также какой-то родственник. Среди донского священства встречаем имя Ивана Ивановича Полякова.

⁷ Об истории Воронежской духовной семинарии см.: *Никольский П.В.* История Воронежской духовной семинарии». Ч. I–II, Воронеж, 1898–1899; Воронежская и борисоглебская епархии // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 372, а также на официальном сайте Воронежской духовной семинарии: <http://www.vpds.ru/istoriya-seminarii/33>

⁸ См.: Воронежские епархиальные ведомости. №3, 1883 г. С. 468.

Чтобы быть рукоположенным, семинарист должен был жениться. Алексей Поляков решил связать свою судьбу с Евдокией Алексеевной Житеновой. Она была младшего своего мужа на два года, родилась в 1834 году, и раньше него скончалась (точно дата смерти ее нам пока неизвестна). Житеновы были казаками, происходили из станицы Урюпинской. Многие из них участвовали в боях и стычках с ранней юности. Отец Евдокии Алексеевны, Алексей Евдокимович Житенев, был сыном есаула, участвовал в Битве народов под Лейпцигом под командованием генерал-лейтенанта графа Ф.В. Ридигера, предка патриарха Всея Руси Алексия II, получил орден св. Георгия за участие во взятии Парижа. Дослужился до сотника, но умер рано, в 1839 г.⁹

После окончания Воронежской семинарии в 1857 году, 23-летний отец Алексей был рукоположен архиепископом Иоанном (Доброзраковым), возглавлявшим Донскую епархию с 1847 по 1867 гг. и получил приход в станице Тепикинской, находящейся и по сей день в Урюпинском районе Волгоградской области.

Известно, что уже в 1672 г. на Хопре существовал, в числе других девятнадцати небольших городков, городок Тепикин. По преданиям считается, что основателями его были выходцы из Рязани. В начале XIX века здесь с 1796 по 1802 годы была выстроена церковь Архистратига Михаила. «Строили на пожертвования, а подсобные работы, не требующие особого мастерства, выполняли сами будущие прихожане. Первые иконостасы заполняли иконами, принесенными излома. Поскольку станица в ту пору была богатой, то храм возвели высоким и просторным, внутри украсили дорогим убранством. Настенные фрески кисти лучших живописцев, золоченый иконостас, два огромных паникадила — все это, по словам старожилов, вывело Тепикинскую церковь в число лучших в Хоперском округе»¹⁰. Как сообщалось в конце XIX в. церковь была «каменная, с такой же колокольней, покрыта

⁹ О Житеновых см.: Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т.2. М., 2002. С. 658–660.

¹⁰ Каратаева Т. А. Станица Тепикинская, интернет-ресурс: <http://urupinsk.org/publ/3-1-0-37>

листовым железом, крепка и по числу прихожан поместительна. Ограда вокруг нее каменная. Престолов в ней два — главный во имя святого архистратига Михаила, а другой предельный, во имя усекновения главы святого Иоанна Предтечи. Утварью снабжена достаточно. Церкви принадлежит каменная караулка, покрытая листовым железом, каменная богадельня с одной комнатой, и три каменных лавки»¹¹. В 1930 году церковь закрыли, сбросили со звонницы колокола, а в 1937 году в старинном большом добротном доме, где находилась когда-то церковно-приходская школа, открыли библиотеку¹².

Именно в этом храме в середине XIX века и начал служить отец Алексей. По некоторым сведениям, служение его здесь началось с 14 сентября 1858 г.¹³, то есть (по старому стилю) в праздник Воздвижения честного животворящего Креста Господня. Отец Алексей теперь находился приблизительно в 80 километрах от места служения своего отца. Но это расстояние по прямой, а реальный маршрут был еще длиннее. Так что в станице Тепикинской он должен был с самого начала вести жизнь самостоятельную. При этом, как сообщалось, и в конце XIX века «особоотмеженванной земли при церкви» не было, священнослужители пользовались землей с дозволения прихожан, а жить должны были «в собственных деревянных домах, построенных на станичной земле», причем «на содержание священнослужителей определенного жалования ни откуда не получается, а пользуются они доходами от прихожан, за исправление духовных треб»¹⁴.

Не исключено, что именно для содержания себя и растущей семьи о.Алексей решился вступить на преподавательское по-

¹¹ Священники области войска Донского — интернет-ресурс <http://duhovenstvovd.ru/voznensenskayaZaviazinskyPreobragen.html>

¹² Там же.

¹³ Священники области войска Донского — интернет-ресурс <http://duhovenstvovd.ru/voznensenskayaZaviazinskyPreobragen.html> Здесь же он числится на приходе до 1876 г.

¹⁴ Священники области войска Донского — интернет-ресурс <http://duhovenstvovd.ru/voznensenskayaZaviazinskyPreobragen.html>

прище: в станице Тепикинской он в течение 15 лет прослужил законоучителем в приходском училище. Судя по всему, как-то был связан он и с преподаванием еще в одной донской станице, в Усть-Медведицкой (ныне город Серафимович) — на это наводят слова из некролога, где говорится, что отец Алексей был в эти годы «удостоен благословения Святейшего Синода по ходатайству г. директора Усть-Медведицкой гимназии».

Дочерей своих — Наталью и Марфу — отец Алексей и Евдокия Алексеевна Поляковы воспитывали строго. Религиозная атмосфера в доме не прошла для них бесследно. Благочестивость, набожность были свойственны Наталии Алексеевне, матери Лосева. Недаром Лосев писал в 1909 г., что она воспитала его «в христианском духе, научая жить, как велел Христос, и трудиться во благо ближнего»¹⁵. Марфа Алексеевна, тетка Алексея Федоровича, вышла замуж за священника Стефана Власова, будущего настоятеля храма в станице Каменская. Известно, что отец Стефан уже в 1889 г. служил в Свято-Покровской церкви, освящение которой состоялось в 1829 г. Церковь считалась второй по величине на Юге России после Новочеркасского собора¹⁶. В Каменскую часто навещался вместе с матерью Лосев, проводя там свои каникулы, поэтому жизнь священнической семьи тетки была знакома ему не понаслышке. К тому же отец Стефан был крестным маленького Алеши.

В 1874 г. отца Алексея перевели в Новочеркасск. Это было сделано по воле архиепископа Платона (Городецкого, 1803–1891; с 1882 г. — Митрополит Киевский и Галицкий), возглавившего Донскую епархию с 1867 по 1877 гг. Правящий архиерей заметил молодого священника, который к тому времени был членом благочиннического совета по Урюпинскому благочинию и депутатом по училищным делам. Отец Алексей был не только направ-

¹⁵ Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. — Т.2. — М.: Время, 2002. С. 183.

¹⁶ См. интернет-ресурсы: <http://webkamensk.ru/job/itemlist/tag/%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F.html>; http://www.kamensk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=19:2009-06-26-08-59-25&catid=13:2009-07-02-16-31-17&Itemid=35

лен на службу в Церковь святого Николая¹⁷, но и принят в члены Донской духовной консистории (т.е. присутственного места при епархиальном архиерее). В 1876 г. архиепископ Платон назначил его настоятелем Михаило-Архангельского храма, считавшегося одним из лучших приходов в Новочеркасске. В 1877 г. был возведен в сан протоиерея, а впоследствии награжден несколькими орденами и медалями.

Из всей деятельности о. Алексея больше всего известно о его службе в сане настоятеля Михаило-Архангельской церкви, в том числе благодаря книге С.П. Чибисовой «История Новочеркасского Михаило-Архангельского храма» (2002). При нем в 1876–1878 к храму была пристроена колокольня, а в 1880 г. открыт нижний храм с двумя пределами, главный из которых был посвящен св. Пантелеимону, а боковой преп. Симеону Юродивому и Иоанну Постнику¹⁸. В начале 1890-х годов при храме была открыта женская церковно-приходская школа¹⁹. «К началу XX века приход Михаило-Архангельского храма состоял из 1368 дворов с населением в 5924 человек. Это был крупнейший и лучший приход столицы Донской епархии», — пишет С.П. Чибисова²⁰. Благодаря крупным пожертвованиям прот. Алексей имел возможность богато украсить храм. К примеру, в 1895 г. «во всех трех

¹⁷ С приходом советской власти церковь была уничтожена. Вот что сообщается на сайте <http://vsobor.narod.ru/index1.htm> о ее дальнейшей судьбе: «Не стало Никольской церкви. Нет Никольской площади. Но есть память о них. Память попытался материализовать 19 ноября 1995 года протоиерей Михаило-Архангельской церкви г. Новочеркасска о. Олег Добринский. Он установил на площади Левски (бывшей Никольской) “при громадном стечении верующих новочеркасцев” большой деревянный крест в центре площади в память о “разрушенной большевиками” Николаевской церкви. И стоит этот крест, несмотря на некоторое общественное волнение, прокатившееся по Новочеркасску в начале 1996г. Деревянный крест подвергся нападению и осквернению неизвестными. Тогда о. Олег добился изготовления и установления на прежнем месте креста из металла, который и стоит на своем месте до настоящего времени».

¹⁸ Чибисова С.П. История Новочеркасского Михаило-Архангельского храма. Новочеркасск, 2002. С. 20–21.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Там же. С. 31.

приделах верхнего этажа были установлены серебряные царские врата, весом 7 пудов в главном алтаре, и по 4 пуда в малых алтарях, из серебра 84 пробы... стоимостью более 20 тысяч рублей»²¹.

Протоиерей Алексей скончался 28 апреля 1900 г. на 67 году жизни. Прослужил отец Алексей в священном сане более 42 лет. Канву его жизни можно проследить по некрологу, который мы целиком воспроизводим ниже. Его смерть Лосев назвал своим самым памятным детским воспоминанием. Он рассказывал: «Когда умер дед, и его хоронили, мать плакала. А перед этим она уже была брошена моим отцом. И мой дед, её отец, был нашей единственной опорой в жизни»²².

На следующий день после смерти о. Алексея правящий архиерей епархии архиепископ Донской и Новочеркасский Афанасий отслужил в квартире покойного панихиду. В одной из произнесенных надгробной речей отмечалась выдающаяся пастырская и епархиальная деятельность о. Алексея, его «светлый, здравый ум... особенная ясность, естественность и общедоступность передачи своих мыслей»²³; в другой о нем говорилось, как о «прекрасном товарище», «понимавшем братство и умевшем жить по-братски», «с которым можно было разделить и горе, и радость, побеседовать откровенно»²⁴. Вполне вероятно, что Алеша слышал надгробные речи, и слова о достоинствах деда отпечатались в юном уме вместе с памятью о нем.

Ниже мы целиком публикуем эти речи: «Слово при гробе...» протоиерея Василия Петрова и «Речь при отпевании...» протоиерея Николая Кратирова, напечатанные, как и некролог, в № 16 «Донских епархиальных ведомостей» за 1900 г. Скажем несколько слов и об авторах.

О прот. Василии Петрове известно, что он служил в Александро-Невской церкви и исполнял обязанности городского

²¹ Там же. С. 29.

²² Лосев А. Ф. Когда кончал гимназию // Студенческий меридиан. 1992. №9. С. 11.

²³ Слово при гробе прот. Василия Петрова. См. публ. в настоящем Бюллетене.

²⁴ Речь при отпевании прот. Николая Кратирова. См. публ. в настоящем Бюллетене.

благочинного. Последнее объясняет, во-первых, почему он произносил слово при гробе о. Алексея и, во-вторых, общий и формальный характер этого слова: по-видимому, о. Василий не был близко знаком с усопшим и произносил речь по долгу службы. Исключение из ряда общих слов составляет похвала «ясному и вдумчивому» уму о. Алексея, основанная, как кажется, на реальном опыте общения с почившим протоиереем.

Из речи о. Николая Кратирова понятно, что он, напротив, тесно дружил с покойным. Между ним и о. Алексеем даже существовала договоренность, что один скажет последнее слово на похоронах другого. Вероятность оказаться в роли выступающего с такой речью была больше у о. Николая: он был моложе о. Алексея на восемь лет.

О. Николай Кратиров был далеко не последним новочеркасским священником. Он имел степень магистра богословия и преподавал в нескольких учебных заведениях: Донской духовной семинарии, Новочеркасской учительской семинарии, Мариинском Донском женском институте. Кроме этого, о. Николай цензурировал «Донские епархиальные ведомости». Когда в Новочеркасске был достроен и освящен Вознесенский собор, то о. Николай стал его настоятелем. Это произошло уже после смерти о. Алексея. О. Николай пережил его на 15 лет и скончался 27 марта 1915 г. 73 лет от роду.

Любопытна судьба детей о. Николая. Сыновья Николай Николаевич (1880–1952) и Алексей Николаевич (1882–1958) пошли по дипломатической линии и служили в Императорском российском посольстве в Риме. Алексей Николаевич окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Революция вынесла их в эмиграцию во Францию. Они принимали активное участие в эмигрантской жизни, особенно этим отличался Николай Николаевич. После смерти братьев похоронили на известном кладбище русских эмигрантов Сент-Женевьев-де-Буа²⁵.

²⁵ См.: Российское Зарубежье во Франции, 1919–2000: биограф. Сл.: в 3 т. Т.1. М., 2008. С. 752.

Протоиерей Алексей Поляков. (Некролог)²⁶.

28 апреля настоящего года мирно почил о Господе о. настоятель градской Михайло-Архангельской церкви протоиерей Алексей Григорьевич Поляков. Давно уже упорная хроническая болезнь начала подтачивать сильный организм крепкого по телосложению и всегда бодрого духом о. протоиерея; но он видимо после острого периода болезни начал поправляться и, казалось, еще долгое время ему суждено служить у престола Господня и стоять у кормила правления Донской епархии. Однако, судьбы Божии неисповедимы: не стало служителя алтаря Господня, окончил дни земного странствия всеми уважаемый о. протоиерей, почтеннейший возрастом, но представительный и совершенно непохожий на 66-летнего старца, в каком возрасте он скончался.

О. протоиерей Алексей Григ<горьевич > Поляков — казачье-го происхождения, сын диакона. Весь он принадлежал славному войску Донскому и все свои силы посвятил на служение гражданам этого войска: он опытно знал быт и особенности жизни станичной и хуторской, почему был в особенности полезным членом-деятелем за долгий период свыше четвертивековой службы своей в местной консистории. Образование свое он получил, как и большинство Донских священно-иереев до 1868 года, в Воронежской Духовной Семинарии, курс в которой окончил в 1857 году. 23 лет он делается священником: Высокопреосвященнейший Иоанн, почивший Архиепископ Донской, рукоположил его в сан священника к Тепикинской Архангельской церкви. Как особенность в прохождении о. Алексием своей службы нужно отметить его усердные занятия в Тепикинском приходском училище в течение свыше 15 лет в должности законоучителя: за эти занятия он награжден набедренником, удостоен благословения Святейшего Синода по ходатайству г. директора Усть-Медведицкой гимназии, а при оставлении законоучительской

²⁶ Напечатан: Донские епархиальные ведомости. 1900. №16. С. 376–378.

должности в 1874 году награжден годовым окладом жалованья 100 р. Выдающиеся служебные качества, аккуратное, точное и в тоже время сердечное исполнение не только прямых обязанностей, но и всяких поручений, какие возлагались на молодого священника по званию то следователя и члена благочиннического совета по Урюпинскому благочинию, то депутата по училищным делам, не могли не обратить на него особого внимания такого Архипастыря, каким был Высокопреосвященнейший Платон, впоследствии Митрополит Киевский и Галицкий: он приблизил его к себе, переместил в город Новочеркасск к Николаевской церкви и сделал его членом Донской Духовной Консистории. Это было в начале 1874 года. Не прошло и 2-х лет, как тот же Архиепископ переместил о. Полякова на лучший приход к Михайло-Архангельской церкви, где он и служил по день своей кончины. Таким образом, почивший о. протоиерей почти все время своего пастырства провел под святым покровом небесных сил, служа в храмах, посвященных Архангелу Михаилу и прочим бесплотным силам. Не нам говорить о том, каким добрым влиянием на свою паству пользовался почивший священнослужитель, сколько добра принес он вверенным его попечению душам и примером своего служения, и пастырским словом; не нам и не здесь, в кратком некрологе распространяться о его трудах, его строгой исполнительности по делам, касавшемся местного управления: это в значительной степени отмечено и в речах, произнесенных при погребении; мы помним о. Алексея и как члена областного статистического комитета, в каковом звании он состоял по назначению от Донской Духовной Консистории свыше 22 лет; знаем и то, что епархиальное начальство всегда отличало благородную, честную деятельность о. протоиерея и, чем могло, награждало его. Так, в 1872 г. он пожалован был бархатной фиолетовой скуфьей, в 1877 году камилавкой, в 1882 году наперсным крестом, в 1887 г. был возведен в сан протоиерея; за отличие по службе Высочайше был награжден орденами: св. Анны 2-ой степени в 1892 г. и св. Владимира 4-й ст. в 1896 г.; орден св. Анны 3-й ст. был пожалован ему, по статуту, за 12-летнее прохождение должности члена Донской Духовной Консистории в 1887 году.

Сверх того почивший о. протоиерей имел медаль в память императора Александра III и знак Красного Креста.

Погребение о. Алексия Полякова состоялось в воскресенье, 30 числа апреля, при многочисленном стечении прихожан и массы народа. Бренные останки его преданы земле на городском кладбище.

СЛОВО
при гробе протоиерея Новочеркасской
Михайло-Архангельской церкви
Алексия Григорьевича Полякова (*) ²⁷.

*Мне еже жити Христос, и еже
умрети приобретение (Филипп. I, 21).*

Вот правило жизни великого учителя народов — святого апостола Павла: для него жизнь — Христос, и смерть — приобретение. Это же должно быть правилом жизни и всякого истинного христианина. Жить для того, чтобы всей душой веровать в Господа нашего Иисуса Христа, всем сердцем любить Его, исполнять Его святые заповеди, служить Ему словом и делом, всецело быть преданным Ему, осуществлять и воплощать в себе образ Его св. жизни, всегда памятовать о Нем, входить в теснейшее общение с Ним в святых таинствах и молитве, быть живым членом церкви Христовой, — вот истинная, действительная, а не мнимая жизнь последователя Христова, исполненная чистых, святых наслаждений духа. Умереть для такого христианина составляет истинное приобретение: приобретение потому, что *не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем* (Евр. XIII, 14); что не здесь — на земле наше истинное отечество, а там — на небесах, в вечном царстве Христа Спасителя нашего; что живя здесь *по веку мира сего* (Ефес. II, 2), прилепляясь к благам его, мы удаля-

* Произнесено пред пением трогательной песни «Со святыми упокой».

²⁷ Напечатано: Донские епархиальные ведомости. 1900. №16. С. 364–369.

емся от небесного отечества нашего, лишаемся его, а умирая о Господе (Апок. XIV, 13), приобретаем блага нетленные и вечные, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (I Кор. II, 9). Такова в особенности должна быть жизнь и таково преимущественно должно быть расположение духа пастыря словесного стада Христова. Служение пастырское более, чем какое-либо другое из земных служений, делает человека близким Христу и побуждает жить во Христе. Это служение уподобляет простого смертного Божественному Пастырю, вводит его в дело Христово, в труд Его и дает право на участие в славе Христовой, в славе Искупителя и Пастыря всего мира. В жизни пастыря пасомые желают видеть осуществление самым делом учения евангельского, живой пример христианской жизни. Пламенея чистою любовью к Богу, пастыри в деятельном богоугодии своем не могут ограничиваться общими для всех правилами деятельности христианской и довольствоваться обыкновенными подвигами благочестия, но должны с особенной ревностью и пламенной любовью к Спасителю, со всей крепостью сил стараться служить и благоугождать Ему высшими подвигами благочестия. Предстоя пред престолом Божиим в молитве, пастыри должны живо представлять себе бесконечное величие Вседержителя, поклонение Ему тысячей тысяч и тьмы тем ангелов небесных и святых чело-веков, вездесущие и всеведение, бесконечную благодать, правду и святость Отца нашего небесного; за великое счастье почитать беседовать в молитве с Ним, Господом нашим, Пречистой Матерью Его, с ангелами и всеми святыми; постоянно представлять близость Бога к самим себе так, что мы ежеминутно Им дышим, просвещаемся и освящаемся, утешаемся и укрепляемся, словом, Им живем, по писанию: *о Нем бо живем, движемся и есмы* (Деян. XVII, 28). Пастыри в жизни своей должны искать прежде всего царствия Божия и правды Его и твердо уповать, что прочее все, по обетованию Господню, приложится им (Матф. VI, 33).

Почивший о Господе собрат наш и отец протоиерей Алексей Григорьевич Поляков всего себя и всю жизнь свою посвятил служению Небесному Пастыреначальнику, Христу Спасителю нашему. Принадлежа по своему происхождению к семье свя-

ценнослужителя, он еще в детстве приоблек славословить пречестное и великолепное имя Господа, призывать Его в различных обстоятельствах жизни и благодарить за всякое даяние благое и за всяк дар, свыше сходяй от Отца светов. Воспитанный в школах духовных, в которых евангельское учение Христа Спасителя и служение Ему поставляется главными предметами изучения и усвоения, он с особенной ревностью и напряжением сил старался приготовить себя к достойному служению и жизни *в дому Божии* (I Тим. III, 14). По окончании образования, почивший вскоре вступил на путь пастырского служения Христу Спасителю и делу вечного спасения людей. Начав это служение в скромной веси и будучи выдающимся пастырем церкви по своим природным качествам и ревностной деятельности, он после шестнадцатилетнего служения призывается приснопамятным святителем Донской паствы, впоследствии Архипастырем Киевской Митрополии, в епархиальный наш город и здесь приглашается к сотрудничеству самому Архипастырю в делах епархиального управления. Прослужив двадцать шесть лет в должности члена правящего епархиального учреждения, усопший был усердным соработником шести Архипастырей, преемственно окормлявших и ныне окормляющего паству Донского Святителя нашего. Продолжая в тоже время служение приходского пастыря, почивший в течение сорока двух лет нес благое иго Христово, ревностно исполняя свои обязанности, истово и благоговейно совершая службу Божию, усердно проповедуя слово Божие и бдительно руководя своих пасомых в жизни христианской и достижении ими вечного блаженства на небесах. Столь продолжительный период пастырской и епархиальной деятельности почившего составляет слишком заметную страницу в истории нашей епархии. Его светлый, здравый ум, необыкновенно простой, бесхитростный склад мысли, особенная ясность, естественность и общедоступность передачи своих мыслей, кои издавна отличали усопшего брата нашего, были причиной того, что деятельность его оставила после себя слишком приметный след и самое светлое воспоминание в сердцах знавших его. Любил он во все всматриваться, вдумываться, обо всем составлять свое понятие и убеж-

дение. Судьбы церкви и судьбы отечества были дороги и близки его сердцу. Ни одно важное событие церковное и отечественное, ни один сколько-нибудь важный вопрос общественный не проходил мимо него незамеченным, ни к чему не относился он безучастно и безразлично. В особенности любил почивший свое дело приходского пастырства, Христа ради им на себя принятое, любил это высокое, благотворное служение ближним; он радовался радостями этого служения и болел его скорбями. Сколько радостей испытал он в молитвенном общении со своими пасомыми, в союзе и единомудрии с ними, в своих простых, сердечных беседах к ним! И сколько тревожных, тяжелых дум и обстоятельств этого служения пережил добрейший отец Алексей! Жизнь его была поистине жизнью раба, благого и верного, который был верным Господу в малом который достоин слышать обращенный к нему сладчайший глас Господа: *рабе благий и верный! о мал был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа Твоего* (Матф. XXV, 21).

Будучи сердечно предан святому долгу пастырского служения и епархиальной деятельности, почивший собрат наш часто переносился мыслию в жизнь загробную, часто задумывался над будущей своею участью, стараясь верой постигнуть образ загробного нашего существования. Среди таких размышлений нередко глубокий вздох вырывался из груди его и тихая молитва слышалась из уст его.

Давно уже верующему сердцу его смерть представлялась приобретением. Уповаем, что возлюбленный собрат наш отец Алексей подлинно владеет теперь тем приобретением, какое дает истинному христианину христианская, непостыдная кончина живота нашего.

Вознесем, братие, еще и еще горячую молитву, да упокоит милосердый Господь любезную всем нам душу раба Своего новопреставленного протоиерея Алексея и да почует он от трудов своих (Апок. XIV, 13) в бесконечном царстве Христовом, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Аминь.

Протоиерей В. Петров.

**РЕЧЬ,
сказанная при отпевании протоиерея
Михайло-Архангельской церкви
о. Алексия Полякова²⁸.**

Возлюбленный о Господе почивший брат! На меня пал печальный жребий исполнить то, что было условлено между мной и тобой при твоей жизни, — я должен сказать тебе последнее прости.

Неожиданно скоро прервалось твое земное странствование. Не думали мы, что ты так скоро соберешь нас вокруг твоего гроба, чтобы оплакивать твою кончину. Да, именно оплакивать: ты достоин этого, ты заслужил это. Тебя оплакивают твои дочери, для которых ты был любящим отцом и заботливым воспитателем. Тебя оплакивают прочие присные твои, которых ты радовал твоею родственною ласкою. Тебя должны оплакивать твои прихожане, которым ты неленостно служил в течение многих лет. Они лишились в тебе чтимого отца духовного и любимого пастыря, усаждавшего их внятным, благоговейным, задушевным, умирительным совершением служб церковных. Слово назидания, с которым ты неослабно обращался к ним, не из уст твоих только исходило, но и из глубины твоего сердца, а потому не только охотно слушалось, но и трогало сердца слушателей: оно было слово живое и потому действенное. О тебе не может не сожалеть наше епархиальное управление, в котором ты был деятелем многоопытным и благонамеренным, тружеником добросовестным, судьей нелицеприятным и немздоимным. О тебе не могут не сожалеть твои сослуживцы, которые лишились в тебе прекрасного товарища, понимавшего братство и умевшего жить по-братски. Тебя не могут не оплакивать твои подчиненные, для которых ты был начальником справедливым, руководителем благорасположенным. Тебе чужда была мысль властвовать над ними, не в твоём характере было свысока относиться к низшим тебя, ты не был способен употреблять во зло предоставленную

²⁸ Напечатана: Донские епархиальные ведомости. 1900. №16. С. 369–371.

тебе власть. Оплакиваем тебя все мы, тебя знавшие, так как знали в тебе человека с добрым сердцем, приветливого, искреннего, не знавшего лукавства и притворства, с которым можно было разделить и горе, и радость, побеседовать откровенно, поговорить, что называется, по душе, не опасаясь за последствия, не опасаясь, что ты злоупотребишь откровенностью.

Прощай же, возлюбленный брат, и прости нам то, чем мы согрешили пред тобою.

Прот. Н. Кратиров.

Примечание публикатора

При републикации текстов были сохранены элементы дореволюционной орфографии. Например, оставлено по-старому написание имени деда Лосева — «Алексий» или некоторые «старые» окончания, в которых вместо «й» стояло «ю» («твоею родственною ласкою»). Сокращенные названия библейских книг приводятся как в печатном оригинале.

Подготовка публикации и примечания В.С.Рожнова

Г.Д. Белова

Поминайте учителей и наставников ваших... (Памяти Алексея Федоровича Лосева)¹

продолжение

Жизнь наша тогдашняя продолжалась и всё такая же беспокойная. Возмечтал Кашкаров уехать за границу. Причин, как ему казалось, было много. Сначала мечтал тайно, а потом и явно. И сразу стал волноваться: не повредит ли это старику? Ведь он редактор его работ. По зрелом размышлении решили, что если ехать без шума, сразу, как бы тайно, то ничего. Старик будет ни при чем. После чего Данилыч побежал на Арбат. Там его убеждали не уезжать, предлагали одолжить денег на кооператив, чтобы жить отдельно от матери, но ничего не помогло. Очень уж хотелось.

Уехать в те времена было трудно, но можно. Евреям. Хитроумный наш Одиссей разузнал, что во время войны архив города Курска не успели вывезти и он весь утрачен. Это первое. Во-вторых, верные, уже отъехавшие московские евреи организовали ему родственный вызов из Израиля. Тут не обошлось без затруднений. Наш «еврей» Кашкаров пришел в редакцию и говорит, что получил вызов от человека, но по имени и фамилии не может определить мужчина это или женщина. А ведь надо знать, кто тебя вызывает — дядя или тетя! Мы тоже определить не смогли. Пришлось ему обращаться к знающим ортодоксальным евреям. Те определили. Вздохнув посвободнее, Юра пишет заявление, что у него была бабушка еврейка, жила до войны в Курске и там погибла. А теперь его вызывают родные на истори-

¹ Начало публикации см. в выпуске «Бюллетеня» № 14 (2011).

ческую родину. После этого с большой опаской ждет результата и отрачивает усики.

Мне-то кажется, что в КГБ тогда были умные сотрудники. Небось решили наплевать на всю эту липу: хочешь, ну и езжай! Забегая вперед, скажу, что когда в один из невыносимых приступов ностальгии Данилыч хотел вернуться, то его мама, Елизавета Федоровна Попова, большевичка до мозга костей, заслуженная учительница, награжденная в числе прочего и орденом Ленина, пошла в КГБ. Там ее приняли двое в штатском, она стала просить, а потом и настаивать, чтобы ему разрешили вернуться, потому что он больной. Они ей ответили: «Больной? Ну, сидел бы здесь и лечился! У нас медицина бесплатная. А вы, уважаемый человек, а сына распустили!» И отказали. Этим тогда дело и кончилось. Но это потом.

А тогда получает Юрий Данилович разрешение на выезд и бежит в Охотный ряд фотографироваться на загранпаспорт. Принес потом паспорт, показывает фото и спрашивает, похож ли он на еврея. Похож, говорю, все равно ведь главное, что у тебя бабушка из Курска еврейка.

Получивши документы, отправив, в целях конспирации, багаж в Израиль и взяв билет до Вены, направился Юрий Данилович на Арбат, прощаться. Пришел и рассказывает: «Я говорю старику, что еще увидимся, а он мне сказал, что теперь уж не увидимся: уехал — все равно, что умер, это как покойник». Но рассказал мне Данилыч не все. Позже я узнала, что Алексей Федорович сказал еще так: «Не будет вам Юра с Сашей счастья!» По большому счету старик оказался прав, так оно и вышло. И, наверное, переживал, что его лучшие верные издатели разъезжаются, бросают его. Ведь Саша Воронин тоже много издавал Лосева и перед своим отъездом в Чехословакию издал в «Мысли» «Эстетику Возрождения».

Саша Воронин через несколько лет вернулся в СССР. За неформальное поведение (с политической подкладкой) он был объявлен персоной нон грата и выслан в 24 часа из Праги; карьера его была сломана. Алексея Федоровича он по-прежнему любил, приходил в гости, даже строил какие-то планы. Но при всем

своем блистательном интеллекте начальником Саша уже не был и помочь Лосеву в издательских делах не мог.

Кашкаров первый раз приехал из Америки в Россию в 1988 году и попал точно на сорок дней по Алексею Федоровичу.

Юра Кашкаров прожил в Америке восемнадцать лет, занимался журнальной деятельностью, написал прекрасную прозу, но в первое время было ему там очень лихо. Переписываться с ним было нельзя, но окольным путем сведения до нас доходили. Матери он писал бодрые письма, но доходила до Арбата и печальная правда. Я остро переживала Юрины несчастья, и мы обсуждали это. Остались у меня записи того времени, читая которые, надо сделать скидку на молодость писавшего, то есть мою.

Приведу фрагменты этой записи, касающейся Алексея Федоровича.

«25 марта 1977 г.

Я пошла в субботу, (это, наверное, 20-го марта), к Лосеву; понесла работу. Встретили меня как всегда очень любезно, и даже, пожалуй, теплее обычного. Сначала мы беседовали с Азой Алибековной и я ей показывала, что и как сделано из шестого тома, что надобно бы проверить секретарям и т.д. Она дала мне еще большой кусок, который вряд ли будет легче, тем более, что это двести нестандартных страниц от руки. Буду делать. Надо все это сделать, чтобы потом меньше мороки. Мы разговаривали по делам и очень громко, строили планы как бы сделать, чтобы все вышло и никакой материал не пропал, чтобы “История античной эстетики” была действительно полной и завершенной. Статрик большой хитрец, но какой же милый, необыкновенный человек. Он был в кабинете, и я подозреваю, что проснулся и внимательно все наши разговоры слушал. Наконец, видимо решив, что пора и самому вмешаться, вышел потихоньку. Стали мы здороваться и впервые за все время он по-родственному подставил мне свою щеку. «Ну, — сказала Аза Алибековна, — целуйтесь!» Я поцеловала его в щечку, а он мне руку поцеловал. Вот ведь рыцарь старинных времен! Он розовенький, мягонький, большой — ведь рост-то у него велик, хотя теперь он уже несколько

сутулится, — очень ясный, хотя выражение его лица зачастую с хитрецей, или юмористическое, или ироническое. Очень живое выражение! Сколько всего в человеке, мыслей, чувств, эмоций, наконец, интеллекта десять вагонов, если такое живое, быстро меняющееся выражение лица при том, что глаза закрыты, а когда открыты, то без выражения. Ведь он не видит ничего.

Георгий Карлович Вагнер меня однажды спрашивал, каков Лосев в общении. Его оказывается интересовало — прост ли он? “Очень, — ответила я, — а как же иначе может быть?” “Ну, — сказал Георгий Карлович, — Лосев мог бы вести себя и монументально, по тому сколько он наработал и по причине еще той, что такой головы нынче нет ни у кого”.

Видимо, Алексей Федорович давно перешагнул все слабости человеческие, такие как гордыню, заносчивость и т.д. и так без конца. Видимо, он понимает по-настоящему, что важно и нужно. По моим впечатлениям для него работа — это всё. Он и сам говорил: “Я безумствовал с молодых лет, я работал днями и ночами, я потерял зрение и сон; и так сорок лет, даже больше”. Теперь для него важно издать все наработанное. <...> для простых смертных (т.е. не для узких специалистов. — Г.Б.) Алексея Федоровича хватит с избытком, чтобы представить себе и культуру, и время, и дух времени, которое исследуется. Это оценка моя не для кого-нибудь. Мне ли Алексея Федоровича хвалить?! Это оценка его для меня самой, для памяти.

А как человек? Он очень искренний человек, очень добрый, очень мудрый, очень снисходительный. В свои 84 года он очень много, чудовищно много работает, и не утерял вкуса к работе, к людям, к событиям, одним словом — к жизни. Дай Бог ему жить и жить!

Теперь, решив с Алексеем Федоровичем все дела, стали пить чай. И чай у них профессорские, но простые и милые. На столе все, но Алексей Федорович пьет жиденький чай с рахат-лукумом, который смеясь называет “замазкой”. Правда, в прошлый чай я углядела, что он любит конфетки “Мишки”, и в прошлый раз, съев одну, предерзостно потребовал и съел еще одну. Аза ему, естественно, их не очень-то дает. И права. Но это милые

подробности. И как всегда — парадокс. Все заработал, все может и — ничего нельзя. Если будешь позволять себе жить “вкусненько”, то много не наживешь, а, следовательно, и не наработаешь. Все в этом доме во имя науки и работы.

И вот за чаем я узнаю правду о Юркином житье, что на меня произвело впечатление ошеломляющее. Оказывается, Юрка пишет часто и, видимо, правдиво в Швейцарию одной старушке, которая является тетушкой Тони Комаровской... Кто-то принес Лосевым это письмо, и Аза Алибековна зачитала вслух все это Алексею Федоровичу. Они мне это пересказали; вернее, рассказывала Аза, а старик уточнял, у него же феноменальная способность запоминать на слух. Вот содержание этого письма. “Тонечка, у нас хотя и март, но тепло, восемнадцать градусов. Я пишу тебе перед раскрытым окном, за которым масса красивых цветов. Мы живем хорошо и т.д. Юра мне часто пишет. Он очень страдает от одиночества. Он страшно озлоблен, эта озлобленность пугает меня. Он пишет мне, что ему никто не верит и он не верит никому. Он пишет мне: пока я тихий. Приехав, он искал работу и не нашел. Он бросил эти поиски и обратился в толстовский фонд, где ему выдают пособие. Записался в две библиотеки и пишет мне, что очень много читает, и все серьезные книги. *Какие* жалкие письма он пишет”. Вот таково содержание и в письме тетушки слово “какие” действительно подчеркнуто.

Что можно сказать? У Лосевых его очень жалеют. Алексей Федорович сказал: “Я как подумаю о нем, так у меня по телу дрожь”. Аза Алибековна тоже очень жалеет его. Я спросила Алексея Федоровича об одиночестве, меня эта проблема очень интересует и трогает в последнее время. Он ответил: “Одиночество — очень тяжкий крест. Нельзя требовать от всех, чтобы люди могли этот крест снести. Когда я был одинок, а такие моменты в моей жизни были, мне было страшно тяжело”.

Я все размышляю: а иночество? Надо будет продолжить со стариком при случае вентилировать, эту тему... Да, я сказала старику, что Пастернак написал в “Докторе”: “Стадность — прибежище неодаренности”. Вот он мне и ответил, что одиночество — крест. <...>

И еще вспомнила я один и печальный, и смешной штрих беседы у старика за чаем. Аза Алибековна расстроено сказала: “Может быть, ему можно было бы пристроиться по духовной части, может быть в монастырь пойти?” Тут Алексей Федорович засмеялся и надо было видеть его лицо. “Теперь с монастырями дело известное, — сказал он, улыбаясь хитро-хитро. — Теперь монахи не знают — не то Богу молиться, не то манатки собирать”. Тут уж мы с Азой засмеялись. Она стала говорить, что ведь там-то монастыри еще не разгоняют.

Комично пристрастие Алексея Федоровича к словам и выражениям “барахло”, “манатки”, “балда”, “мозги отшибло”. Как смешно говорит: “Тали-и-на, ты уже не девочка, ты же взрослая женщина и должна понимать (это по поводу Туровского*), что мужское семя это вещь живая органическая, а не неживая”. Надо видеть и слышать, как старик собирается рассказать какой-нибудь безобидный и смешной анекдот, а Аза Алибековна восклицает: “Тоже мне, анекдотчик нашелся!” Два тихих профессора на отдыхе. Старик любит, когда с ним разговаривают просто и искренне. Когда мы ходили в гости всей редакцией и все молчали, то он обиделся. И сказал по окончании обеда: “Все [или всё-??] молчите! Ну, теперь приходите на мои похороны. Тогда и не надо будет разговаривать!” Посетители робеют, а ведь с ним можно общаться-то только посредством разговора. Его интересует ответ, а не благоговение собеседника».

Вот такая запись нашлась у меня в бумагах от того времени.

Жизнь была, как ей и положено быть, очень разная: и серьезная, и забавная, и печальная, и смешная. Алексей Федорович исключительно живо, остро и соответствующе реагировал на происходящее. Всегда, например, очень внимательно следил за тем, чтобы его текст не исказили. Один случай приведу без цитиро-

* Туровский Марк Борисович, бывший студент А.Ф. Лосева, впоследствии преподавал философию в мединституте, где посеял среди студентов большую смуту, утверждая, что из неживого может возникнуть живое; студенты даже пытались в лаборатории что-то сотворить. После всего Туровского уволили. Он краткое время работал в редакции эстетики.

вания, но суть была именно такова. Саша Михайлов, редактируя том, поправил выражение, что спартанцы на таком-то острове кому-то набили морду — на что-то более изящное и нейтральное. Алексей Федорович сразу это обнаружил и гонял Сашу нещадно. Говорил, что он написал так, как написал, и требовал восстановить. Понятно, что для старика античность была живая и буквально дышала. Для Саши Михайлова, наверное, это были исторические факты на страницах книг. Этот случай получил огласку в узких редакционных кругах. Особенно все смеялись на последний аргумент Лосева. Он сказал Саше: «что же они (спартанцы), по-твоему, там делали?»

Но бывали ситуации, когда было не до улыбок. Как-то Алексею Федоровичу заказали статью «Символ» для энциклопедии. В результате кроме статьи появилась и книга «Проблема символа и реалистическое искусство». Вышла она у нас, редактировал Юра Кашкаров. В тексте были большие цитаты из «Медного всадника» А.С. Пушкина, которые Кашкаров самочинно снял. Когда пришла верстка и Алексей Федорович узнал про эти сокращения — грянул гром. Юра пришел с Арбата ужасно расстроенный. Пришлось вставлять цитаты, с середины переверстывать книжку и платить типографии — тогда ввели уже этот порядок. Алексей Федорович сказал: «Я заплачу, но цитаты вернуть!» Это было Юре Кашкарову неприятно вдвойне.

Со мной лично однажды произошел случай на уровне анекдота. Пришлось мне услышать, как Алексей Федорович сердился на меня. Дело в том, что рукописи каждого тома были примерно по полторы тысячи страниц. Когда эта гора текстов бывала готова и отправлялась в типографию, то протограф, а зачастую и копии относились обратно на Арбат, там целее будут. Когда же начинали набирать, а набирали в то время на линотипах в свинце, да не в Москве, то тут не дай Бог какая-нибудь остановка; если отложат, то надолго или, что называется, навсегда.

И вот в один прекрасный день вбегает в редакцию раздраженная дама из производственного отдела и начинает шуметь: «Что вы там понаписали в своих рукописях? Звонит наборщик Лосева из Тулы, он в бешенстве! Говорит, что на каждой странице все

какое-то фэ эр гэ, да фэ эр гэ. Текст весь из древности, а при чем тут тогда Германия? Говорит, понапишут, а потом опять переливать! Говорит, бросит набор!»

Кинулась я к шкафам, а ни одного экземпляра нет. Наверное, у Кашкарова дома был экземпляр, а в редакции ничего нет. А она стоит и говорит, если сейчас не выяснишь, то набор остановим, наборщик у телефона ждет. Я совсем обалдела: какая, думаю, Германия, какая ФРГ? Последняя надежда, спросить у автора. Знаю, что Аза Алибековна в университете, но звоню. Берет трубку секретарь, рассказываю ему и прошу спросить у Алексея Федоровича. Короткая пауза и Алексей Федорович берет трубку сам. Я в панике повторяю ему этот дурацкий вопрос. Алексей Федорович тихо отвечает:

— Эф эр гэ — это сокращенное «фрагмент».

Я говорю это производственной даме, она начинает хохотать, а потом убегает. Зато я остаюсь с Алексеем Федоровичем на проводе. Он мне говорит: «Ты что же это, уважаемая? Совсем ничего не соображаешь?» Я бормочу, что ни одного текста в редакции нет, а тут еще какая-то Германия. А Лосев говорит: «Ну, уважаемая, у тебя совсем мозги отшибло!» Слово «уважаемый» было у Лосева ругательное; он говорил, что в письмах надо писать «многоуважаемый», а просто «уважаемый» — это как-то обидно.

Конечно, для других людей и ситуаций были у Алексея Федоровича и другие слова. Как-то я пришла вечером на Арбат по делам и среди прочего сообщила, что наш главный редактор Федор Дмитриевич Кондратенко опять чего-то то ли не пускает, то ли не дает. Старик говорит: «Он же мне обещал!» Потом мы стали пить чай втроем и все разговаривали с Азой Алибековной о каких-то посторонних вещах. И вдруг такой диалог.

— Федор — сволочь! — сказал в сердцах Алексей Федорович совершенно неожиданно и не к разговору.

— Что это вы, Алексей Федорович, ругаетесь? И при всех! — спросила Аза Алибековна.

— Здесь никого нет, мы одни.

— Но мы же дамы! — обиженно воскликнула Аза Алибековна.

— Извините, — мрачно сказал Алексей Федорович и весь вечер молчал. И было бы все это, конечно, смешно, когда бы не было так грустно.

Довелось мне увидеть и более тяжелую картину, которая врезалась мне в сердце, в память на всю жизнь каждой деталью, каждым словом.

Пришли мы на Арбат с Володей Походаевым объявить очередную «радостную» новость: рукопись надо сократить как минимум на десять листов, так приказало начальство, потому что якобы ни одна типография не берется переплестать такой объем. И сделать ничего нельзя.

Алексей Федорович сидел у стола напротив нас, был закутан в плед, нахохлившись, как больная птица. И молчал. Рядом с ним стояла Аза Алибековна. Тишина была какая-то нехорошая. Люстра горела очень ярко. Вдруг я увидела, что по лицу Алексея Федоровича катятся слезы. Он плакал молча и слез не вытирал. Жутко у меня стало внутри, жалость нахлынула пронзительная. Потом он сказал:

— Что же вы всё режете? Пользуйтесь, пока я жив. Вы думаете Аза вам напишет? Ничего она вам не напишет, она же филолог.

Мы молчали. Что мы могли отвечать? Вот как оно бывает. В тюрьме человек не плакал, в лагере не плакал, в войну не плакал, а тут... Видно, всякий ресурс в конце концов иссякает.

Немного успокоившись, Алексей Федорович сам стал резать свое детище и изъясил целый раздел — эллинистически-римскую эстетику, которую позже Аза Алибековна издала отдельной книгой. Но все эти сокращения были не по техническим причинам. Вот еще моя старая запись от 21 апреля 1977 г.

«Мне кажется, что против Лосева интрига какая-то на уровне Комитета, Стукалина и каких-то “ученых”, которых Вачек по фамилиям не назвал. “Ученые” считают, что в вышедших томах плохая редакция. Каковы? По их мнению, надо было сокращать. Всё это трудности, которые неизвестно как надо преодолеть. Ясно только одно, что “ученые” сами никогда ничего путного не напишут. И поделом им. Не интриговать надо, а работать». Фамилии этих людей так и остались для меня тайной.

После отъезда Кашкарова стало очень трудно. В моих старых записях мелькают фразы: «С Лосевым дело обстоит скверно. Лосева не издают. Лосева держат. Я бессильна». Да и действительно, что я такое, что я могу? Алексей Федорович считал «Историю античной эстетики» своим главным трудом, а мы падали в пропасть и точки опоры не было.

Но Бог помог. Опора нашлась в лице Ивана Федоровича Волкова, который еще тогда не был деканом филфака, но любил нас, был нашим другом, а — главное — был лучшим другом главного редактора нашего издательства «Искусство» Федора Дмитриевича Кондратенко. И стали мы давить на Ваню, а он на Федора, и вставили все-таки том в план, и назначили срок сдачи в производство. Выглядит как в сказке — бабка за дедку, а дедка за репку. Смешно, но так было.

И сам процесс сдачи был не совсем обычный и комичный. Иван Федорович сказал, что можно нести рукопись. В этот день мы были с Григоряном почему-то одни. Говорю ему: надо нести Лосева на подпись к главреду. Григорян покрутился, покурил и придумал: «Я не могу идти. У меня на пиджаке локоть рваный, дырка. Как я пойду?» Я: Федор все равно не увидит, наплевать ему на ваш рукав. А Вачек своё: лучше он домой съездит и пиджак сменит; на машине это быстро. Мне же шестое чувство подсказывает, что его из редакции выпускать нельзя — обманет, уедет и не вернется. А потом неизвестно что и когда. Вот и говорю: я Вам рукав зашью. Это был подвиг! Шить не умею, а тут рукав ему быстро и хорошо заштопала. Григорян удивился, похвалил, и мы с огромными папками пошли наверх.

В кабинете Федор Дмитриевич вертел рукопись, хлопал белесыми ресницами, мычал и мямлил, что объем слишком большой. Григорян жутко боялся начальства и молчал, трусливо улыбаясь. Я же нахально утверждала, что объем такой, как всегда, что нечего сидеть на рукописях, а надо их издавать. Федор принял нитроглицерин, помямлил еще, что с него снимут голову и... подписал. Я быстро собрала папки и мы удалились. «Ай да Ваня!» — ликующе думала я. Дело было сделано.

Когда теперь вспоминаешь эти события, то кажется, что все было не очень серьезно, как в дурной оперетте. Но было именно так. Великое сопровождалось какой-то ерундой. Помню, однажды обсуждали очередную неприятность, и я сказала, что надо бороться. Алексей Федорович ответил: «Я устал бороться! Не могу же я бороться целый век!». И печально замолк.

Единственной светлой личностью среди чиновников был наш цензор, Юрий Дмитриевич Криушенко. Когда «Искусство» переехало в Собиновский переулок, то он оказался в соседней с нами комнате. Шаг — и ты попадешь в его маленькую комнатку, доверху заваленную верстками и бумагами. Юрий Дмитриевич был очень толстый, круглый лицом, похожий на хомячка. Очки у него были с таким количеством диоптрий, что и глаз не видно; да еще огромнейшая лупа. Так и читал. Когда приносили ему эстетику, то даже дела минувших дней оставлял на просмотр, даже всяких Шефтсбери и Вольтеров. На разговоры о том, что Ваккенродера или Уильяма Морриса читать не стоит, говорил, что ту же есть вступительные статьи и надо смотреть. Редко, но иногда приглашал редакторов и говорил: что же вы тут накрутили, вот помечено, берите назад. А когда придешь с «Историей античной эстетики», то говорит: «А-а, Лосев!» Повозится на стуле, попытит и достает печать. И все. Умнейший человек был наш цензор.

Хочется еще вспомнить эпизоды из истории издания «Эллинистически-римской эстетики I — II вв. н.э.» — того самого текста, который выбросили из тома и из-за которого Алексей Федорович плакал. Аза Алибековна решила старика утешить и договорилась с директором издательства «Московский университет» Александром Константиновичем Авеличевым, своим бывшим учеником. Алексей Федорович и раньше говорил: вот, у меня всегда одни тексты, а иллюстраций никаких, хотя иногда и можно было бы иллюстрировать. А тут — директор «свой», Лосева любит, ну, мы и решили размахнуться.

Я сосватала в художники Марию Александровну Климову, в просторечии Мурочку, свою большую приятельницу, работавшую в ленинградской «Авроре», жену известного искусствоведа

Ростислава Борисовича Климова. Славочка Климов трудился у нас, в «Искусстве», и в то время делал огромный подарочный том о римском искусстве в серии «Памятники мирового искусства». Роскошных иллюстраций было море. Заключили договор, и началась усиленная беготня на Арбат и обратно.

Вдруг Мурочка заявляет: название длинное, плохо будет на титуле смотреться, нельзя ли покороче. Я осторожно закинула старику удочку насчет этого названия, а он в ответ: «А какое же тебе еще название надо? Что в тексте, такое и название!» Я ретировалась. Сказала Мурочке, чтобы делала красиво такое название, какое есть.

Однажды, уходя, уже в прихожей (и что меня дернуло?), говорю Азе Алибековне: «А знаете, чья Мурочка дочь?» Она: «Чья?» Я: «Митрополита Введенского!» Аза Алибековна всплеснулась вся и вскрикнула: «О-о-ой!» Я: «Что с вами?» Она: «Да нет, ничего. Просто он такой человек был...» Мы, большинство, тогда не знали в подробностях истории вопроса, и я не ведала, сколько душ Александр Иванович Введенский погубил. Но Алексей Федорович вместе со многими на себе всё испытал. Теперь дочь Введенского оказалась в тяжелом материальном положении, а получилось, что работу ей Лосев дал. Вот такой неожиданный нюанс в этой истории был.

Директор, Саша Авеличев, был «наш», а вот редакция — почему-то жутко враждебная. Заведующая, бойкая партийная дама, при Саше, когда на совете материалы утверждали, молчала, зато без него — держись! Я однажды не выдержала и сказала Саше — разогнали бы вы их за невежество и за все остальное. Нельзя, — отвечает: только тронь — такое начнется!..

Издательство «Московский университет» тогда находилось на ул. Герцена, в бывшем особняке графа Орлова. Авеличев сидел в роскошном кабинете графа, с камином и прочими излишествами. Редакции были в нагроможденных клетушках, курятники да и только. На втором этаже был зал, помнится, со стеклянным потолком в вышине, с кариатидами, которым какие-то дураки сделали красным лаком педикюр. Посреди зала столы со стульями для всех проходящих литературных бродяг, а на одной из стен

окошко с многообещающей надписью «Касса». Одним словом, вокзал.

В этом зале меня и штурмовала заведующая редакцией вместе с присными, и на подкрепление пригласила главного художника. Они со мной так разговаривали, почему-то лично меня с такой ненавистью поносили и в таких выражениях, что даже молодой главный художник сначала сделал большие глаза, а потом совсем их опустил. Требовали, чтобы часть иллюстраций снять, а то в этом формате остаются пустые полосы. Больше часа орали, а на меня накатило удивительное спокойствие и я на все крики говорила — нет. С неопровержимыми аргументами, почему нельзя сокращать. Кончилось тем, что главный художник предложил не сокращать, а полос добавить. Ну, на это я согласилась.

Но и Мурочка не дремала. Стала делать шрифты заголовков через все издание и заявила, что для того, чтобы сохранить архитектуру книги, ей нужна еще полоса текста.

Алексей Федорович в это время был уже на даче. И поехала я в «Отдых». Как всегда прекрасно тут — тишина, покой, аллеи. Приехала — все обрадовались (издателям всегда все рады). Алексей Федорович на веранде, в кресле-качалке. Аза Алибековна тут же, у плиты гремит кастрюльками. Всё мирно. Объявляю: так мол и так, надо дописать полосу. Старик сидит, профиль как на античной монете, молчит. А потом вдруг: «Я что хотел — все уже сказал и написал». Я, хоть и сидела, но так и села. Говорю: оформление, шрифты требуют добавить... Аза Алибековна бросает кастрюльки, начинает громко объяснять, что можно написать то-то или вот то-то. Алексей Федорович послушал, да и говорит: «Не кричи, Аза». Посидел минуты две молча, потом спросил: «Запишешь?» Ну, конечно. Тихо продиктовал. Это памятная для меня 341 страница книги. Поразило меня его чувство меры, интуиция. Как будто мысленно книгу читал. У нас даже рукописи под рукой не было — вообще ничего, а он сразу включился, решил, что именно нужно, сделал текст за несколько минут. Так всё помнить — это феноменально!

Итак, Алексей Федорович жил на даче, а дело шло своим чередом.

Мурочка придумала (чтобы было совсем уж шикарно) сделать форзац рисованным — какие-нибудь античные фигуры или сюжеты, а на переплете ничего не писать — дать тисненую золотом римскую монету с амуром, плывущим на тритоне и трубящим в морскую раковину. Показала — красиво, полный восторг. Графику, оригиналы для типографии должен был сделать ее зять, известный художник Дима Плавинский. Он и сейчас жив-здоров, ему теперь 70 лет, живет в Нью-Йорке и работает по контракту в Нью-Йоркской картинной галерее.

Через неделю спрашиваю, готово? Диалог такого содержания. Нет. Почему? Дима запил. О, боги мои, боги! Еще через неделю. Как? Пьет. Плавинский, раньше когда пил, никогда не работал. А сейчас, в Нью-Йорке, работает и когда пьет. Капитализм что ли?

Еще через неделю. Как? Пьет. Что же это такое? Когда же кончит? И вдруг Мурочка городит такую дикую вещь: «Что ты с ума сходишь? Старик старый и скоро умрет!» Это про Лосева! Это в 1979 году! Да и не важно для меня было, какой год. Я стала орать (тем более, что Мурочка была глухая, как пень), что все вы перемрете, а старик будет (и, прости Господи, почти не ошиблась: умерла Мария Александровна вслед за Лосевым и было ей всего шестьдесят с небольшим лет). В общем, дружба в сторону. Потребовала я, чтобы все было сделано немедленно. Как она своего Диму вытрезвляла, не знаю. Монету он сделал хорошо, и оригинал был сдан. Форзац не осилил, снова провалился в эту бездну, а ждать мы не могли.

Но все наши муки окончились ничем. Загад не бывает богат. Родная полиграфия все свела к нулю. Штмп что ли плохой сделали. На обложке в тираже не было никакого тритона-дельфина, никакого Амура, а просто круглое золотое пятно неизвестного содержания, которое мы окрестили «блямбой».

Наконец, книжка вышла и я пришла к старику с сигналом. Алексей Федорович сидит в кабинете благодный, в хорошем настроении. Ну, говорит, рассказывай. Вот, говорю, супер, очень красивый, цветной снимок из римской виллы, даже кракелюры на фреске. Дальше, говорю, ваш портрет с автографом, хороший, где вы чай пьете за столом, чашку мы отрезали, хорошо полу-

чилось. Дальше титул. Читай, говорит. Читаю. Дальше оборот титула, все зачитываю. Ну, теперь читай первую страницу. Я читаю: «От автора». Что?! Где?! Какое «от автора»?! Откуда взялось. Я говорю, что это Мурочка предложила, чтобы шрифты насквозь в книге гармонировали. «Ах, шрифты?! От автора! А остальное от кого? Да ты видела у меня где-нибудь “от автора”?! Да что же такое?!» Просто бушевал старик, а мне хоть провались с этими шрифтами.

Потом, когда старик успокоился, стали читать детально до конца. Потом, конечно, мир. Тем более, что книга получилась, невзирая ни на что, кажется, хорошая.

Работал Алексей Федорович необыкновенно много и продуктивно. Мы в редакции посмеивались, что старик работает один как целый сектор Института философии. Там был план — несколько листов должен сдать за год кандидат наук, и доктор наук побольше. А сколько пишет и сдает Лосев, все мы знали.

Еще до отъезда в Штаты, пришел как-то Юра Кашкаров с Арбата и поведал, что в разговоре со стариком сказал ему: «Вам, Алексей Федорович, чтобы стать классиком осталось только умереть». Я Данилычу: совсем обалдел. А он защищаться: ведь это правда. Оно и правда, живых классиков не бывает. Особенно у нас в то время быть не могло никак — пока жив, вдруг что-нибудь не то скажет или напишет.

К вопросу о «скажет» можно добавить вот еще что. Когда мы начинали спрашивать старика что-нибудь о политике, то Аза Алибековна частенько повторяла: «Вот вы все спрашиваете, а потом будете говорить везде, да еще сошлетесь, что это Лосев сказал». В общем правильно, пуганый заяц куста боится.

Помню, как Алексей Федорович усмехался: «Ленин философ сла-а-абый! У него определение материи слабое». Или разговор, когда Черненко, Константин Устинович, стал генсеком: «Сколько ему лет? Семьдесят? Старый человек. Государством руководить — это сколько работать надо! Я бы не смог...»

Мне кажется, что из колеи Алексея Федоровича могло выбивать только одно: если издательские дела спотыкались или совсем не шли.

Однажды, когда издательские дела сильно покосились, Ольга Сергеевна Собољкова, тогдашняя домоуправительница, повезла Алексея Федоровича на защиту диссертации о проблемах стиля. Алексей Федорович был мрачнее тучи и все время молчал. Соискательница говорила, объясняла и доказывала. Когда кончила, старик вдруг угрюмо спросил: «Дайте определение — что такое стиль?» И — о ужас! — она почему-то не могла ответить ни слова. Говорили, будто соискательнице вызывали скорую, а Ольга Сергеевна старика под руку — и уехали. Такая была история из рассказов других. Поэтому не могу поручиться за достоверность на 100 %, но сведения из надежных источников.

Первый раз сама я увидела Собољкову в редакции, когда она принесла сдавать рукопись лосевского тома. Приехала на такси. В лисьей шапке, губы накрашены, надменная, как Екатерина Великая. Кашкаров перед ней запрыгал, мы с любопытством наблюдали. Обмен любезностями — и удалилась. Юра раскрыл папку и охнул: «Ох, аннотацию не дали! Придется опять звонить». Сережа Александров ему: «Беги, верни даму. Пусть она напишет, чем потом канителиться». Кашкаров захохотал и говорит: «Да ведь это же домработница!» Так мы все и познакомились с Олей. <...>

Случались и недоразумения, в которых каким-то боком была виновата и я. Как-то летом, на даче у Алексея Федоровича заболела нога так сильно, что он не мог на нее даже наступить. Телефона у меня тогда на новой квартире не было, поэтому мы с Лосевыми переписывались. Вдруг в почтовом ящике — письмо от Азы Алибековны о болезни Алексея Федоровича, о том, что все разъехались по дачам и никого не найдешь. И таким одиночеством повеяло на меня от всего прочитанного.

Я моментально позвонила Александру Наумовичу Луку. Это был наш автор, ученый, занимался проблемами памяти, хороший психоневролог, замечательно лечил радикулиты и все такое, консультировал в поликлинике. Лечил и нас в редакции, отзывы о нем были очень хорошие. Я сказала, что надо немедленно ехать к Лосеву, и мы — а он бросил все свои дела — поехали в Отдых.

Приехали. Входим на дачу к Спиркину. Дача тогда была в расцвете своей летней роскошной красоты. Открываем калитку,

вступаем на аллею. Подбегает к нам собачка Спиркина, маленькая Малышка. Александр Наумович весь сжался, чувствую, что он страшно испуган. Оказалось, Лук патологически боится собак вообще. Хотя я бодро объясняю, что она только лает, но не кусается, он все равно не разжался. Так прошли аллею, вступили на портал. Оставила я здесь бедного Лука, а сама вошла на террасу. Никого. Постучалась, вошла в комнату. В комнате сидел Алексей Федорович, Саша Столяров читал ему Вл. Соловьева.

Поздоровалась. Помню дословно, старик ответил мне так: «Прости, встать не могу. Боль меня настигла». Я начала говорить, что со мной приехал врач, что все будет хорошо и т.д. А тем временем на аллее появилась Аза Алибековна с бидоном молока, увидела Лука с портфелем и поинтересовалась, к кому он приехал. Лук: к Алексею Федоровичу. Аза Алибековна ему: Алексей Федорович заболел и помочь Вам не сможет. На это Лук ей, мол, того он и приехал со мной, чтобы помочь Алексею Федоровичу.

Тут всё разъяснилось, всё засуетилось. Аза Алибековна повела Лука осматривать больного. Потом Лук вышел на террасу, установил, что это воспаление запирательного нерва, невралгия, начал выписывать рецепты. Саша побежал в аптеку. Я же завела речи об остеохондрозе. Стали Лука спрашивать: да что это, да как это. Аза Алибековна говорит, что в словаре такого слова нет. Лук нас просвещать: это не «хандроз» как я думала, а «хондроз» — греческое слово, которое можно понять как «хрящ». Аза Алибековна принесла греческий словарь, слово нашлось. Смех, живой разговор о несуразностях. Вдруг Лук произносит что-то по латыни. Поглощенная жизненными трудностями и ногой Алексея Федоровича, Аза Алибековна, как с разбегу, остановилась в разговоре и молчит. Я — тем более. Тогда Александр Наумович победно перевел нам сказанное на русский. Что — уж теперь не помню. Аза Алибековна засмеялась, мол — да, да! Врач получил плату за визит, я обязалась в Москве найти новое тогда лекарство под названием «бруффен», светская беседа закрутилась и мы удалились.

Когда приехали, Лук все ахал, какая у Спиркина дача. А теперь, когда вышли за забор, он мне — какие замечательные и

приятные люди Лосевы. Я соглашаюсь. Потом спрашивает, кто Аза Алибековна? Отвечаю: профессор, заведующая кафедрой классической филологии в МГУ. Тут Александр Наумович чуть не упал, смутился жутко: «Какой ужас! А я-то дурак с латынью полез!» Я смеюсь: ерунда, лишь бы нога зажила у Алексея Федоровича. А в электричке Лук все твердил: «Какой старик! Я раньше не понимал, чего вы в редакции так про него говорите, а теперь увидел его, пообщался немножко и понял! Необыкновенный старик, я таких людей не встречал!»

Вскоре Лосевы переехали с дачи в Москву. Невралгия проходила, но как-то неохотно. К тому же от этого лекарства Алексей Федорович стал хуже слышать. Просто кошмар — не видеть, да еще плохо слышать. Я ему: «Алексей Федорович, может тогда не принимать этот бруффен?» А он: «Я так не привык. Начал курс — надо кончить. Я систематик». Потом Алексей Федорович меня как-то спрашивает: «Что же ваш Лук меня бросил? Все было овеяно такой дружбой — и пропал. Даже не позвонит».

Звоню Луку, а он: «Не могу ни идти, ни звонить. Неудобно. Они будут деньги давать, а я взять не могу». Надо бы мне было вмешаться в ситуацию, да я что-то закрутилась. И долечивал Алексея Федоровича уже другой врач, специалист по иглоте­рапии. Довольно молодой, пришел и заявил, что надо колоть в шею. Алексей Федорович ему: «Что-то я не верю. Колоть будете в шею, а нога выздоровеет?» Врач отвечает: «А ваша вера и не нужна». Но после этого курса Алексей Федорович, действительно, выздоровел и стал ходить.

II.

В первой части вспоминались все какие-то дела издательские. Но никак не избежать самого печального для меня — вспоминать последний период жизни Алексея Федоровича.

О, душа моя, что же ты плачешь?! Много времени прошло, а все так живо. На Афоне монахи говорят: жил хорошо, посмотри, как умирать будет. Алексей Федорович был для меня величина постоянная, и я малодушно, но категорично отсекала мысль, что он может уйти от нас. Когда посещали такие мысли,

то сразу думалось, что вот мы живем кое-как, а Лосев живет правильно, работает много, но ритмично; вот ему и восемьдесят, и восемьдесят пять, и девяносто... и ничего. И, конечно, никогда я и предположить не могла, что вот Бог приведет мне быть свидетелем, как Алексей Федорович будет болеть и умирать.

Алексей Федорович стал болеть в начале перестройки. И как раз в это время ушла от них по причине гипертонии Софья Владимировна Бобринская, которая много лет помогала им по хозяйству. Аза Алибековна стала искать ей замену, тем более, Алексей Федорович нуждался в особом внимании. Спросила она и меня, нет ли кого на примете, хорошего какого-нибудь человека? Думала я, думала: вроде и подходящего никого нет, да и за кого можно поручиться? Позвонила Азе Алибековне и говорю, что нет никого; если только я сама могу помочь, коли справлюсь. Аза Алибековна обрадовалась, что проблема решается, я пришла, сели втроем. Все вопросы в доме всегда решались с согласия Алексея Федоровича. Его слово последнее. Аза Алибековна стала говорить, что вот Галина Даниловна будет вместо Софьи Владимировны, и как будет хорошо. Вдруг старик тихо так говорит: «Нет». Я изумилась, а Аза Алибековна красноречиво забегала и закричала, что будет хорошо, что я человек свой и т.п. Алексей Федорович опять говорит: «Нет». Я спрашиваю: «Алексей Федорович, почему?» А он отвечает: «Интеллигентный человек должен делать интеллигентную работу». Аза Алибековна заявила, что положение безвыходное, и тогда он сказал: «Я против. Делайте как хотите». С того дня стала я заниматься хозяйством, а старик перестал говорить мне «ты» и до самой смерти говорил мне только «вы», к моему величайшему огорчению. Он был сто раз прав. Он был тысячу раз прав. Но положение было и вправду безвыходное, в то время особенно был нужен кто-то свой. Однажды он мне что-то сказал, а я осмелилась и говорю: «Что это вы, Алексей Федорович, со мной на “вы” разговариваете?» И ни-че-го. Молчит. Промолчать он умел как-то особенно, мастерски.

Раньше мое общение с Лосевым было или деловым, рабочим, или гостевым иногда, то есть чай и соответственно беседа. Такое

общение можно назвать все-таки внешним. А теперь, когда попала внутрь дома и домашней жизни, общение стало частым и иным.

На дворе уже начала шуметь перестройка, у всех открылся дар речи. Один выступает так, другой печатает сляк. Ежедневный разноголосый крик. Тогда, после больницы Алексею Федоровичу уже не было хорошо, но еще не было так худо, как в последние месяцы жизни. Вот иногда, если момент подходящий, и рассказываю, кто что крикнул. Конечно, мне интересно, что старик скажет. По-моему, это самое интересное. Смута, и хочется знать, что человек мудрый скажет. Сохранилось у меня несколько записей того времени — это 1987 год, ноябрь, декабрь.

Спрашиваю, что могут означать текущие события. Отвечает весьма пессимистически: «Все это очень неопределенно и неизвестно надолго ли. Вот в чем весь вопрос. Что можно сказать? Завтра всё и кончится».

70 лет Советской власти. Торжественное собрание и речь Горбачева. Рассказываю Алексею Федоровичу на другой день, что генсек говорил. Он слушает и вдруг спрашивает: «А Бухарина реабилитировали?»

Реабилитации пошли потом, после смерти Лосева.

Не один раз заходит разговор о Сталине и компартии. Вот несколько записей.

«Старик говорит, что до тех пор ничему нельзя верить, пока Сталин не будет по-настоящему осужден, то есть выведен из партии.

Спрашиваю: И отовсюду?

Ответ: И отовсюду.

Я: Что же, значит могилу надо расковырять?

Мгновенная пауза и насмешливая улыбка.

Ответ: А как же!»

Это все дословно приводится здесь. Другая запись:

«До тех пор, пока не будет Сталин исключен из партии и не опубликуют высказывание Н.А. Бердяева: “Существует два вида сатанизма — коммунизм и фашизм”, верить всему этому нельзя».

«Спрашиваю, а что же все-таки окончательно конкретно должно быть сделано и получаю ответ: Сталин должен быть исключен из партии посмертно.

Я: Что это вы, Алексей Федорович, так волнуетесь о чистоте рядов партии?

А.Ф.: Сталин должен быть исключен, а партия переименована в фашистскую».

Еще запись. «В конце 1987 года были сомнения по поводу происходящего: надолго ли? В январе разоблачительные материалы в газетах и те же разговоры.

Старик: Что бы ни происходило, а партии все на пользу. Она все крепнет. Пред войной — какой был террор, даже военачальников всех побили. А войну все-таки выиграли. Какой ценой? Это другое дело. Но выиграли. И партия снова укрепилась. Она никогда не допустит, чтобы что-то делалось, что ей во вред. У нее очень развит инстинкт самосохранения. Если будет что-либо хоть чуть угрожающее, то она сразу примет меры к ликвидации таких явлений и факторов. Это несомненно. Также и с перестройкой, и со всем остальным вообще».

Прошло больше двух десятков лет с того разговора и теперь ясно, что по сути, по большому счету Алексей Федорович был абсолютно прав. Партия мимикрирует на все лады, а самые бойкие члены ее перестроились тогда мгновенно, приватизировали народное достояние и теперь мы имеем то, что имеем, а вернее сказать, не имеем ничего. То, что прежде было тайным и замаскированным, стало наглым и явным.

(Окончание и полный текст воспоминаний Г.Д. Беловой публикуется в Приложении к настоящему выпуску Бюллетеня)

С.С. Хоружий

Для чего размыкать себя? Новая антропология из древнего принципа синергии

... С руками, молитвенно воздетыми к небесам, пребывал он в глубокой медитации — и вдруг увидел, как на раскрытые его ладони, опускаясь, нисходит Шеша-Ананта. Однако он не испытал ни страха, ни изумления при этом необычайном зрелище: он испытал прозрение. Ему раскрылось, что в духовных своих трудах он достигал и достиг *самадхи*, той встречи с бесконечным и абсолютным, в которой и заключен смысл всех трудов, смысл опыта, что он упорно искал. Эту встречу и означало явление Шеша-Ананты, божественного змея, знака и символа бесконечности. И он начал выражать истину о событии встречи в кратких и ясных сутрах, что стали известны миру как сутры *Патанджали*: того, на чьи раскрытые ладони (*анджали*) упал (*пат*) божественный вестник. Чтобы достичь этой встречи, он должен был раскрыть ладони свои — сделать себя открытым для встречи, разомкнуть себя навстречу бесконечному. Достигнув встречи, самадхи, он достиг и полноты реализации себя, на языке философии — конституировал себя, и его способом конституировать себя было *размыкание себя к иному себе*, к бесконечному. Этот опыт конституции человека в размыкании себя выразила и закрепила классическая йога — не позднее III в.н.э.

... В совершенно ином мире, ином географически, исторически и духовно, в мире первых христианских монахов-отшельников Коптского Египта и Палестины, авва Арсений, некогда знатный константинопольский царедворец, проходя монашеские труды в пустыне и будучи погружен в молитву ко Христу, услышал зов,

к нему обращенный с наставлением: *Арсений! Убегай, уединяйся, храни молчание!* Часть последняя, о молчании, была выражена греческим глаголом *hesychadzei*, и от него пошло название всей аскетической школы Восточного христианства: *исихазм*, или же духовное искусство безмолвия — безмолвия с окружающими людьми ради беспрепятственной и непрестанной речи к Богу, ради встречи с Богом и общения с Ним. Исихастское искусство требовало великого сосредоточения, строгого метода и оттого его развитие было тонким, долгим трудом. Лишь через тысячу лет основания этого искусства и метода были сполна выражены в богословско-практическом синтезе, который осуществил монах с Афонской горы, св. Григорий Палама (1296–1357). Имя «Палама» значит по-гречески *ладонь*; и паламитский синтез исихастской духовности тоже, если угодно, учил о раскрытой ладони. Он учил — вместе со всем Православием — что назначение человека, полнота его самореализации лежат в том, что в Православии с древности называлось обожением (*theosis*) и заключалось в превосхождении, трансцендировании самого способа бытия человека: таком его изменении, при котором все энергии человека соединяются с Божественными энергиями и приобщаются Божественному бытию, входят в него. И он также учил, что, по опыту исихастов, необходимое условие обожения есть достижение синергии (*synergeia*): встречи и соработничества, согласованного действия всех человеческих энергий и Божественной энергии, благодати. В синергии человек должен направить, устремить все свои энергии ко встрече с энергиями иного образа бытия; и значит, он должен сделать себя открытым, разомкнутым для этой встречи. В этом он продвигается к полноте своей самореализации, и потому его размыкание себя есть его конституирование, способ конституции человека. Итак, как Патанджали, Палама также был Учителем размыкания человека: *Учителем раскрытой ладони*. Случайны ли имена их? Раскрытая ладонь — первичный, архетипальный жест открытости, разомкнутости человеческого существа. Но только в случае Паламы — большая разница! — размыкание мыслилось и осуществлялось в личной встрече с Богом как Личностью, в стихии общения и любви.

В Западном христианстве, однако, представления человека о себе, о собственной конституции складывались и развивались в другом русле. На них сильнее отразилось наследие античной мысли — греческой философии и римского дискурса юридической и гражданской жизни (тогда как идея размыкания человека шла непосредственно из антропологического и духовного опыта). В итоге, их основу и стержень доставлял фундаментальный концепт сущности человека, что принадлежал Аристотелю и порождал не опытный дискурс конституирования человека в практиках размыкания себя, но философское «учение о человеке», строящееся на отвлеченных категориях. После этапа схоластики, эта философская антропология, вместе со всей западной мыслью, в эпохи Ренессанса и Нового Времени подверглась интенсивной и все более углублявшейся секуляризации. Одновременно, она получила капитальную разработку как органичная часть мощного базового дискурса европейского разума — классической метафизики; благодаря вкладу Декарта, а затем Канта, к концу XVIII в. она приняла стройную и — в крупном — завершенную форму классической европейской модели человека. Ключевым понятием этой модели служило декартово понятие субъекта, а фундамент ее составляла совокупность трех базовых концептов: *субъект* — *сущность* — *субстанция*. Идея конституции человека, формируемой в определенных антропологических практиках, отодвигалась здесь в сторону, и самореализация человека, его конституирование представлялись как актуализация, развертывание его сущности. Сущность же человека ставилась в связь с набором положительных идеалов и ценностей, во главе с идеей Высшего Блага; ее развертывание означало совершенствование человека, и таким путем классическая антропология органически соединялась с доктриной прогресса. При этом, сущность человека была принципиально единым и универсальным концептом, так что всякий антропологический плюрализм, множественность видов и парадигм конституции человека здесь были исключены. В отличие от антропологии размыкания, классической антропологии был присущ максимальный универсализм, гипертрофированное единообразие концепции человека.

Итак, в течение нескольких веков — именно тех, в которые сложилась и достигла невиданных успехов современная цивилизация, — антропология была далека от концепции размыкания человека и от идеи синергии. Но было и немаловажное исключение, подтверждающее это правило: философия Кьеркегора. В пору расцвета и максимального влияния классического немецкого идеализма, который закрепил и продлил полное господство классической модели человека, «датский Сократ» решительно призывает к иному, альтернативному взгляду и на философию, и на человека; и в нашей сегодняшней перспективе, мы можем распознать в его антропологии еще один, весьма своеобразный извод антропологии размыкания. По Кьеркегору, в своей самореализации человек восходит от исходной, «эстетической» стадии — стадии эгоистических поисков удовольствия — к стадии «этической», на которой он формируется уже на основе общечеловеческих, универсальных принципов, разделяемых обществом и поддерживающих, воспроизводящих его существование, — а следом за нею, и к заключительной, «религиозной» стадии, где содержанием и целью его самореализации становится достижение подлинной веры, то есть связи с Богом. Как очевидно, обе высшие стадии естественно интерпретируются в ключе размыкания: этическая стадия представляет собой размыкание человека навстречу ближним и обществу, религиозная же стадия — не что иное, как размыкание навстречу Богу.

В пору своего создания, философия Кьеркегора была уникальным явлением; она осталась непонятой и долго была забытой. Идея размыкания себя была чужда господствовавшей классической антропологии, а практики конституирования себя в размыкании чужды были европейскому человеку. Однако перенесемся в наши дни — и мы увидим разительные изменения. Нас встречает странный, небывалый антропологический пейзаж! Его заведомо нельзя описать посредством классической антропологии, и эта антропология давно уже признана непригодной. Реальности человека не соответствуют как эта антропология в целом, так и по отдельности все три ее краеугольных концепта. Отказ от декартовой конструкции субъекта познания, став-

ший итогом ее длительной критики, заслужил особое название «смерти субъекта». Отказ от концепта сущности человека не был столь громким событием, но его значение еще глубже: такой отказ влечет за собой необходимость коренной смены самого антропологического дискурса, его концептуального, эпистемологического и методологического строя. При всем том, он сегодня едва ли может подвергаться сомнению: за ним стоит не только философская критика, но и весомый непосредственный опыт современного человека. Сущность человека, по Канту, такова, что, следуя ей, человек предопределен стремиться к Высшему Благу. Но в свете современного опыта, приписывать человеческой природе это стремление невозможно, абсурдно: достаточно вспомнить, что совсем близко, по масштабам планеты, от города Канта Кенигсберга лежит Освенцим! А уже в наши дни человек активно и увлеченно развивает практики себя, которые направляются к «постчеловеку» или «постчеловеческому будущему», по выражению Френсиса Фукуямы: к тому, чтобы прекратить существование человеческого рода, заменив его популяцией каких-либо других существ. И все большее место в его существовании занимают виртуальные практики, в которых он по-настоящему, актуально, не стремится вообще никуда, а лишь неполно воспроизводит — имитирует, дегустирует, разыгрывает... — любые актуальные практики.

Возникает принципиальный вывод: при всей своей основательности и значимости, классическая антропология в перспективе всего Пути Человека — всего только островок, промежуток, и прежде и после которого антропологической реальности соответствуют другие, *неклассические* антропологические модели и дискурсы. Классический Европейский Человек, представленный в этой антропологии, — это не человек как таковой, не универсальная антропологическая модель, но только лишь «частный случай», одна из версий или репрезентаций Человека как такового. И в силу данного вывода, мысль о человеке оказывается в состоянии поиска: необходимо найти, создать новую антропологию — более общую, чем классическая, способную описать и объяснить все многообразие антропологического опыта, класси-

ческого и неклассического, Западного и Восточного, древнего и новейшего.

Исторические примеры, открывающие наш текст, говорят, что мировые религии и духовные традиции выражали свой опыт посредством антропологии, которая базируется на идее конституции человека в размыкании себя навстречу иному образу бытия. Эта «антропология размыкания» — радикально неклассическая антропология, которая не сопоставляет человеку понятий субъекта, сущности и субстанции. В каждой из конкретных традиций, она реализуется как некоторая «частная антропология», описывающая человека, который актуализует определенную парадигму человеческой конституции; и многообразию традиций отвечает многообразие таковых парадигм. Размыкание человеческого существа принципиально плюралистично, оно имеет множество видов (к примеру, всякое чувственное восприятие означает размыкание человека к окружающей чувственной реальности), и целый ряд из этих видов способен служить в качестве способа конституирования человека, формирования структур его личности и идентичности. Антропология размыкания заведомо имеет богатый потенциал для своего распространения и обобщения. Является естественная идея: если эта антропология успешно описывала *до-классические* антропологические формации, не может ли она послужить и для описания *пост-классических* формаций? *Нельзя ли интерпретировать на базе антропологии размыкания — в каких-то иных, специфических его видах — новейший опыт и новейшие практики человека?*

Эта идея не могла не прийти мне в голову, когда в итоге многолетних исследований антропологии исихазма, а затем и других духовных практик, передо мной с определенностью очертилась лежащая в основе их всех — единая парадигма конституции человека в размыкании себя, прямое развитие и обобщение древней парадигмы синергии. В дальнейшей работе идею удалось осуществить — и так на свет появилось новое научное направление: *синергийная антропология*.

Сегодня синергийная антропология имеет уже свою историю. В первую очередь, она показала, что современные антрополо-

гические формации, действительно, соответствуют некоторым специфическим видам размыкания человека, которые глубоко отличны от размыкания к иному образу бытия (онтологическому размыканию) в духовных традициях. В конце XIX в. в антропологическом опыте ведущая роль начинает принадлежать влияниям и воздействиям (паттернам) бессознательного, систематическая теория которых в тот же период была развита в психоанализе Фрейда. Дискурс психоанализа (в особенности, в более современной формулировке Лакана) легко позволяет убедиться, что конституция человека, сознание и поведение которого управляемы паттернами бессознательного, формируется в его размыкании навстречу импульсам бессознательного. Аналогично, в последние десятилетия XX в. к доминирующей роли в опыте человека продвигаются виртуальные практики. Их — множество видов, и наиболее распространенные из них — компьютерные практики, в которых человек совершает выход в компьютерную виртуальную реальность, киберпространство, и действует в этом пространстве самым различным образом. Как показывает синергийная антропология, в этих практиках возникает определенная антропологическая формация, «Виртуальный Человек», который характеризуется неполной актуализацией своих проявлений, и его конституция также формируется в размыкании человека — еще одном специфическом «виртуальном размыкании», навстречу полноте собственной актуализации. Удается показать также, что совокупность трех видов — онтологическое размыкание, «онтическое размыкание», представленное в размыкании к бессознательному, и виртуальное размыкание — исчерпывают возможные способы конституирования человека как такового. С этим выводом, фундамент синергийной антропологии достигает завершенности.

Современные исследования в синергийной антропологии происходят по многим направлениям. Устанавливаются связи с родственными теориями — прежде всего, с синергетикой, где действует та же парадигма синергии, однако трактуемая и используемая существенно иначе, в рамках естественнонаучной эпистемологии и методологии. Но наиболее актуальное, первоо-

чередное — это выходы в социальную философию и социальную проблематику, к пониманию современной глобальной ситуации мира и человека. Аппарат синергийной антропологии позволяет по-новому концептуализовать и осмыслить взаимосвязь и взаимозависимость антропологического и социального уровней реальности, «интерфейс антропологического и социального». На этой основе сейчас проводится анализ, или же «антропологическая диагностика» главного содержимого данного интерфейса — совокупности ведущих антропологических трендов современности. Это, в свою очередь, дает возможность строить обоснованные сценарии развития глобальной антропосоциальной ситуации и даже намечать средства и способы коррекции этой ситуации. Анализ такого рода уже успел дать ряд небезынтересных выводов и результатов.

И наконец, в качестве дальнейшей широкомасштабной задачи, надо указать, что идейная логика синергийной антропологии выводит к программе *антропологизации гуманитарного знания*. В самом деле, мы раскрываем ведущую роль антропологического уровня глобальной реальности; и мы знаем при этом, что каждая из гуманитарных дисциплин и дискурсов в конечном счете ведет речь о человеке — иными словами, обладает имплицитным антропологическим содержанием. И стало быть, существует принципиальная возможность выявить связь с антропологией, антропологическую подоснову в каждом из гуманитарных дискурсов — а затем на основе этой связи развить новую концептуализацию и интерпретацию всего комплекса гуманитарного знания. Уже сегодня в рамках синергийной антропологии имеются исходные концепты и методы, проделаны исходные штудии для такой программы. На этом пути антропология продвигалась бы к новой роли и статусу: к тому, чтобы стать общей интегрирующей основой, концептуальной и эпистемологической, для всего сообщества гуманитарных дискурсов. Тем самым, она становилась бы ядром новой эпистемы для гуманитарного знания или же, по употребительной сегодня формуле, — *наукой наук о человеке*.

Н. К. Малинаускене

**Информация
о Всесоюзной научной конференции
«Алексей Федорович Лосев
и проблемы античной культуры»
 («Лосевские чтения — 91»;
Москва, 22–24 мая 1991 г.)**

22 мая 1991 года на филологическом факультете МГУ в I корпусе гуманитарных факультетов открылась конференция «Алексей Федорович Лосев и проблемы античной культуры» («Лосевские чтения — 91»). Она была организована Комиссией по античной культуре при Научном совете АН СССР по истории мировой культуры и научно-просветительским обществом «Лосевские беседы». На открытии конференции член общества, главный редактор журнала «Студенческий меридиан» Ю.А. Ростовцев поблагодарил за участие в организации конференции Общество памяти Ф.М. Достоевского и Братство Святителя Алексия. Он рассказал о готовящемся в текущем году открытии памятной доски на доме А.Ф. Лосева на Арбате работы В.М. Клыкова и проекте памятника философу¹. Ю.А. Ростовцев сообщил также о выходе в свет в Политиздате в серии «Мыслители XX века» составленной им книги А.Ф. Лосева «Мифология. Философия. Культура» с предисловием А.А. Тахо-Годи. Для участников конференции прозвучал голос Алексея Федоровича в записи на его юбилее в МГПИ 1983 года.

¹ Первоначальный замысел В.М. Клыкова в дальнейшем трансформировался и скульптором была сделана мемориальная доска для гимназии в Новочеркасске. В декабре 2011 г., к 100-летию окончания Лосевым гимназии, доска была установлена в школе № 3 им. атамана М.И. Платова.

Все заседания конференции были общими, без деления на секции. На утреннем заседании 22 мая (председатель — Н.А. Чистякова, Ленинград) было заслушано девять докладов.

Доклад А.В. Гулыги (Москва) «*Был ли Лосев апологетом античности?*» из-за болезни автора зачитала А.А. Тахо-Годи. В докладе было показано, что, при всей любви к античности, философ относился к ней с долей критицизма. Норму человеческой духовности он видел в родном Православии. Именно русская философия вернула философии религиозную проблематику, обогатив ее личностным содержанием.

Г.К. Вагнер (Москва) сделал доклад на тему «*“Троица” Рублева в свете античной эстетики*». По мысли автора, личностное представление Абсолюта доведено в христианстве до предела в троичности Отца, Сына и Святого Духа. Все это сошлось у Рублева. Кардинальное качество Троицы — жизнь Бога в самом себе. Тайну Троицы пытались понять русские философы. К этой тайне можно подойти историко-философски, историко-эстетически с помощью лосевской восьмитомной «Истории античной эстетики»..

У Гомера мир во владении трех владык — Зевса, Посейдона, Аида. У пифагорейцев и Платона — числовые структуры: нечетные числа — олимпийские боги, четные — подземные боги. Основное нечетное число — 3. С числом 3 связана симметрия. Идеальное государство имеет трехчленную структуру. Космос — триединство: тело — душа — разум. У Аристотеля триады нет. Но зато это центральная линия неоплатонизма.

Впервые термин «Троица» появляется у Ямвлиха. Подробно он был разработан Плотинем и Проклом, а на I Вселенском Соборе был принят догмат Троицы. Официально закрепил его разработку Аврелий Августин. Возникает два вопроса:

- 1) какова близость неоплатонизма к христианству?
- 2) насколько адекватно образ Троицы отразился в искусстве?

По поводу первого вопроса у Лосева мы находим подтверждение тому, что неоплатоники признавали только старую античную культуру, были противниками христианства. Для Августина же каждая ипостась Троицы обладает всеми свойствами в сово-

купности и каждая обладает самостоятельностью. Иоанн Дамаскин говорит о взаимопроникновении ипостасей.

В искусстве как символ Троицы представлено изображение трех ангелов. Возникают трудности в идентификации ангелов у Рублева. М. Алпатов отказался от однозначности интерпретации каждого из ангелов и признал их тождественность. Рублев понимал их диалектически (по Иоанну Дамаскину). Это и есть тайна рублевской Троицы: синтетическое понимание триединства. Для решения этой проблемы нужен лосевский ум.

В.И. Постовалова (Москва) в докладе *«Творчество Лосева в свете цельного знания»* остановилась на вопросах, какой идеал освещал и формировал путь Лосева и почему он не только мыслитель, но и учитель жизни. Таким идеалом для Лосева был идеал цельного знания, выдвинутый Вл. Соловьевым. По Соловьеву, цельное знание — это синтез философии, богословия и науки, их триединство. Ни одна из этих областей в отдельности не достигает истины. Цельное знание у Лосева выразилось в «Философии имени». Алексей Федорович приходит к картине православного миропонимания. Чудесное и магическое для него — закономерная основа бытия. Лосев диалектически обосновывал чудо. Цельное знание может образовать цельную жизнь. Его словами, «знание есть любовь, а любовь — узрение тайны любимого». Знание — момент цельной космической жизни человека, но не информация. Поэтому Алексей Федорович — учитель жизни.

Р.В. Гордезиани (Тбилиси) выступил с докладом *«Структурные закономерности взлетов и падений в греческой культуре»*, в котором суммировал результаты своего труда «Греческая цивилизация», выполненного под влиянием идей А.Ф. Лосева и опубликованного на грузинском языке. Автор рассматривает культуру как совокупный способ и продукт человеческого творчества (художественного, интеллектуального и практически-прикладного). Античный цикл (с 20 в. до н.э. до 5 в. н.э.) включает минойскую, греческую, этрусскую, римскую сосистемы. Внутри них выделяются подсистемы как периоды с единой тенденцией, имеющие свое начало и завершение.

«Об одном из вопросов специфики античной культуры и его отражении у А.Ф. Лосева» рассказала Н.А. Чистякова (Ленинград), остановившись на соотношении двух античных культур. По мнению докладчицы, для Лосева было само собой разумеющимся, что римское сознание, выражаясь в заимствованных у греков формах, было специфичным. Опыт римской личности — это абсолютизация государственности. В архаической и классической Греции самопознание личности находилось на уровне рода, далее происходила абсолютизация полиса у трагиков, ораторов. Ксенофонт, софисты, Сократ, Платон пытались спасти чистую культуру Эллады. Римское «я» — это не воплощение божественных сил, но само божество было имманентно личности. В неоплатонизме обе античные культуры слились воедино.

Темой доклада Л.Н. Столовича (Тарту) была *«Возможность аксиологической интерпретации античной философии и эстетики (по материалам исследований А.Ф. Лосева)»*. Аксиология как самостоятельная наука возникла во II половине XIX века. Возможно ли ее относить к античности? Докладчик приходит к выводу, что в трудах Лосева показана возможность аксиологической интерпретации античной философии и эстетики и то, как зрела эта аксиология в античности.

В.П. Яковлев (Ростов-на-Дону) обратился к теме *«Эстетика философии»*. По его мнению, философия и эстетика у Лосева слились воедино. Как классик, он осмыслял философию эстетически, а эстетику философски. Философия не просто включает в себя эстетику: эстетика венчает собой философию. Сам акт философского творчества — акт эстетический и по смыслу, и по средствам воплощения. По мысли Аристотеля, есть науки более полезные, чем философия, но нет науки более прекрасной. По словам Гегеля, философ должен обладать эстетическим даром не меньше, чем поэт. Можно ставить вопрос об эстетическом характере философского творчества. Эстетизм связан с антиутилитаризмом, антипрагматизмом философии. Это не оторванность от жизни, а устремленность от эмпирии в мир свободы. Философия эстетична постольку, поскольку это стратегия свободной человеческой деятельности.

Цельность знания — эстетична, гармонична. Это не только работа ума, напряжение интеллекта. Духовность не сводится к интеллекту, философия — это напряжение духа. Человек мыслит потому, что он человек, а не человек, потому что мыслит. Только интеллектуал — не философ. История философии — это история хождения по мукам человеческого духа, влекомого силой любви, веры, сострадания и совести.

В докладе *Н.В. Вулих* (Ленинград), посвященном теме «Феномен Рима в интерпретации Лосева и современных зарубежных ученых», речь шла о работах Виктора Пёшля, о необходимости глубинного комментария, «новой оптики» филологии, о том, что студенты Гейдельбергского университета ищут в античности свободы, о надежде на то, что классическая филология займет достойное место в нашей культуре. Алексей Федорович Лосев — это пример интеллигента, свободного духом.

(Реплика Н.А. Чистяковой: «Сознание своей дикости — уже шаг вперед».)

Предметом доклада *А.Л. Доброхотова* (Москва) была «Проблема символа». Автор наметил путь развития символизма на Западе, начиная от романтической школы, и пришел к выводу, что оккультная трактовка не была доминирующей, но и не прерывалась. В России поэзия символизма появляется чуть позже: философское направление (1906–1915: Вяч. Иванов, Белый, Булгаков, Флоренский, Лосев до 30-х годов) переходит в христианский платонизм (Лосев, Булгаков), формальную школу (семиотические течения). И на Западе, и на Востоке символизм и доминировал, и был сопутствующим. Новую эпоху ожидал и готовил Лосев. В последних работах у него ведется выяснение того, что было прежде, и того, что возможно нового.

В модели Лосева докладчик выделил три основных момента: 1) соединение трансцендентальной диалектики и православного имяславия; 2) окончательное расставание с аллегоризмом (статья «О бесконечной валентности знака»); 3) ряд непосредственных контактов между абсолютом и субъектом и символизм как строгий философский язык, который описывает эту ситуацию.

Далее А.А. Тахо-Годи предоставила слово П.В. Тулаеву (Москва) для сообщения о результатах работы философско-религиозного кружка «Собор», осваивающего идеи А.Ф. Лосева и издавшего брошюру «Вокруг Лосева», содержащую материалы обсуждений книг и идей ученого.

Предполагавшиеся по предварительной программе на этом заседании доклады Д.В. Джохадзе «А.Ф. Лосев — выдающийся антиковед современности», А.А. Фарбитейна «Музыка и мимесис», М.Н. Саямова «О возможности применения категорий неоплатонизма при анализе музыкальных произведений» на конференции не прозвучали.

В заключение утреннего заседания А.А. Тахо-Годи огласила письмо Ш.В. Хидашели (Тбилиси), посвященное Алексею Федоровичу Лосеву.

На дневном заседании 22 мая (председатель — Р.В. Гордезиани, Тбилиси) было заслушано пять докладов. В.П. Троицкий (Москва) выступил с докладом «*“Новый альянс” или старый синтез: об одной интерпретации теории относительности у А.Ф. Лосева*». Докладчик сообщил, что по поводу теории относительности Лосев высказывается в воспоминаниях о Павле Флоренском, называя себя учеником о. Павла. Близость идей ощутима в книге «Античный космос и современная наука». Это отказ от однородного пространства, признание, что время тоже сжимаемо и расширяемо. Еще одна точка соприкосновения Лосева и Эйнштейна — стремление слышать «музыку сфер».

И у Лосева, и у Эйнштейна присутствует установка на синтезирующее мировоззрение. Только у Эйнштейна — «бегство от чуда», а у Лосева вершина синкретизма — чудо. Современная мысль вернулась к старым вопросам в отношении пространства и Вселенной.

В докладе «*Парадигмы античной культуры*» Г.Ф. Драч (Ростов-на-Дону) остановился на трех моментах. 1) Модели возрождения культуры невозможны без личности. Здесь нет социологизма. Модель рабовладельческого общества демонстрирует некоторые телесные, родовые интуиции на базисе природы. Такой взгляд на античность созвучен современным исследовани-

ям. 2) Рациональный слой в античной культуре базируется на вещном континууме. Это связано с цельностью мира, природы. 3) Теория внеличного характера античности не должна пониматься грубо. Иногда античность доходит до персонализма. Автор доклада остановился также на проблеме бессознательного в античной культуре.

С.С. Купцов (Гомель) в докладе «*Образ античности в свете лосевских идей*» остановился на диалектическом методе, избранном Лосевым среди типов философствования, на понимании ученым античности как единораздельного космоса, на учении о символе. Докладчик пришел к выводу, что Лосев — это целая эпоха и даже несколько эпох, поскольку поздний Лосев не менее интересен и значителен, чем ранний.

«*Жизненная драма отношения Лосева к Платону*» стала темой доклада М.А. Бутина (Новосибирск), который особо остановился на отношении Ленина к линии Демокрита, линии Платона и промежуточным линиям, на критике Лениным Платона и Аристотеля, на лосевском объяснении нелепости запрета противоречий. Отношение Лосева к Платону ведет к конфликту с Лениным и Аристотелем, их критике.

Р.В. Сундуков (Нижний Новгород) обратился к теме «*Миф о Метиде и проблема историчности античной мысли*». Метида — загадочное божество, которому нет места среди олимпийцев, но она первое божество мысли, отражающее особый пласт греческой духовности. Докладчик рассмотрел разные трактовки Метиды в античности в сравнении с хурритской версией.

Не состоялись заявленные в программе конференции доклады А.И. Штерна «*Астрономическая система Евдокса и гармонический анализ*», В.К. Бакиштова «*Диалектика возрождения в античной философии*», С.И. Санько «*Учение Лосева об Эресе*», И.Н. Лосевой «*Различение А.Ф. Лосевым понятия “наука” и “искусство” в философии Платона и Аристотеля*», В.Т. Звиревича «*Приложение мифологической концепции А.Ф. Лосева к изучению античной антропологии*», А.И. Жлутко «*Древнегреческая трагедия и идеи русского символизма*» и Н.В. Бекетовой «*Диалектика мифа и “русский апокалипсис”*».

Вечером того же дня в конференц-зале I гуманитарного корпуса МГУ состоялся концерт пианиста *М.М. Гамаюнова* (Ростов-на-Дону), который исполнил произведения Баха и Листа. Перед началом концерта М.М. Гамаюнов сказал, что это уже четвертый его концерт в честь Алексея Федоровича Лосева, причем второй — в этом зале. Пианист напомнил слова ученого из его труда «Музыка как предмет логики»: «Мир — это музыка», подчеркнув, что, по его мнению, Лосев был в первую очередь музыкантом, потому что в музыке слито всё.

23 мая на утреннем заседании было заслушано десять докладов. Первым из них *А.А. Тахо-Годи* объявила доклад председателя заседания *О.С. Широкова* (Москва) «*“Троица” в античности и Троица в христианстве*». К этой проблеме докладчик подошел с точки зрения возникновения и развития письменности. Первое упоминание о письме в Ветхом Завете (Исх. XXXII 16) может быть по времени соотнесено с греческим преданием о Кадме. Создание греческой письменности — это важнейшее культурное явление: люди сумели расчленить слово не на слоги, а на фонемы, элементарные составные части. Расчленение значащего на незначащее связано с учением о триаде, характерном для неоплатоников. Идея троичности была представлена уже у Платона (единое, разум, душа). Более подробно материалы о греческом атомизме и создании алфавита изложены в статье *О.С. Широкова*, опубликованной в № 3 «Вестника МГУ» за 1989 год.

В докладе *Н.К. Малинаускене* (Москва) «*Об одном из принципов филологического анализа термина в трудах А.Ф. Лосева (анализ термина в его развитии)*» было показано, как тщательно и многоаспектно исследовал ученый каждый интересующий его термин. Прежде всего это касается анализа термина в процессе его становления с обращением к исходному значению слова, к употреблению его в работах конкретного изучаемого автора и в более широком контексте. Такое исследование позволяет А.Ф. Лосеву делать выводы уже не частного, но общекультурного и историко-философского характера.

(Замечание *О.С. Широкова*: «Уложились в 14 минут в лучших традициях учеников А.Ф. Лосева»)

В докладе *«Слово в системе мифологического мышления»* М.Н. Махонина обратилась к мифу как попытке осмысления мира, мифологии как форме мировосприятия, к слову как орудию, знаку предмета в повседневном общении (коммуникативная функция), как результату духовной деятельности (когнитивная функция), как явлению смысла (по Флоренскому), к понятой словом («словопонятой») действительности. Слово в связи с мифологическим мышлением рассматривалось докладчицей в контексте Священного Писания, русской филологической школы, языка поэзии.

(Замечание О.С. Широкова: «Показана неисчерпаемость проблемы слова — вещи — дела...»)

О.М. Савельева (Москва) выступила с докладом на тему *«Логические аспекты в подходе А.Ф. Лосева к некоторым грамматическим категориям греческого языка»*. Свои наблюдения докладчица представила как продолжение предшествующих сообщений. Она остановилась на проанализированных в работах Лосева особых случаях употребления времен, наклонений, залогов в глагольной системе, а также частиц. Были отмечены методическая направленность лингвистических работ ученого, интерпретация языкового выражения как главный приоритет исследования и требование рассматривать язык во всех его проявлениях. Эти направления мысли Лосева ведут к интеграции изучения классических языков в общелингвистические проблемы.

(Замечание О.С. Широкова: «Работы Лосева в области классических языков, которые он писал в 50-ые годы, не были по настоящему замечены. Они актуальны сейчас и станут еще актуальнее в будущем»).

Темой доклада В.П. Завьяловой (Москва) было *«Семантическое расширение и усложнение лексики александрийских поэтов как явление городской культуры эллинизма»*. И прежде неоднократно обращавшаяся к трактовке Лосевым раннего эллинизма, докладчица остановилась на том, как отдельные аспекты способствуют глубокому пониманию всей эпохи в целом. В частности, это касается расширения семантических рядов за счет привлече-

ния редких слов, метафорических употреблений. Были приведены примеры обозначений дома и города у Каллимаха.

М.А. Таривердиева (Москва) прочитала доклад на тему *«Концепция интерпретирующих функций языка в работах А.Ф. Лосева. Опыт ее применения в изучении латинского высказывания»*. М.А. Таривердиева говорила о том, что формальная структура языка — не весь язык, что важна смысловая сфера, коммуникативная ориентация. Всякий языковой знак — акт человеческого мышления, которое постоянно развивается вместе с действительностью. Следовательно, бесконечен и языковой знак. Данная концепция отображается и в интерпретации латинских высказываний, в сопоставительно-семантическом анализе Лосевым языковых структур (придаточные с союзом *cum*, причастные обороты). Докладчица подчеркнула внимание ученого к человеческому фактору в языке.

(О.С. Широков назвал доклад М.А. Таривердиевой образцом четкости и краткости).

В.Н. Илющечкин в своем докладе проанализировал *«Комментарий А.Ф. Лосева к аристотелевскому трактату “Физиогномика”*». В IV томе *«Истории античной эстетики»* Алексей Федорович впервые затронул эту тему, потом появились статья И.М. Нахова, замечания С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова. Комментарий Лосева — исследование в полном смысле слова в лучших традициях античных грамматиков и философов.

«Симметрия музыкальности и философичности в трудах А.Ф. Лосева» стала темой доклада Р.А. Тельчаровой (Киев). В докладе были прослежены биографические моменты, связанные с деятельностью ученого в музыкальной области, отмечено духовное отношение к музыке, идущее от философии Вл. Соловьева. Докладчица напомнила слова Лосева из Предисловия к *«Философии имени»*, что «мимо наших языковедов проходит, совершенно их не задевая, вся современная логика, психология и феноменология», и добавила: «Не только мимо языковедов, но и музыковедов». И судьбы музыкальной эстетики Лосева складывались драматически. Но чтобы понять музыку, нужна философия.

Н.М. Дёмин (Ростов-на-Дону) выступил с докладом *«Учение Плотина о числе. Проблема музыкального времени у Лосева»*. Автор остановился на обстановке в Московской консерватории в 20-е годы, привел примеры тем докладов того времени («Две темы сонатного аллегро как борьба пролетариата и буржуазии»), рассказал о работах Конюса и Асафьева об интонации. У Лосева реализовался иной подход: он исследовал чистое становление, музыкальную форму как процесс, применил платиновскую концепцию числа к музыке, рассматривал музыку как искусство времени. Теория Асафьева — это одно из частных проявлений учения Лосева с его платиновским фундаментом. Докладчик назвал труды Лосева олимпийскими высотами.

Темой доклада М.М. Гамаюнова (Ростов-на-Дону) был *«Музыкальный миф в книге Лосева “Музыка как предмет логики”»*. Докладчик проследил связи концепции Лосева с наследием Вл. Соловьева, Шопенгауэра, Ницше, отметил мотивы 1) танца, 2) духотяжести, 3) вечности — невесты — чистоты — ночи — горлицы. В заключение М.М. Гамаюнов пришел к мысли, что от музыкального мифа неизбежен путь к софийной символике.

Из предполагавшихся по предварительной программе этого заседания докладов не состоялись следующие: И.М. Нахов *«Эстетические воззрения Лосева»*, Ц.В. Гигаури *«Об интерпретации исторической потенции античного мифа у Лосева»*, Г.В. Зверев *«А.Ф. Лосев и наши культурологические споры»*, Ю.Ф. Панасенко *«Два типа героизма»*, А.Д. Шмелев *«Парадоксы в языке»*.

На дневном заседании 23 мая, проходившем под председательством В.В. Соколова, было заслушано шесть докладов. Заседание открылось докладом А.А. Тахо-Годи (Москва) *«Новые материалы из архива Лосева»*. Было отмечено, что статьи биографического характера и исследования трудов ученого в последнее время отличаются более глубоким пониманием его наследия. Если раньше было мало информации, то сейчас — много, однако этот избыток — внешний. По существу еще не пришло время надлежащего освоения наследия Лосева. Это трудная задача, так как Лосев — не эклектик, он имел свою систему знания, понять которую необходимы усилия. Нельзя просто вырывать цитаты.

В последние два года в печати велось обсуждение отношения Лосева к марксизму. Начал его на первых Лосевских чтениях И.М. Нахов, объявив Лосева марксистом. Это получило резонанс в газете «Советская культура» (Г.В. Зверев). Вик. Ерофеев в предисловии к «Страсти к диалектике» 1990 года называет марксизм Лосева «отчаянной игрой». В.С. Стёпин, директор Института философии АН СССР, в журнале «Человек» (№ 3, 1990) написал, что Лосев — идеалист, видевший в марксизме привлекательные стороны. В «Русской мысли» (8 февраля 1991 года) опубликовано суждение, что те, кто считает Лосева перековавшимся, циничны.

А.А. Тахо-Годи напомнила, что еще в 1978 году в сборнике «Традиция в истории культуры» она писала о едином пути Лосева. Сохранившийся в архиве документ, подтверждающий эту мысль, — это «Предисловие к “Курсу истории эстетических учений”» 1934 года. Курс читался с 1922 по 1930 год в Консерватории. В 1929 году была составлена брошюра «Принципы построения курса истории эстетических учений», которая была запрещена. Это были подступы к «большой эстетике». В «Предисловии» мы находим самохарактеристику автора — ключ к пониманию Лосева как преподавателя, писателя, философа.

Далее докладчица рассказала о трудностях на пути создания главного труда жизни Лосева — «Истории античной эстетики», дополненной «Эллинистически-римской эстетикой» и «Эстетикой Возрождения», хотя изначально ученый хотел довести историю эстетики до современности. А.А. Тахо-Годи остановилась также на неосуществленных или осуществленных частично идеях философа, на его утраченных рукописях, на его приверженности к диалектическому методу, на статьях в последнем сборнике «Античность как тип культуры», подчеркнув единство и целостность в творчестве Лосева философских идей 20–30-х годов и их воплощения в филологических и эстетических трудах последующих лет.

Всякая философия — учение об идеях. Идеализм — учение о саморазвивающейся идее, но погруженной в стихию материи. Важно единство идеи и материи, бытия и сознания в живом теле культуры. Аза Алибековна процитировала слова философа, за-

вершающие «Предисловие»: «Я не чувствую себя ни материалистом, ни идеалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком... Я — Лосев! Все прочее будет неизбежной натяжкой, упрощенчеством и искажением... Нельзя, однако, наперед приказать себе стать тем или другим философом. Это решает жизнь... Но что же такое тогда сама-то жизнь? Сама-то жизнь — сумасбродство. Но в этом сумасбродстве есть метод. И жизнь философа — между сумасбродством и методологией».

В заключение А.А. Тахо-Годи рассказала о гибели архива ученого после ареста и о том, что в личном деле ОГПУ значится брошюра «Дополнения к “Диалектике мифа”» — главный криминал. Найти ее необходимо.

Далее был заслушан доклад Н.А. Померанцевой (Москва) «*Образ человека в древнеегипетской и греческой пластике (эпоха архаики)*». В докладе были даны характеристики египетских статуэток и греческих архаических курсов, продемонстрированы соответствующие слайды. Н.А. Померанцева передала А.А. Тахо-Годи записи соловецких обработок церковных песнопений.

В.В. Соколов (Москва) рассказал «*О некоторых методологических принципах А.Ф. Лосева как историка философии*». Докладчик напомнил, что Лосев воспринимался в современной философии как чуждое явление для господствующей идеологии. Однако ход времени показал, что он русскую культуру передал нам как эстафету. В 1942–1944 годах Лосев работал на философском факультете МГУ, но его выставили по инициативе Зиновия Белецкого («ненастоящий» Белецкий). Студенты же его любили, его лекции хорошо посещали.

Часто история философии изолируется от культурологической проблематики, но не у Лосева. Для него характерно редкое единство текстолога и аналитика. Культурологические обобщения освещали Алексею Федоровичу путь как историку философии. Его труды по мифологии — событие в нашей гуманитаристике. Серьезные ученые не перечеркивают марксизм, поскольку он историчен, а у Лосева — исторический подход к мифологии. Он раскрыл эволюцию человеческого сознания, выявил постми-

фологию, или предфилософию. Лосев — пионер первостепенной проблемы возникновения философии. Философия возникает из начатков научного знания. Она никогда не была пранаукой. Она рождается путем рационализации мифологии.

Н. П. Большухина (Ярославль) темой своего доклада избрала *«Жизненный подвиг св. Димитрия Ростовского в свете концепции А.Ф. Лосева религии как жизни»*. В июне празднуется тысячелетие Ростово-Ярославской епархии. Святитель Димитрий Ростовский, митрополит Ростовский и Ярославский, близок к Лосеву в понимании сущности религии. Он совершил подвиг души, что соотносится с кругом идей Лосева. Прежде всего это любовь к Богу, Церкви, ближнему. Второе качество — это стремление к свободе, а третье — способность оживотворять все духовное, отвлеченное.

Продолжил заседание доклад В.Я. Лазарева (Москва) *«Лосевские беседы» как одна из форм существования и развития лосевского жизнетворчества*. Автор назвал Лосева символической фигурой, которая войдет в историю, носителем диалога. Проблему «Лосев и марксизм» надо рассматривать как проблему «вынужденного диалога», с учетом реальности, в которой жил ученый. Докладчик говорил о необходимости создания религиозно-философского, просветительского общества «Лосевские беседы», о возможных направлениях его работы, о возвращении к текстам и великой мечте Лосева о фундаментальном исследовании истории духа. Общество должно стать попыткой подготовки почвы для возникновения суммарности знания. Наследие академического ученого требует академических конференций, работы со студенчеством, лекций. Необходима симфоничность с религиозным направлением, взаимодействие с Братством святителя Алексия. «Лосевские беседы» должны рождать новую философскую материю, продолжить традиции соловьевского общества.

В завершение заседания А.Н. Бабий (Рязань) представил *«Философско-эстетический кружок памяти А.Ф. Лосева в Рязани»*, работу которого организуют областной художественный музей и общество книголюбов. На заседания кружка собирается пол-

ный зал рязанцев и их гостей, заочных учеников и поклонников идей Лосева. Проходят выставки трудов, фотографий ученого, обсуждения докладов. В деятельности кружка принимают участие библиотека и краеведческий музей.

Закончилось заседание словами Г.К. Вагнера: «Эти два дня лучшим образом показали, что главная идея о цельном знании бессмертна».

Специальный сборник по материалам конференции не издавался. Из появившихся впоследствии публикаций по докладам нам известны следующие статьи (приводятся в хронологическом порядке): А.В. Гулыга «Был ли Лосев апологетом античности?» в «Вопросах классической филологии». Вып. XI, М.: МГУ, 1996; В.П. Завьялова (с расширением проблематики) «К характеристике города в раннеэллинистической поэзии (Каллимах, Феокрит, Аполлоний Родосский)» в сборнике «Образ мира — структура и целое». М.: Логос, № 3, 1999; Н.К. Малинауспене (Садыкова) с уточнением названия «Анализ термина *technè* в его становлении (на примере исследования А.Ф. Лосевым термина в трудах по античной эстетике)» в «Вопросах классической филологии». Вып. XII, М.: МГУ, 2002; В.П. Троицкий «“Новый альянс” или старый синтез: об одной интерпретации теории относительно-сти у А.Ф. Лосева» в монографии автора «Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева». М.: Аграф, 2007; Г.К. Вагнер «“Троица” Рублева в свете “Истории античной эстетики Лосева”» в «Российском научном журнале» (№ 4(5), 2008.

Вечером этого же дня был показан фильм «Лосев» режиссера Виктора Косаковского, получивший приз «Серебряный кентавр» на Международном фестивале неигровых фильмов.

24 мая 1991 года прошли панихиды на могиле Алексея Федоровича Лосева на Ваганьковском кладбище и в храме Богоявления в Китай-городе.

**Советуем прочитать
(Новые книжные поступления
в «Дом Лосева»: 2012)**

1. Алексеев, Сергей Викторович. Религии мира : история и современность / Моск. гуманитар. ун-т, Каф. истории. — М.: Воздушный транспорт, 2012. — 381, [1] с.; 21 см. — Библиогр. в конце глав.

Настоящее учебное пособие основано на прочитанных автором курсах лекций, посвященных истории религии и религиоведению. В настоящее время, в условиях возрождения национально-религиозных традиций народов России, религиозные проблемы приобретают значительную актуальность. Религиозный фактор оказывает разностороннее воздействие на общественно-политическую и культурную жизнь страны. Религия является важнейшей, по мнению многих мыслителей, базовой или одной из основных, составляющей культуры. Взаимосвязь религии и культурных традиций можно проследить в течение всей истории человечества. Рационализм и атеизм нового времени лишь временно ослабили позиции религиозного сознания, но не сумели полностью вытеснить его. Существующие литература, искусство, моральные системы пронизаны религиозной составляющей, не могут быть осознаны без ее изучения. Настоящее пособие адресовано студентам, изучающим дисциплины «История религии», «Религии народов мира», «Религиозная ситуация изучаемого региона», «Религиоведение». В нем рассматриваются общие и частные проблемы религиоведения, прежде всего через призму конкретной истории отдельных религиозных систем.

2. Аристотель. Евдемова этика : в 8 кн. : греческий текст, русский перевод / Пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: Канон+, 2011. — 406, [1] с.; 22 см.

Книга содержит греческий текст и русский перевод «Евдемовой этики» великого греческого философа Аристотеля. Осо-

бенностью издания является то, что это сочинение печатается в составе восьми книг. Современные издания текста «Евдемовой этики» традиционно включают в ее состав пять книг, пропуская три так называемые «средние» (или «общие») книги (кн. 4, 5, 6) поскольку считают их повторением трех «средних» книг, этики «Никомаховой» (кн. 5, 6, 7). Вопросами аутентичности обеих этик, первоначальной принадлежности трех «средних» книг, свидетельствам древних каталогов и посвящены исследования, публикуемые в приложении: «Этические сочинения и этическая система Аристотеля» и «К проблеме трех средних книг «Никомаховой» и «Евдемовой» этик Аристотеля». Издание предназначено для всех, интересующихся историей древнегреческой философии.

3. Бетти, Эмилио. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. Е. В. Борисов], Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2011. — 143 с.; 17 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Программная работа итальянского философа и правоведа Э. Бетти, экспонирующая принципы методологической герменевтики в полемике с философской герменевтикой Х.-Г. Гадамера. Для историков философии и специалистов по эпистемологии гуманитарного знания.

4. Биbihин, Владимир Вениаминович. Лес (hyle): (проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии). — СПб.: Наука, 2011. — 425 с., [1] л. портр.; 22 см. — (Слово о сущем; Т. 94). — Библиогр. в подстроч. примеч.

Исследуется лес в истории планеты и человечества. Прослеживаются основания философского понятия материи в опыте неметрического пространства леса. Уточняется отношение мужского начала эйдоса к материи в биологических трактатах Аристотеля. С привлечением отечественной и зарубежной литературы разбирается проблематика образования и развития видов, двух начал (аспектов) жизни, приспособления (годности) и выживания форм жизни. Конструктивно оцениваются перспективы современной этологии.

5. Вундт, Вильгельм. Введение в философию / Под ред. А. Л. Субботина. — М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. — 430 с.; 21 см.

Предлагаемая читателю книга представляет собой одно из наиболее известных и основательных «Введений в философию», изданных в прошлом столетии. Вундт строит свое введение в философию на основании исторического подхода к предмету. В книге рассматриваются определения философии, отношения философии к науке и религии, проблема классификации наук. Основное содержание книги занимает очерк развития европейской философии от древних греков до нового времени и анализ главных философских направлений, где излагаются основные типы решений философских вопросов в трех областях философского знания: теории познания, метафизике и этике. Книга будет полезна студентам университетов и иных высших учебных заведений, где преподается философия, а также всем интересующимся данным предметом.

6. Голобородько, Денис Борисович. Концепции разума в современной французской философии: М. Фуко и Ж. Деррида / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2011. — 175, [2] с.; 20 см. — Библиогр.: с. 68–84.

Книга посвящена философско-антропологическому анализу знаменитой полемики о разуме и неразумии. Рассматривается ряд критических подходов к проблеме рациональности во французской философии XX в. Дается обзор критики разума в работах А. Кожева, Ж. Батая, М. Бланшо. Анализируются концепции «археологии знания» (М. Фуко) и «деконструкции» (Ж. Деррида). В центре исследования такие понятия, как «Другой», «безумие», «исключение», «власть», «различие». В приложении помещены переводы ключевых для исследуемой полемики текстов: «Cogito et histoire de la folie» Ж. Деррида (публикуется в новом переводе) и «Mon corps, se rapier, se feu» М. Фуко (на русском языке публикуется впервые). Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной философской и политической антропологией.

7. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН, Моск.-Петерб. филос. клуб; отв. ред. А. А. Гусейнов. — М.: Летний сад, 2011. — 287 с.; 22 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

В сборник включены материалы проведенного при участии Флорентийского общества «Круглого стола» и избранные работы конкурса молодых ученых, посвященные одной и той же теме: «Государство как произведение искусства». «Круглый стол» состоялся 14 апреля 2010 года в Институте философии РАН как совместное заседание философов и юристов, академических специалистов и практикующих гуманитариев; он был приурочен к 150-летию публикации книги швейцарского историка Якоба Буркхардта «История культуры Ренессанса: Попытка исследования» к 75-летию Пакта Рериха — действующего международного договора о защите культурных ценностей от военных действий государств, подписанного по инициативе президента США Франклина Рузвельта, но разработанного и вдохновленного знаменитым русским мыслителем и художником Николаем Рерихом, в честь которого договор официально и был назван. Конкурс молодых ученых, проходивший в период с мая по сентябрь 2010 года, охватил студентов, аспирантов и молодых преподавателей философских, юридических и других гуманитарных специальностей из 20 регионов России. Оба мероприятия были организованы Институтом философии РАН и Московско-Петербургским философским клубом в рамках их совместных усилий по разработке и публичному обсуждению проблем философии права.

8. Гуря, Александр Викторович. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. — М.: Индрик, 2012. — 935 с.; 22 см. — (Традиционная Духовная Культура Славян. Современные исследования). — Указатели: с. 848–935.

Монография представляет собой систематизированный свод фактов, относящихся к славянской свадебной традиции; посвящена месту бракосочетания в общем жизненном цикле и символике брака, воплощенной в целом комплексе форм и жанров традиционной народной культуры, и прежде всего — в свадебном обряде, его терминологии и структуре (персонажном, предметном, акциональном и вербальном семиотических кодах). Раскрываются основные понятия, связанные с браком, способы передачи символического содержания свадьбы средствами тематических кодов (военного, растительного, ландшафтного, временного,

вкусового, различных ремесленных и др.). Систематизированы типы значений мотива брака, широко представленного в народном календаре, народной демонологии и зоологии, медицине, магии, гаданиях, играх, приметах и фольклоре. Обобщены данные по ареалогии и типологии славянской свадьбы и намечены перспективы реконструкции праславянского свадебного обряда. Этнолингвистический анализ материала подчинен задачам семантической реконструкции свадебно-брачной символики в целом, выявлению внутреннего устройства системы традиционных представлений, относящихся к жизненному циклу, и прояснению некоторых общих механизмов организации языка культуры.

9. Гусейнов, Абдусалам Абдулкеримович. Античная этика / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филос. фак. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Либроком, 2011. — 287 с.; 23 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Настоящая книга является первым отечественным систематическим исследованием античной этики. Полнота рассмотрения философско-этических учений сочетается в ней с их оригинальным толкованием как различных ответов на один и тот же вопрос о том, как добродетель соединяется со счастьем. Показано, что стремление к бессмертию, свойственное героям и героическому этосу, было вдохновляющей силой всего античного философствования. Изложение ведется по хронологическому принципу. Рассматриваются моральный канон античности (Гомер, Гесиод, Семь мудрецов), этика ранней греческой философии, воззрения Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля.

10. Замалеев, Александр Фазлаевич. Интуиции русского ума: статьи, выступления, заметки / С.-Петербург. гос. ун-т. — СПб.: Университетская книга, 2011. — 214, [1] с.; 21 см. — Библиогр.: с. 213–214 с. и в конце ст.

Сборник содержит материалы, большей частью публиковавшиеся в разных малотиражных изданиях. В них нашли отражение проблемы интуитивной гносеологии и стиля мышления в русской философии и других сферах национального культуротворчества.

11. Красиков, Владимир Иванович. Социальные сети русской философии XIX — XX вв. — М.: Водолей, 2011. — 399 с. : ил.; 21 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

В книге исследуются социальные сети русской философии последних двух веков — субъекты, динамика, состав и структуры; определяются тематики поля интеллектуального внимания и приоритеты ключевых дискуссий; выявляются корреляции между социально-экономическими изменениями и сменой материально-организационных основ существования сообществ интеллектуалов.

12. Кричевский, Андрей Владимирович. Абсолютный дух сквозь лики триединства: Сравнительный анализ философско-теологических концепций Гегеля и позднего Шеллинга / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2001. — 236, [1] с.; 20 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Книга представляет собой продолжение исследования, основные общеметафизические аспекты которого были проработаны в монографии автора «Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга» (М.: ИФРАН, 2009).

13. Кухер, Катарина. Парк Горького : культура досуга в сталинскую эпоху : 1928–1941 / Пер. с нем. А. И. Симоновой. — М.: РОССПЭН, 2012. — 349, [1] с., [12] л. ил.; 23 см. — (История сталинизма). — Пер.изд.: Der Gorki-Park. — Библиогр.: с. 321–348.

Книга немецкого историка Катарины Кухер посвящена истории возникновения и функционирования Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в 1930-е гг. Автор уделяет много внимания влиянию сталинского режима на культуру досуга трудящихся, рассматривает строительство архитектурного ансамбля парка, соответствующего идеологии того времени, исследует процесс создания аналогичных парков на территории Советского Союза. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей XX в.

14. Ливри, Анатолий. Физиология сверхчеловека : введение в третье тысячелетие. — СПб.: Алетейя, 2011. — 310, [1] с.; 21 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Автор вводит читателя в философию Третьего Тысячелетия. Русский писатель Анатолий Ливри, погружаясь в утонченную сложность Сверхчеловека, раскрывает ее, черпая примеры из русской литературы, попутно делая серию открытий в творчестве Набокова, Булгакова, Мандельштама.

15. Лисин, Александр Иванович. Идеальное : (общая теория идеальности материи). — М.: Икар, 2012. — 806 с. : ил.; 30 см. — Указ.: с. 743–796.

В этой книге мы будем размышлять об идеальном — о сущности, у которой, по сути, много и иных наименований: «дух», «душа», «идея», «значение», «смысл», «значимость», «жизнь», «психика», «сознание», «бессознательное», «ценность», «стоймость», «ментальное», «всеобщее», «время», «пространство», «геометризм», «форма», «процессуальность», «вероятность», «системность» — и множество ещё других имён, объединяемых их родовой «фамилией»: в философском плане — категорией нематериального (а в общенаучном смысле — категорией информации). Анализ идеальных сущностей, естественно, предполагает определённую методологию, имеющую базовые основания. «Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента, — говорил создатель релятивной физики, — нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия. Его деятельность, таким образом, разбивается на два этапа. Во-первых, ему необходимо отыскать эти принципы. Во-вторых — развивать вытекающие из этих принципов следствия» (Эйнштейн А. Физика и реальность: сборник статей. Москва: Наука, 1963. С. 5). Начальным принципом общей теории идеального (идеальности материи) должен послужить тот фундаментальный факт, что универсум, понимаемый нами как самое общее определение бытия всего сущего, в одном плане — разделён (дискретен), а в другом — целостен, т.е. пребывает в двух базовых состояниях, постоянно проявляя две взаимно противоположные, но вместе с тем и взаимно связанные интенции. Говорят, дьявол прячется в деталях. Идеальность материи, которую, конечно, не следует отождествлять с дьяволом, «прячется» именно в этих двух базовых понятиях универсума, определяющих его динамику, эволюцию, генезис феноменов жизни и человека (с его психикой и сознанием) и, в целом, само наше миропонимание. Исходя из этого фундаментального принципа, а именно соотносительности интенций универсума к дискретности и, одновременно, к

целостности, вполне закономерно, как её следствие, и формируется общая теория идеальности материи. Монография издаётся в авторской редакции.

16. Морен, Эдгар. К пропасти? / Пер. с фр. Г. Наумовой. — СПб.: Алетейя, 2011. — 134, [1] с.; 20 см. — Пер. изд.: *Vers l' abime?*, 2010.

Эта книга представляет собой синтез творчества Эдгара Морена. В неизбежности катастрофы, по мнению автора, кроется шанс на спасение. Хаос, в котором человечество рискует потонуть, является своего рода выходом в положительную обратную связь feed-back positif возрождения и преобразования. Гусеница умирает в коконе, чтобы стать прекрасной бабочкой — разрушение может быть предварительным актом преобразования.

17. Неретина Светлана Сергеевна. Концепты политической культуры / Светлана Неретина, Александр Огурцов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2011. — 276, [3] с.; 20 см. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Существуют различные методологические и теоретические стратегии в определении сути политики. Авторы выбрали путь выявления и описания концептов политической культуры как тех инвариантных структур сознания, которые образуют систему отсчета многообразных установок и оценок личностью власти, собственности, других людей и социальных групп.

18. Николай Кузанский. Об ученом незнании = *De Docta Ignorantia* / Пер. с лат. В.В. Бибихина. — М.: Академический проект, 2011. — 159 с.; 21 см. — (Философские технологии: ФТ). — Библиогр.: с. 148–155.

«Наука незнания» (или «Об ученом незнании») — главная работа Николая Кузанского, философа, церковного деятеля и ученого XV в. Видя в единстве первопричины дело философского познания, Кузанский учит умудренному неведению перед лицом божества. В осознании нашего исходного незнания всегда уже действует понимание того, каким должно быть истинное знание. В непознанном таким образом дает о себе знать исходно известное; отдельное свидетельствует о предсуществовании целого; разнообразие говорит о лежащем в его основе единстве. Пестрота чувственного отсылает к его рациональным закономерностям,

сложность рациональности — к простоте ума (интеллекта), различие умов как единяще-собирающих начал — к простейшему единству. Отсюда универсальный прием философского восхождения: соединение видимых противоположностей в предшествующем им единстве. Книга будет интересна как студентам, получающим классическое образование, так и всем интересующимся философией и богословием.

19. Ойзерман, Теодор Ильич. Возникновение марксизма. — М.: Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. — 598 с.; 22 см. — Библиогр.: с. 584–593.

Научный анализ марксизма, освобожденный от идеологический интенций, с несомненностью доказывает, что главным в этом учении — каким бы невероятным это ни показалось на первый взгляд — является не обоснование необходимости упразднения частной собственности на средства производства, а обоснование возможности и необходимости всестороннего развития человеческих способностей и потребностей путем радикального переустройства общества независимо от того, произойдет ли этот процесс революционным или эволюционным путем.

20. Павлюченков, Николай Николаевич. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского: антропологический аспект / Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т. — М.: Издательство ПСТГУ, 2012. — 287 с.; 21 см. — Библиогр.: с. 278–287 и в подстроч. примеч.

Священник Павел Флоренский (1882—1937) — выдающийся мыслитель начала XX в., поставивший цель в своем религиозно-философском и научном творчестве проложить пути к будущему цельному миропониманию. Данная работа посвящена одному из наименее изученных аспектов его творческого наследия, включающего в себя представления о месте человека в мире, строении и назначении человека. Систематическая реконструкция антропологии о. П. Флоренского предпринимается на основе большого количества источников: религиозно-философских трудов, писем и записей о. П. Флоренского, охватывающих весь период его творческой деятельности на свободе и в заключении на Дальнем Востоке и в Соловецком лагере. Работа включает

также рассмотрение основных периодов творческой биографии о. Павла и важных особенностей его личного духовного и мистического опыта. Книга адресована философам, богословам, историкам русской философии и всем интересующимся вопросами религиозно-философского учения о человеке.

21. Резниченко, Анна Игоревна. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. — М.: Regnum, 2012. — 415 с.; 22 см. — (Selecta; 15). — Библиогр. в подстроч. примеч. — Имен. указ.: с. 407–415.

Монография Анны Резниченко посвящена реконструкции и анализу историко-философского процесса в России и Русском Зарубежье; преимущественно в период первой половины XX столетия. Среди героев книги — свящ. П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков, Вл. Соловьёв и прот. Г. В. Флоровский, А. С. Глинка-Волжский и П. П. Перцов, С. Л. Франк и С. Н. Дурылин, и многие другие. Их концепции рассматриваются с точки зрения того внутреннего единства формирования и последующего бытия в культуре, которое автор предлагает, вслед за А. Ф. Лосевым, назвать «судьбой имени». Онтологический статус имени, как показано в книге, таков, что позволяет определить не только непосредственный смысл и контексты формирования слова, но и судьбу философа, имеющего мужество его произнести. Для специалистов в области философии в России, широкого круга читателей, интересующихся историей русской мысли.

22. Розанов, Василий Васильевич. Террор против русского национализма : статьи и очерки 1911г. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информации; сост. и подгот. текста А. Н. Николюкина и др.; коммент. Б. Н. Романова. — М.: Республика, 2011. — 412, [1] с. : портр.; 22 см. — (Собрание сочинений / В. В. Розанов ; под общ. ред. А.Н. Николюкина ; т. 21). — Указ. имен / В. М. Персонов: с. 383–409.

В настоящем томе центральное место занимает цикл статей В. В. Розанова 1911 г., вызванных убийством председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Как всегда, в статьях и очерках писателя, впервые собранных в отдельную книгу из газет и журналов, дается живая и своеобразная характеристика событий этого года, дополненная раздумьями о прошлом и настоящем России.

23. Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка: 1919–1939 / публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. — М.: РОССПЭН, 2012. — 438, [1] с., [8] л. ил.; 21 см. — (Русские сокровища Гуверовской башни).

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) и Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) принадлежали к политической элите России начала XX в. Оба были депутатами 2–4 Государственных дум и плодовитыми публицистами. Маклаков был членом партии кадетов, либералом, Шульгин — правым, националистом и монархистом. Разница в политических взглядах не мешала им быть друзьями. После революции оба оказались в эмиграции. Их переписка за 1919–1939 гг. содержит уникальную информацию о политической жизни России начала XX в., русских революциях и Гражданской войне, истории эмиграции.

24. Флоренский, Павел Александрович. Имена / Послел. К. Васильев. — СПб.: Азбука: Авалон, 2011. — 314, [2] с.; 19 см. — (Азбука-классика).

Обывательское «Как назвали корабль, так он и поплывет» приобретает религиозно-философское звучание у Павла Флоренского в его «Именах». «По имени твоему тако и житие твоё». Автор увлеченно исследует происхождение, написание, звучание и смысл имен, подкрепляя свои оригинальные и смелые рассуждения мнением филологов, историков, богословов, литераторов и оккультистов, настаивая и утверждая: имя — слово особой духовной уплотненности, оно — ядро и мистический центр личности, оно таинственно предполагает наши дурные и наши хорошие возможности, и так много значит для человека, каким именем его назовут.

25. Чиндин, Игорь Викторович. Мифология культуры: Россия, 1900–1959 годы: В 2 ч. / Моск. гуманитар. ин-т им. Е. Р. Дашковой. — М.: Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2011.

Ч. 1. — 2011. — 158 с.

Данная работа является вторым, дополненным изданием книги «Мифология культуры. Россия. Первая половина 20-го века». В монографии исследуется антропологический аспект культур-

ных и религиозных метаморфоз России 20-го века. Анализируется логика исторического движения различных вариантов мессианской «русской идеи». На материале теоретических высказываний русских символистов изучается проблематика новейшего мифотворчества. Также в монографии представлена попытка обосновать положение о существовании особой области новейшей мифологии — мифологии культуры.

26. Ясперс, Карл. Философия / Карл Ясперс ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Канон+. — 2012.

Кн. 1: Философское ориентирование в мире / [пер. А. К. Судачкова]. — 2012. — 383 с. — Библиогр. работ К. Ясперса: с. 375–381.

Книга посвящена проблемам, возникающим в развитии и на границах научного, то есть предметного и объективирующего знания, которое только благодаря своей предметности может служить целям практического ориентирования.

27. Дэвидсон, Памела. Библиография прижизненных произведений Вячеслав Иванова: 1898–1949 / Под ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: Каламос, 2012–340 с.

Вячеслав Иванов (1866–1949), выдающийся поэт, мыслитель, критик и переводчик русского Серебряного века, занял прочное место в европейской культуре после эмиграции в Италию в 1924 г. Предлагаемая библиография прижизненных публикаций его произведений (1898–1949) является первой попыткой собрать все данные о его разносторонней творческой деятельности; она охватывает свыше 620-ти публикаций.

Материал в библиографии расположен в хронологическом порядке под шестью рубриками: стихи, проза, драматургия, письма, переводы и редакторская деятельность, переводы произведений Вяч.Иванова. В подробных указателях собраны списки всех прижизненных публикаций: художественные произведения, статьи и рецензии, письма, переводы и сочинения, отредактированные Вяч.Ивановым, и переводы его произведений.

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: август 2011 г. — июль 2012 г.

Н.А. Бекасова

- Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2011) // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 159–162.

Е.Б. Виноградова

1. Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». — Вып. 14. — М.: Дизайн и полиграфия, 2011. — 172 с. — Фотохроника.
2. Медиастудия в библиотеке: «модная затея» или?.. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 3–11.

В.В. Ильина

Публикации

1. Символ «Дома Лосева» — ангел со свечой: Интервью / директора библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»; беседовала А. Ракова // Студенческий меридиан. — Москва, 2012. — № 2. — С. 24–27.
2. Библиотеки 2000-х — ответ на вызовы эпохи перемен // Общедоступные библиотеки Москвы и России: от прошлого к настоящему: Сб. статей и материалов / Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева. — Москва: Книжница, 2011. — С. 296–304. — Статья на основе доклада на научной конференции «Библиотеки исторического центра Москвы: от прошлого к будущему», сост. 15–16 апреля 2010 г.
3. Тогда и теперь // Художник Антон Куманьков. Он слушал всех — И слышал каждого: Альбом-память. — М., 2012. — С. 181.

Выступления на конференциях

1. Сохранение и популяризация философского наследия в информационной среде Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева»: актуальные проекты: [Выступление на XVIII Международной конференции «Крым — 2011» в Судак 6–12 июня 2011 г.]– <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/proceeding.html>
2. Специализированная библиотека центра Москвы: модель трансформации библиотеки в цифровую эпоху: [Доклад директора библиотеки «Дом А. Ф. Лосева» на 19-й Международной конференции «Крым 2012»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» Украина, Судак, июнь 2012 г.].

Т.В. Мошковская

1. Библиотека «Нового поколения»: от WEB 2.0 к WEB 3.0 — путь в будущее // Библиотеки — как ресурс национально-культурного возрождения: Сб. статей. — Баку, 2011. — С.313–320. — На азерб. яз; С.321–330. — На рус. яз.
2. Роль электронного каталога в формировании информационной среды для вновь создаваемых библиотек (На примере библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»: Автореф. дис.... канд. техн. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. — М., 2012. — 24 с.

Г.М. Мухамеджанова

1. О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: январь–август 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 163–166. — совместно с Т.В. Чепуренко.
2. Библиография публикаций о Библиотеке «дом А.Ф. Лосева»: январь–август 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 167–168. — совместно с Т.В. Чепуренко.

1. К истории споров о соотношении теоретического и исторического литературоведения // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 года. СПб.: Скрипториум, 2011. С. 119–128.
2. Вяч.Иванов и его бакинские корреспонденты — А.М.Евлахов и С.П.Семенов (Аргашев) // *Donum homini universali*: Сборник статей в честь 70-летия Н.В.Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 359–372.
3. Алексей Ф.Лосев о коммуникативной логике языка // *Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej* / Pod red. A.Dudka. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, [2010] 2011. S.223–229. [публикация докладов А.Ф. Лосева: С. 226–227 — «О пропозициональных функциях гиперфонетических типов языковых сигнификаций (кратчайшие тезисы)», С.228–229 — «Основные категории языкознания»].
4. «Шлю Вам дружеский привет»: О письмах Л.П.Семенова к М.К.Азадовскому // *Россия и Запад: Сборник статей в честь 70-летия К.М.Азадовского*. М: НЛО, 2011. С. 464–475.
5. Примечания к «Римским сонетам» Вяч. Иванова // *Иванов Вяч. Римские сонеты*, СПб: Каламос, 2011, С. 92–105, 0,5 п.л. (совместно с А.Б.Шишкиным).
6. Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева». Вып. 14. М.: Дизайн и полиграфия, 2011. 172 с. Редактирование
7. А.Ф. Лосев. <Конспект по истории философии> // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева». Вып. 14. М.: Дизайн и полиграфия, 2011. С.52–64. 0,4 п.л. [Подготовка рукописи к публикации и примечания].

8. Роман «Жена-мислилац» и његов книжевно-философски подтекст // Лосев А. Жена-мислилац. Београд: Отачник, Бернар, 2011. с. 221–233.
9. А.Ф. Лосев и Андрей Белый — между восхищением и осуждением // Миры Андрея Белого / Составители К.Ичин, М.Спивак. Белград– Москва: Graficar, 2011. С. 295 –303. [Материалы Международной научной конференции «Андрей Белый в изменяющемся мире» К 130-летию со дня рождения Андрея Белого (Москва, Государственный музей А.С. Пушкина, Мемориальная квартира Андрея Белого, октябрь 2010 г.)]
10. Неподвижное солнце: стихотворения. М.: Водолей, 2012. 192 с. [рецензии: Шабаева Татьяна. Библиосфера. Пятикнижие // Литературная газета, 11–17 апреля 2012 г. № 15 (6365). С. 7; Михайлов Игорь. Лампа в арбатском переулке: Жизнь как сон и цепочка чисел // НГ — НГ-Exlibris. Четврг 12 апреля 2012 г. № 70 (5556). С. 5.]
11. «И зеркало, где женское лицо...» Вышла новая книга Елены Тахо-Годи [Интервью филолога, поэта и прозаика Елены Тахо-Годи / записала Е. Яковлева] // Российская газета. 7 марта 2012. № 49 (5722). С. 9.
12. Об Анне Ивановне Журавлевой // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: Сборник статей. М: Три квадрата, 2012. С.57–70.
13. Движение ума // Российская газета — Федеральный выпуск. 2012, 28 мая. — №5792 (119). [интервью записала Е. Яковлева]. — <http://www.rg.ru/2012/05/28/dvizhenie.html>
14. «Мифологическая целесообразность» судьбы // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. Выпуск № 3 (38). Май-июнь. М.: НИЦ «Академика», 2012. С. 31–40.

Выступления на конференциях

1. А.Ф. Лосев и издательский проект «Russland»: [Доклад на семинаре «Творческое наследие А.Ф.Лосева: проблемы и перспективы». Москва, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 18 октября 2011 г.].

2. Отношения Я–Ты в книге А.Ф. Лосева и В.М. Лосевой „Радость на веки”: переписка лагерных времен: [Доклад на Международной научной конференции «“Жизнь сердца” и Я–Ты отношение в русской литературе и культуре XX–XXI вв. (дух–душа–тело)». Польша, Люблин, 17–19 ноября 2011г.].
3. Наследие А.Ф. Лосева и проблема «справедливости»: [Доклад-лекция в рамках проекта «Kulturen der Gerechtigkeit — Normative Diskurse im Transfer zwischen Westeuropa und Russland». Германия, Дрезден, 24 января 2012 г.].
4. Л.П. Семенов. Штрихи к портрету ученого: [Доклад на конференции «Ломоносовские чтения». Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, 23 апреля 2012 г.].
5. «Олимпийская нагота (из комментариев к «Римским сонетам» Вяч.Иванова)»: [Видео-доклад на Научной конференции друзей Ю.Б. Орлицкого по поводу его 60-летия. Москва, РГГУ, 6 июля 2012 г.,].

В.П. Троицкий

Публикации

1. Лосев Алексей Федорович // Большая Российская энциклопедия. Т. 18 (Ломоносов — Манизер). — М.: 2011. — С. 58–59.
2. Семинар «Русская философия». Хроника: февраль — апрель 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». — М., 2011. Вып. 14. — С. 24–45.
3. Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: февраль — апрель 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». — М., 2011. Вып. 14. — С. 46–48.
4. ПРО на рубеже веков: К 50-летию юбилею соединения противоракетной обороны: Исторические очерки / Под ред. В.П. Троицкого. — СПб.: ВКА имени А.Ф. Можайского, 2012. — 664 стр.
5. Несколько эпизодов службы офицера отдела боевых алгоритмов и программ. — Там же. — С. 179–193.

6. К мифологии жизни А.Ф. Лосева // Собор. Альманах религиоведения: Православие в современном образовании: к 15-летию Елецкой Православной гимназии им. Свт. Тихона Задонского. — Выпуск 9. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. — С. 153–162.
7. Периодическая система начал А.Ф. Лосева // Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004–2009 / Сост., общ. ред. А.Н. Паршина. — М.: Русский путь, 2011. — С. 238–267. (Всего 592 с. Сборник вышел в свет в апреле 2012 г.).
8. К философии чуда // Чудеса истинные и ложные. — М.: Даниловский благовестник. 2012. — С. 288–296. (В сб. в основном воспроизведены публикации первого издания, добавлены описания некоторых исследований по переносу изображения, есть цветная вкладка).

Выступления на конференциях

1. Символика и эмблематика «Столпа...» П.А. Флоренского: [Доклад на Международной научной конференции «Книгоиздательство “Путь” и русская философия Серебряного века: поиски, открытия, уроки (к 100-летию начала деятельности)», Мемориальный музей-квартира священника Павла Флоренского, г. Москва, 14 октября 2011 г.].
2. Ценностно-потенциальный мир «Уединенного» В.В. Розанова: [Выступление на круглом столе «В.В. Розанов в пространстве ценностных ориентаций» / «Дни философии в Санкт-Петербурге–2011», Философский факультет СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 18 ноября 2011 г.].
3. Типы предельных объектов, семиотическое существование и возможность «машины времени»: [Доклад на теоретическом семинаре «Предельные вопросы» / «Дни философии в Санкт-Петербурге–2011», Философский факультет СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 19 ноября 2011 г.].
4. «Вечность на аршине пространства»: метаморфозы времени в романах Ф.М. Достоевского: [Выступление на Международной онлайн-конференции «Метафизика и литература в русской культуре XIX — XX вв.», Философский факультет

Папского университета Иоанна Павла II, г. Краков, Польша, 1 декабря 2011 г.].

5. Выступление на совместном заседании семинара «Русская философия», семинара по истории математики и механики МГУ и редакции журнала «Вопросы истории естествознания и техники», посвященном выходу в свет книги Л. Грэхема и Ж.-М. Кантора «Имена бесконечности...» (СПб., 2011). Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», г. Москва, 12 декабря 2011 г.
6. Участие в церемонии открытия мемориальной доски, посвященной А.Ф. Лосеву (работа скульптора В.М. Клыкова), на здании школы № 3 им. М.И. Платова г. Новочеркасск, бывшей Платовской мужской классической гимназии. Выступление на открытии студенческой научной конференции, посвященной творчеству А.Ф. Лосева (Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина, г. Новочеркасск), 14 декабря 2011 г.
7. Философия множественности и философия имени В.Н. Муравьева: [Выступление на заседании семинара «Русская философия», посвященному выходу в свет сочинений В.Н. Муравьева в 2-х томах (М., 2011), Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», г. Москва, 9 февраля 2012 г.].
8. Потенциальность — философский ключ к «Уединенному»: [Выступление на заседании семинара «Русская философия» на тему «“Уединенное” В.В. Розанова как событие в русской культуре», Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», г. Москва, 15 марта 2012 г.].

Т.В. Чепуренко

1. О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: январь — август 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 163–166. — совместно с Г.М. Мухамеджановой.
2. Библиография публикаций о Библиотеке «дом А.Ф. Лосева»: январь — август 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 167–168. — совместно с Г.М. Мухамеджановой.

А.В. Шамшурин

1. Хроника научной жизни «Дома А. Ф. Лосева»: январь — август 2011 г. // Бюллетень Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». — М., 2011. — Вып. 14. — С. 12–24. — совместно с В.Б. Кудриным.
2. [Примечания к публикации:] *Лосев А.Ф.* Значение Ломоносова в истории русской литературы // М.В. Ломоносов: Pro et contra. Серия “Русский путь”. Личность М.В. Ломоносова в оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. М.А. Маслин. Издательство Русской христианской гуманитарной академии. — СПб, 2011. — С. 1093–1095.
3. Международная научная конференция «Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века»// Известия РАН. Сер. литературы и языка. — 2011. Т. 70. № 6. — С. 66–71.

О.В. Шелякин

1. Музыкальное произведение как способ познания действительности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ин-т философии РАН. — М., 2011. — 22 с.
2. Музыкальное произведение как способ познания действительности: Дис. ... канд. филос. наук / Ин-т философии РАН. — М., 2011. — 122 с.
3. А.Ф. Лосев о музыке и музыкантах: Аполлоническое и дионисийское начала в творчестве западноевропейских и отечественных композиторов // Credo new: Теоретич. журнал. — Санкт-Петербург, 2012. — № 1. — С. 22–25.

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А. Ф. Лосева»: сентябрь 2011 г. — июнь 2012 г.

Рыченкова М. Дом русской философии // Наша Школа. — Москва, 2010. — № 6. — С. 34–35. — О Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» как единственной в России публичной специализированной философской библиотеке и центре изучения творчества А. Ф. Лосева.

Спивак П. [Краткая характеристика жизненного пути А. Ф. Лосева] // НГ-EX LIBRIS. — Москва, 2011. — № 35. — 22 сент. — С. 8. — Прил. к Независимой газ. — 2011. — № 204. — 22 сентября.

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Библиотека истории философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»: Стенд. № У2–10: Описание организации // Ежегодный Московский 6-й Фестиваль Науки. 7–9 октября 2011 г.: Каталог участников выставки. — Москва: ЦВК «Экспоцентр», 2011. — С. 13.

Арбат, 33. Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» // Арбат. В лицах, судьбах, эпохах... Путеводитель. — 2-е изд. — Москва: «Новая Элита», 2011. — С. 55–60.

Тахо-Годи А. А. «Если занимаешься античной философией, то без классической филологии ничего поделать нельзя...»: Интервью / беседу вела Т. А. Уманская // Вопр. философии. — Москва, 2011. — № 12. — С. 10–18. — В связи с вручением А.А. Тахо-Годи Серебряной медали Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

Ильина В. В. Библиотеки 2000-х — ответ на вызовы эпохи перемен // Общедоступные библиотеки Москвы и России: от прошлого к настоящему: Сб. статей и материалов / Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева. — Москва: Книжница, 2011. — С. 296–304. — В статье автор ссылается на опыт работы Библи-

отеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева».

«Я сослан в XX век» — конференция, посвященная жизни и творчеству А. Ф. Лосева — <http://www.ngma.su/content/news/51/1020>. — На сайте Новочеркасской гос. мелиоративной академии дается информация об открытии памятной доски великому философу XX века А.Ф. Лосеву, в помещении средней школы № 3 г. Новочеркаска, 14 декабря 2011 г. После торжественного открытия доски состоялась научно-теоретическая конференция «Лосевские беседы — «Я сослан в XX век».

Пряхина Е. Поймать книгочея: Книжные магазины-кафе, библиотеки XXI века, буккроссинг как способ устроить встречу книги и читателя // Союз / Беларусь-Россия. — Москва, 2012. — № 3 (535). — 26 янв. — С. 3. — Прил. к газ.: Российская газета. — 2012. — № 15. — 26 янв.

Ильина В. В. Символ «Дома Лосева» — ангел со свечой: Интервью / директора Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»; беседовала А. Ракова // Студенческий меридиан. — Москва, 2012. — № 2. — С. 24–27.

Кохань К. «Зеленая лампа Арбата» светит для всех... // Арбатские вести. — М., 2012. — № 8. — март. — С. 8.

Ильина В. В. Специализированная библиотека центра Москвы: модель трансформации библиотеки в цифровую эпоху: [Доклад директора библиотеки «Дом А. Ф. Лосева» на 19-й Международной конференции «Крым 2012»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» Украина, Судак, июнь 2012 г.]

Дом А. Ф. Лосева на Арбате: Достопримечательности Старого Арбата — <http://www.openmoscow.ru/domloseva.php>

Дом А. Ф. Лосева, библиотека истории русской философии и культуры — <http://www.mosgid.ru/arbata-ul/dom-a-f-loseva.html>

«Дом А. Ф. Лосева» — единственная Библиотека, участвующая в Фестивале Науки в Москве, 7–9 октября 2011 г. — http://www.arbat-info.ru/arbata-portal/news/news_detail.php?ID=3909

Творческий вечер С.С. Хоружего, в связи 70-летием со дня рождения, сост. в «Доме А.Ф. Лосева» 29 ноября 2011 г. — <http://synergia-isa.ru/?p=7805>

Рукопись книги философа Дмитрия Чижевского подарена историком Модестом Колеровым «Дому Лосева» в Москве — <http://www.regnum.ru/news/1459322.html>

9 февраля 2012 г. в «Доме А.Ф. Лосева» заседание семинара «Русская философия», посвященное В.Н. Муравьеву — <http://ru-filolog.livejournal.com/117446.html>

Страничка «Дома А.Ф. Лосева» в социальных сетях — (<http://www.facebook.com/DomLoseva>), <https://plus.google.com/u/0/b/112355392036456157999/>, <http://vk.com/DomLoseva>

Семинар «Творческое наследие А. Ф. Лосева: Проблемы и перспективы». Москва. 2012 г. Афиша — <http://www.idrp.ru/afisha/lectsii-seminari/188-artistic-heritage-losev-msk>

«Библионочь» в доме «А.Ф. Лосева» — <http://www.zovem.ru/?event=25072>

В Москве пройдет первая «Библионочь» — <http://www.biblioglobus.ru/news.aspx>

Мероприятия московских библиотек — участниц акции «Библионочь». — 2012 — <http://www.biblionoch.ru/events/2012/214>

Библиотека «Дом А. Ф. Лосева» — <http://программпром.рф/INFO/F13/F28.HTM>

Первая «Библионочь» пройдет в Москве — <http://moscowwalks.ru/2012/04/04/biblionoch2012/>

«Библионочь» в Москве: 10 самых интересных мест — http://www.inmsk.ru/news_citylife/20120416/345318746.html

«Библионочь» 20 апреля 2012 г. — <http://www.the-village.ru/cities/moscow/events/961-biblionoch>

«Библионочь» охватит около 90 городов России — <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=6750&rubric=4>

Всероссийская акция «Библионочь» охватит около 90 городов. — <http://www.stfond.ru/news.htm?id=8966>

В Москве пройдет «Библионочь» — <http://1gzt.ru/2012/04/06/v-moskve-proydet-bibliionoch/>

БиблиоНочь 2012 — <http://mybooka.com/?p=11223>

С 20 на 21 апреля акция «Библионочь» в Москве пройдет в 28 библиотеках — http://www.caoinform.ru/info/detail/novosti/s_20_na_21_aprelya_aktciya_bibliionoch_v_moskve_projdet/

В ночь с 20 на 21 апреля в России пройдет первая «Библионочь» — <http://web2book.ru/lib/news/1161/>

Сообщение об открытии памятной доски А. Ф. Лосеву в г. Новочеркасске // Российская газета. Федеральный вып. — 2012. — № 119. — 28 мая. — <http://www.rg.ru/2012/05/28/dvizhenie.html>

Шеваров Д. Час Лосева: 22 мгновения из 95-летней жизни великого философа можно увидеть на выставке в Москве // Первое сентября. 2012, 26 мая. №10 (суббота), Четвертая тетрадь. Идеи. Судьбы. Времена — http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201201024

ОБ АВТОРАХ

- *Бекасова Нина Алексеевна* — сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»
- *Белова Галина Даниловна* — редактор издательства «Искусство», участвовала в подготовке к печати тт. 2–6 «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосева; ныне — старший инструктор по воспитательной работе и информации Российской армии
- *Доброхотов Александр Львович* — доктор философских наук, профессор ГУ-ВШЭ
- *Ильина Валентина Васильевна* — директор «Дома А.Ф. Лосева»
- *Кривцов Павел Павлович* — член Союза фотохудожников, фотохудожник журнала «Слово».
- *Малинаускене Надежда Касимовна* — кандидат филологических наук
- *Мухамеджанова Генриетта Михайловна* — заведующая справочно-библиографическим отделом «Дома А.Ф. Лосева»
- *Рожнов Владимир Сергеевич* — аспирант философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Тахо-Годи Аза Алибековна* — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы»
- *Тахо-Годи Елена Аркадьевна* — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, зав.отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы «Дома А.Ф. Лосева»

- *Троицкий Виктор Петрович* — ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Хоружий Сергей Сергеевич* — доктор физико-математических наук, основатель и директор Института Синергийной Антропологии
- *Чепуренко Татьяна Васильевна* — сотрудник справочно-библиографического отдела «Дома А.Ф. Лосева»
- *Шамиурин Андрей Викторович* — кандидат философских наук, ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Шеваров Дмитрий Геннадьевич* — журналист, эссеист, прозаик, литературный критик, член Союза писателей Москвы

СОДЕРЖАНИЕ

«Дом А.Ф. Лосева» — события и факты

<i>Ильина В.В.</i> Модель трансформации библиотеки в эпоху новых информационных технологий	3
--	---

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

<i>Шамишурин А.В.</i> Хроника культурной и научной жизни: сентябрь 2011 г. — июнь 2012 г.	12
<i>Троицкий В.П.</i> Семинар «Русская философия». Хроника: октябрь 2011 г. — апрель 2012 г.	35
<i>Троицкий В.П.</i> Семинар «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Хроника: октябрь 2011 г. — апрель 2012 г.	97
<i>Шамишурин А.В.</i> «Музыкальная гостиная» Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»: август 2011 г. — июнь 2012 г.	105

Лосевские дни

<i>Тахо-Годи Е.А.</i> На Дону начался «Год Лосева»	111
<i>Тахо-Годи А.А.</i> О доске в память А.Ф. Лосева работы В.М. Клыкова	114
<i>Доброхотов А.Л.</i> Размышление о бюсте А.Ф. Лосева	123
<i>Кривцов П.П.</i> Час Лосева	124
<i>Шеваров Дм.</i> Жизнь как встреча	126

Из архива

<i>Лосев А.Ф.</i> «Логика чистого познания» Г. Когена и неоплатонизм <i>Публикация А.А. Тахо-Годи, подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого</i>	130
<i>Рожнов В.С., Тахо-Годи Е.А.</i> Что мы знаем о протоиерее Алексее Полякове? (неуценные сведения о деде А.Ф. Лосева)	175
<i>Протоиерей Алексей Поляков</i> (Некролог)	184
<i>Протоиерей В. Петров</i> Слово при гробе протоиерея Ново-черкасской Михайло-Архангельской церкви Алексия Григорьевича Полякова.	186
<i>Прот. Н. Крапиров.</i> Речь, сказанная при отпевании протоиерея Михайло-Архангельской церкви о. Алексия Полякова... ..	190
<i>Подготовка публикации и примечания В.С. Рожнова</i>	

Из воспоминаний

<i>Белова Г.Д.</i> Поминайте учителей и наставников ваших... (Памяти Алексея Федоровича Лосева). <i>Продолжение</i>	192
---	-----

Наши публикации

<i>Хоружий С.С.</i> Для чего размыкать себя? Новая антропология из древнего принципа синергии	213
---	-----

Справочно-библиографический раздел

<i>Малинаускене Н.К.</i> Информация о Всесоюзной научной конференции «Алексей Федорович Лосев и проблемы античной культуры» («Лосевские чтения — 91»; Москва, 22–24 мая 1991 г.)	221
<i>Бекасова Н.А.</i> Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2012)	236
О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: сентябрь 2011 г. — июнь 2012 г. <i>Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко</i>	248
Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: сентябрь 2011 г. — июнь 2012 г. <i>Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко</i>	256
Об авторах	260

Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф.Лосева». Вып. 15. — М.: ГРАНД-ФАИР; 2012. — 264 с.; 8 л. илл.
ISBN 978-5-91093-010-4

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР».
Межрегиональный библиотечный коллектор
109428, г. Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2
Телефон/факс: +7 (495) 721-38-56 (многоканальный)
www.grand-fair.ru, e-mail: office@grand-fair.ru

Подписано в печать 28.08.2012. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл.-печ. л. 16,5. Печать цифровая. Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «Onebook.ru».
ООО «Сам Полиграфист»
127090, г. Москва, Протопоповский переулок, д. 6.
Телефон/факс: (495) 225-37-10 (многоканальный)
Сайт: www.onebook.ru

Библиотека благодарит за помощь и содействие:

Департамент культуры города Москвы

Управление культуры города Москвы

**Начальника управления культуры
Ромуальда Ромуальдовича Крылова-Иодко**

Префектуру ЦАО города Москвы

ISBN 978-5-8183-1852-3

9 785818 318523